

10.335/
1957/2

УДК 82
82.02

6

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУППА

1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

57.219

СОДЕРЖАНИЕ

К вам наше слово, писатели, деятели культуры!	3
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Январь на берегу Ганга. Стихи	6
АКАКИЙ БЕЛИАШВИЛИ. Неожиданная находка. Рассказ.	7
АЛЕКСАНДР ГОМИАШВИЛИ. Соленые озера. Стихи	18
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ. По дорогам Грузии. Стихи	20
ПАОЛО ЯШВИЛИ. Труд поэта. Поэзия. Стихи.	23
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Две ночи. Главы из IV книги романа «Давид-Строитель»	25
ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Тайна Хвамли. Баллада	50
КИРШАЛ ЧАЧХАЛИА. Гагра. Стихи	52
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Белая мельница. Стихи.	53
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Снежное. Стихи	54
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Старый двор. Рассказ.	55
ОЛЕКСА НОВИЦКИЙ. Грабовский переводит Чавчавадзе. Стихи	65

СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО

МАРК ЖИВОВ. Польские певцы Кавказа.	
ТАДЕУШ ЛАДА-ЗАБЛОЦКИЙ. На вершине Джварис-Агмарти.	
ВЛАДИСЛАВ СТШЕЛЬНИЦКИЙ. Казбек.	67

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Они спустились с гор, Перевод с грузинского Э. Фейгина.	74
(См. на обороте)	

6

ДЕКАБРЬ
1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГАЛИНА ПРИЛИПКО. Великий Октябрь в произведениях М. Горького	81
ШАЛВА РАДИАНИ. Творчество М. Джавахишвили	88
ВАХТАНГ ЖВАНИЯ. Читатель и приключенческая литература.	96

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ

ПАВЛЕ ГУДУШАУРИ. Народный писатель. К восьмидесятилетию со дня рождения А. Упита.	101
---	-----

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

ГЮЛЬНАРА ДЖАПАРИДЗЕ. Тамара Абакелия	105
--	-----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Аветик Исаакян о грузинском переводе «Абу-лала-Маари»	110
Из писем К. Бальмонта о переводе «Витязя в тигровой шкуре».	112
В. ЛАПЕРАШВИЛИ. На литературных вечерах Маяковского	117

СРЕДИ КНИГ

Великому Октябрю. М. ЗАВЕРИН—Собрание сочинений Ильи Чавчавадзе; Д. ВАТЕЙШВИЛИ — Антология абхазской поэзии; Д. СТУРУА — Сборник рассказов русских писателей на грузинском языке; ВЛ. МАЧАВАРИАНИ — Всеи земле быть в цвету. 113—125

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1957 год.	126
---	-----

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АПАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

საქართველო

К ВАМ НАШЕ СЛОВО, ПИСАТЕЛИ, ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ!

Совсем недавно, торжественно отпраздновав сорокалетний юбилей, наша страна шагнула в пятое десятилетие. Вместе со всем народом праздновали это большое событие, радовались ему и мы, люди старшего поколения, на чьих глазах родилась, отстаивала свое право на жизнь, делала первые шаги в будущее наша Советская Родина.

В период подготовки к празднованию 40-летия Октября, как и повсюду в стране, в нашей республике особенно повысился интерес к революционному прошлому. Старых коммунистов — ветеранов революционной борьбы приглашали на заводы, в школы и вузы, просили выступить по радио, в газете. И хотя все мы — люди пожилые, хотя многие из нас не могут похвастаться крепким здоровьем, мы очень охотно шли на эти встречи, писали статьи, вспоминали о давно прошедших трудных и ярких днях нашей жизни, с отеческими советами и наставлениями обращались к молодому поколению.

Революционная история нашей Родины, события прошлого, этапы народной борьбы за осуществление светлых человеческих мечтаний — это тема не юбилейная, не кратковременная, а нужная и актуальная всегда. И надо, чтобы работа, начатая перед сорокалетием Октябрьской революции, была продолжена, чтобы она вызвала к жизни целый поток литературы: романов, повестей, мемуаров.

Разговор об изучении, отражении в литературе и искусстве великого революционного прошлого мы не случайно хотим начать с мемуаров, воспоминаний бывалых людей. Издание такого рода книг, брошюр, сборников, опубликование в периодической печати рассказов старых большевиков мы считаем очень важным в этой большой работе.

Мемуарная литература будет способствовать развитию историко-революционной темы и в изобразительном искусстве, к ней сможет обратиться и драматург, работающий над исторической пьесой, и сценарист, задумавший воссоздать на экране один из периодов большого пути, пройденного нашей славной Коммунистической партией и, в частности, — большевиками Грузии.

Нам, старым коммунистам, — немало лет, многим за семьдесят, восемьдесят. Пройдут годы, и все, что сейчас существует еще в памяти отдельных людей, как личный опыт, станет областью истории, и исследователю понадобится много труда и терпения, чтобы уточнить дату, имя, установить подробность. Так почему же не подумать об этом сейчас, не помочь нам сделать то полезное, что мы еще можем сделать, помочь еще

раз послужить народу и, если содружество, к которому мы вас ³⁰⁻ ^{художественное} ^{произведение} ^{и десятки мемуаров.} ^{Мы не обладаем необходи-} ^{мым литературным опытом,} ^{да к тому же в том, что стало собственной} ^{судьбой,} порой трудно бывает самому отличить главное, представляющее ценность для настоящего и будущего, от второстепенного, незначительного. Зная нас, вы всегда сможете выбрать наиболее интересного рассказчика. Ведь ценность мемуарного произведения зависит от значительности пережитого, пережитого, увиденного его автором. Среди нас вы найдете участников партийных конференций и съездов, организаторов масс, устроителей нелегальных типографий, пропагандистов, агитаторов, узнаете многое о работе Тифлисской, Кутаисской, Батумской, Сухумской большевистских организаций Грузии, о деятельности Тифлисского и Кутаисского губкомов, а также об укомах, райкомах партии периода подготовки революции, борьбы с меньшевиками. А ведь обо всем этом пока ничего не написано.

Тема революционной борьбы грузинского народа — невспаханная целина, которая воздаст за труд сторицей, принесет щедрый урожай. Многие могли бы рассказать, например, наши товарищи по революционной борьбе, если пригласить их в Союз писателей, обстоятельно побеседовать с ними. И не однажды, а ввести эти встречи и беседы в правило, сделать частью работы Союза. Опыт Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов говорит о том, насколько это нужно и полезно.

В секции прозы Союза писателей СССР существует специальная комиссия по связи со старыми большевиками. В нее входят видные советские писатели И. Кремлев, М. Брагин, П. Нилин и другие. А в период подготовки к 40-летию Великого Октября писатели Москвы нашли новую форму творческого содружества со старыми большевиками. На партийное собрание секции прозы Московского отделения Союза писателей СССР, посвященное подготовке к 40-летию Октября, были приглашены директор Государственного музея революции и члены комиссии этого музея по сбору воспоминаний старых большевиков. Тогда и было решено силами обеих комиссий — Союза писателей и Музея революции — проводить тематические четверги. Первый же такой «четверг» привлек внимание писателей, разрабатывающих в своих произведениях героическое прошлое Коммунистической партии и советского народа.

Почему бы творческим Союзам — писателей, художников, журналистов — нашей республики не последовать такому примеру, не найти наиболее подходящих, применительно к нашим условиям, форм связи со старыми большевиками. Это способствовало бы появлению новых произведений документального характера, художественной литературы, брошюр, журнальных очерков, рассказов. На наш взгляд, большую пользу здесь мог бы принести «Кабинет мемуаров» при Союзе писателей Грузии (возможно, при участии Союза журналистов).

Хотелось бы высказать и еще одно пожелание. Мы считаем, что Грузии нужно иметь свой музей революции. У нас есть замечательный, богатый Филиал Центрального музея В. И. Ленина. Но здесь недостаточно материалов из революционного прошлого Грузии, начиная с первых крестьянских восстаний и вплоть до установления Советской власти. А между тем, у нас есть свои Разины и Пугачевы. Много интересных документов, материалов из прошлого хранится в архивах. На их основе можно было бы создать музей революции. Конечно, предстоит большой кропотливый труд. И в него писатели могли бы тоже внести свою

лепту. Произведения документально-мемуарного жанра, собранные с помощью литературной записи материалы, наконец, переиздание старых историко-революционных книг, несомненно помогли бы создать содержательную, яркую экспозицию музея.

Музей революции явился бы не только собранием и хранилищем документальных сокровищ, но и очагом воспитания молодежи в духе верности революционным традициям, в духе советского патриотизма. Музей, как и литература, поможет воскресить в памяти людей многие незаслуженно забытые имена героев грузинского народа, самоотверженно проливавших свою кровь в жестокой борьбе с царизмом, в годы меньшевистского господства, в обстановке подполья, преследований, жестоких расправ с коммунистами. Для этого только надо вплотную заняться изучением фактического материала на местах. Сумели же лагодехские школьники, поговорив со старожилками, узнать, что на братском кладбище похоронены зверски убитые меньшевиками секретарь районной партийной организации Н. Китиашвили и его помощник — большевик Л. Кончурашвили, имена которых сохранились лишь в памяти знавших их современников.

Когда работа по изучению революционного прошлого развернется в нашей республике по-настоящему, не трудно будет установить мемориальные доски с указанием имен героев, погибших в боях за счастье народа, добиться, чтобы были воздвигнуты новые памятники, обелиски. Это нужно не только, как знак всенародного уважения к светлой памяти бойцов революции. Это нужно для будущего, для воспитания нашей молодежи. Когда школьник или студент положит букет цветов у подножья памятника, снимет шапку, проходя мимо священной могилы или восхитится смелостью, выдержкой, целеустремленностью героя, о котором расскажет ему книга, привычные слова — борьба, революция, жертвы — зазвучат для него по-новому, заставят задуматься о жизни, о своем общественном долге. Ведь известно: что легко достается, меньше ценится. Так пусть знает наша смена, молодое поколение: все, что оно получило готовым, его права, его настоящее, оплачено кровью замечательных сынов и дочерей народа.

Дорогие товарищи писатели! Мы ждем вашего ответного слова, вашей помощи и внимания.

Если мы сумели убедить вас в важности и необходимости предстоящей работы по изучению и отражению в литературе славного революционного прошлого нашей партии, нашего народа, если мы сумели убедить вас в том, какое большое место должны занять в этой работе вы, то, давайте, установим деловую творческую связь, энергично примемся за дело.

К. А. ГВАЛИЯ, член КПСС с 1917 года;
Г. В. МОНТИН, член КПСС с 1917 года;
М. В. ЦЕРЕТЕЛИ, член КПСС с 1918 года.

ЯНВАРЬ
на берегу
ГАНГА

Перевод с грузинского М. Максимова

У тихого Ганга январской порой
Сидим, как в июне сидят над Курой, —
И свежий лучок, и бутылка вина,
А рядом в молчанье торжественно-строгом,
Чуть дышат деревья, застыла дорога,
Лежит на холмах тишина.

Лежит над спокойной, зеленой рекой
Торжественный мир, да такой,
Что грозное солнце нам ласку дарит,
Цветы обнимает змея со слезами,
И тигр перед ланью смирился и замер,
И в дружбе с голубкою коршун парит,

И пчелам, даря свой нектар до конца,
Цветы открывают цветные сердца,
И тащат соломку дружной муравьи,
И пальмы, раскинувши кроны, застыли,
Как будто орлицы, раскрывшие крылья
Пред взлетом в просторы свои.

Пенджабские голуби в сини сквозной,
Ее углубляя своей белизной,
Парят, а под ними, смеясь и визжа,
Как девушки, носится глупая стая
Цветных попугаев. А грифы, зевая,
На башнях сидят — тишины сторожа.

Сидят, как зубцы на стене крепостной,
Довольные этой большой тишиной,
И мы открываем бутылку вина
И смотрим на Ганга спокойные волны.
Стаканы — за дружбу, за мир этот полный,
За жизнь — осушаем до дна!

Неоксиданная
НАХОДКА

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Зурабова

*Тбилиси,
улица Мачабели, № 13.
Дом писателей.
Акакию Белиашвили.*

Глубокоуважаемый Акакий Ионович!

Как-то я прочла Ваш рассказ «Гражданский долг» — рассказ о девушке-враче, отказавшей своему жениху, чтобы не ехать с ним в деревню. Не согласилась тогда я с Вами! Не согласилась потому, что считала погибшим каждого, кто едет работать в район. Однако то, что произошло со мной сейчас, а главное, одно непредвиденное обстоятельство вынуждают меня обратиться к Вам с этим письмом.

Дело в том, что я тоже врач и после окончания института меня, как и героиню Вашего рассказа, направили на работу в деревню. Ну, нет, думаю, не выйдет! Как говорится, ночь просижу, а ночевать не стану! Родилась я и выросла в Тбилиси, в деревне почти никогда не жила, привыкла к городским удобствам и развлечениям. Единственной заботой в моей безмятежной жизни была сдача экзаменов, и я с нетерпением ждала того счастливого дня, когда сброшу с себя эту обузу и кончу институт.

Одним словом, когда я узнала, что меня посылают в какую-то глушь, меня чуть не хватил удар. К кому только не обращалась, к каким только не прибегала хитростям и уловкам, чтобы остаться в городе! Готова была пойти даже на фиктивный брак. Куда там! В студенческую пору жених не сыскался, а теперь и подавно — словно вымер весь род мужской... И вдруг нашлось влиятельное лицо! Пообещало: вытянем, будешь в городе. Но пока придется поехать и немного помучиться.

Ничего больше не оставалось. Поплакала, собрала пожитки и отправилась на место назначения. Приехала. Горы. В горах — село. В селе — площадь, родники, стада, босоногие мальчишки, ярkokрылые петухи. Сельская амбулатория — небольшое здание. Здесь меня встретили фельдшерица, зубной врач (тоже женщина). Устроилась, стала присматриваться.

«Куда же это я приехала? — думала я. — Пропаду здесь! Мне уже двадцать шесть, да еще три-четыре года в этой дыре...» Ничто меня не радовало. Величественная незнакомая красота окружала меня — столетние леса, скалы, живописные водопады, поросшие мхом каменные глыбы. В деревне — электричество, по вечерам — кино или представление, журналы, газеты, библиотека. Одним словом, все, что нужно современному образованному человеку. И все-таки я не находила себе места и жила, словно с камнем на сердце.

Прошло два-три месяца. Наступила осень. А из Тбилиси ни слуху, ни духу. Ежедневно посылала я туда письма, полные мольбы и отчаяния: помогите, не забывайте, возьмите меня отсюда!

Однажды вечером возвращаюсь с почты. Впереди — молодой человек. Вижу его в деревне впервые.

— Простите, доктор, я вас ищу, — сказал он.

— Что вам надо?

Я равнодушно оглядела его с ног до головы. Передо мной стоял деревенский парень, небритый, неуклюжий, в грязных солдатских ботинках. Но вся его внешность, лицо, широкие плечи, сильные руки дышали здоровой красотой.

— Что вам надо? — повторила я и улыбнулась.

— Мать у меня заболела. Может, посмотрите? Здесь недалеко.

Я зашла в амбулаторию и захватила инструменты. По дороге спросила:

— Работаете в колхозе?

— В колхозе.

— Бригадир?

— Нет, рядовой колхозник.

«Господи, — подумала я, — ну почему этот красавец остался таким вот неотесанным мужланом? Окончил, вероятно, кое-как семилетку и скорей за мотыгу. И уж, конечно, имеет кучу детей!».

Подошли к дому. Дом маленький, двухкомнатный, с широким балконом.

Больная была в комнате одна.

— Вот, мама, доктора привел! — сказал мой спутник, войдя в комнату.

— Дай бог тебе здоровья, — вздохнула больная. — А Тэбро не за-
был позвать?

— Тэбро в поле, еще не вернулась. Зачем тебе Тэбро? Я же с тобой.
Больная застонала.

— Не слушаешь ты меня, не хочешь жениться. А когда в доме не-
вестка...

— Мамаша, вам вредно много говорить! — перебила я ее. Потом
поставила термометр и пощупала пульс.

— Дай бог тебе здоровья, дочка! Работа не повредила, а разговор и
подавно не повредит. Разговор — что!..

Она говорила тихо, с трудом, тяжело дыша.

Оказалось — двухстороннее воспаление легких.

Я стала успокаивать.

— Не бойтесь, все будет хорошо. Сделаем уколы и в три дня поста-
вим вас на ноги.

Вернувшись в амбулаторию, я поручила фельдшернице подежурить
ночь у постели больной и сделать уколы.

— Мать Георгия так много работает! — сказала фельдшерница,
узнав, куда ей надо идти.

— У нее только один этот сын?

— Нет, и дочь есть, но она замужем и живет в другой деревне. Этот
сын...

— А почему он до сих пор не женился?

— Не до женитьбы, очевидно, было! Пока учился в институте...

— Как в институте? Он сказал, что он простой колхозник.

— Так и есть, простой колхозник. С утра до вечера то в поле, то на
виноградниках. В руке то заступ, то мотыга. Вся деревня смеется. Для
чего человек учился?

— Где он учился?

— Кто его знает! На филологическом, что ли. Изучал не то англий-
ский, не то французский. Потом все бросил, приехал сюда и взялся за
мотыгу. Злые языки говорят, что он не учился, а проштался в городе че-
тыре года и ничего не кончил. А то бы учителем работал. Сам, видно,
ничего не знает, ну, и других, ясное дело, ничему научить не может...

На следующую ночь дежурила я.

Больная чувствовала себя лучше, кризис миновал, температура спа-
ла. Георгий постелил мне во второй комнате, а сам собрался идти спать
к соседям. Я спросила:

— Говорят, Георгий, вы кончили институт?

— Да, — коротко ответил он.

— Так почему же?..

— Вас удивляет, почему я приехал в деревню?

— Да. Очень.

— Все мы люди, все человеки. У каждого свои причуды.

Он улыбнулся, и на лице его словно сверкнул луч. У него были на
редкость белые зубы.

— А все-таки, почему?

— Если вы очень хотите, расскажу... Вот вы знаете, наверное, что
Важа Пшавела и в Петербурге учился, и в Тбилиси жил, а потом все-
таки выбрал не город, а свое село Чаргали и поэмы свои писал у камина,
при живом свете пламени. Александр Казбеги избрал жизнь пастуха,
хотя и был князем. Накинул бурку и пошел в горы пасти овец. В детстве,
когда я учился в школе и впервые узнал обо всем этом, я был удивлен и
не понимал, как может человек отказаться от жизни в городе. Возможно,

что и я по примеру многих моих сверстников остался бы в городе, начал служить и с головой ушел бы в книги и бумаги. Не будем вообще говорить о тех, кто выбрал книги. Они, конечно, делают полезное дело. Но немало и таких, что как наросты на здоровом теле. Поступают в институт, не имея ни призвания, ни способностей, ни желания учиться. Единственная цель — получить диплом. А получив диплом, одни устраиваются завами столовых, другие болтаются без дела, третьи... Да всех и не перечтешь! Из десяти только четверо или пятеро оказываются годными к работе по специальности. И то, как говорится, вода не вода, уха не уха. Что дают эти люди обществу? Ничего. Плавать не умеют, вот и ищут, где помельче, чтобы перейти вброд. Посмотришь на таких — стошнит, захочешь уйти подальше, чтобы больше их не видеть.

Вот я и ушел в деревню и решил зарабатывать хлеб собственными руками. Это первая причина отъезда в деревню. Но главное, конечно, не в этом. Я был еще почти ребенком, когда отец мой погиб на фронте. Мать задумала обязательно дать мне высшее образование и послала на учебу в город. В первый же год, когда я приехал летом на каникулы домой, я понял, во что обходится матери мое высшее образование. Вернувшись вечером с поля и увидев меня, она бросилась готовить ужин, но только присела у огня, как склонила голову на грудь и заснула. Я осторожно взял ее на руки, уложил в постель и тут же решил: больше в город не поеду! Все лето проработал в поле, а осенью мать со слезами стала умолять меня вернуться к учебе, и я уехал. Так повторялось каждое лето. Я приезжал на каникулы, работал целыми днями бок о бок с матерью, а осенью уезжал. Наконец, закончил образование... И что же? Выяснилось, что по моей специальности работы пока нет. Недолго думая, я собрал все свои пожитки, приехал в деревню, взял из рук матери заступ и вот, как видите, — рядовой колхозник.

— Да, но... Я не могу представить себе, чтобы человек с высшим образованием...

— Всякая работа — работа: и физическая, и умственная! — перебил он. — Есть, конечно, люди, которые, прочитав за время учебы два-три десятка книг, думают, что это дает им основание презирать всякую физическую работу. А я вот думаю так: главное — самому заработать свой хлеб, а будет он заработан физическим трудом или умственным — какая в этом разница! Кувшины мои полны вина, амбары — пшеницы, в подвалах — ветчина и сало. Есть корова, свиньи, куры. Получаю газеты и журналы. На днях собираюсь купить машину. Занимаюсь охотой, читаю по-английски Теккерея и Голсуорси. Так неужели я плох только потому, что сам работаю в поле?

Я слушала Георгия, и передо мной словно открывался новый мир, отличный от того, в котором я пребывала все эти годы, — неизмеримо более широкий, ясный, красивый. Слушала я его и думала: вот стоит передо мной удивительный, прекрасный человек!

Георгий околдовал меня. Несколько дней после этого вечера я ходила, как замороженная. Думала только о нем. Часто заходила к его матери, готовила ей диетическую пищу и вскоре окончательно поставила женщину на ноги. Исполнились все то, что она мне пожелала, не было бы на свете человека счастливее меня.

А меня, конечно, тянуло в их дом желание встретить Георгия. Он приходил затемно. Сильно уставал. Была пора жатвы, и времени у колхозников хватало только на работу и сон. При виде меня он так улыбался, что, казалось, его обожженное солнцем бронзовое лицо излучает свет.

Я не хотела отнимать у него часы отдыха и, хотя чувствовала его желание поговорить со мной, придумывала причины и уходила.

Одним словом, — к чему скрывать! — полюбила я этого человека. Полюбила так, что не знала, как помочь себе, и что делать. «Неужели, — думала я, — счастье не улыбнется мне, неужели он меня не полюбит?».

Однажды я сидела у Чёртова водопада. Удивительное зрелище — этот водопад! Пожалуй, ничего красивее я в своей жизни не видела. Представьте: бежит в скалах лазурная хрустальная речка, шумно, весело, вздымая вокруг алмазные брызги. И вдруг срывается, медленно, на глазах, разламывается на тяжелые синие куски и падает... У подножья скалы, в вихре пенящегося водоворота, речка вновь обретает спокойствие и с прежним веселым гомоном, скользнув между двумя огромными камнями, бежит дальше...

Я стояла, очарованная водопадом, как вдруг раздался голос Георгия: — Вы что здесь делаете, доктор?

Я обернулась и посмотрела на него. Лицо его показалось мне пасмурным.

— Какой замечательный уголок! — сказала я. — Знаете, мне хотелось бы, чтобы между этими двумя камнями был мост. Мост с перилами. Это очень украсит...

— Мост? — переспросил он. Помолчал и как-то значительно прибавил: — Мост не мешало бы... Впрочем... впрочем, к чему?.. Если бы даже его уже построили, он все равно сейчас был бы разрушен.

Я не успела ничего ответить — Георгий вдруг повернулся и быстро ушел. Я так и не поняла, почему мост был бы разрушен.

Всю дорогу домой и дома, запершись в своей комнате, я думала над его словами. Что он хотел сказать? И вдруг кровь ударила мне в голову... Я вспомнила «Отараант квриви». Георгий!.. И его звали Георгием — героя рассказа Ильи Чавчавадзе. Так, может быть, он думает, что я, как княжна Кесо, которая не могла снизойти до внимания к простому крестьянину. Значит и я запала ему в душу, значит и он думает обо мне!

Но как дать ему понять, что я его люблю?

Однажды в лунную осеннюю ночь, гонимая невыносимой тоской и одиночеством, я вышла из дома и спустилась к Чёртову водопаду. Полная луна сияла, как начищенный медный таз, и в свете ее пожелтевшая листва деревьев казалась прозрачной. Спускаюсь к водопаду и вижу: между двумя камнями, что стискивают речку у подножья скалы, переброшен мост, чудесный деревянный мост с серебристыми березовыми переливами. На мосту — Георгий. Стоит, опираясь на перила, и смотрит задумчиво на водопад. А у ног — пила, топор и другие инструменты.

Как вам описать то, что я тогда пережила? Вот, когда входите в темную комнату и зажигаете свет, все перед вами на какое-то мгновение словно растворяется в этом свете и превращается в сплошную сверкающую массу. Вот так было и со мной: все вспыхнуло и смешалось — и луна, и старые вязы, и белая пена водопада.

Я взбежала на мост, подкралась к Георгию и закрыла ему глаза ладонями. Он вздрогнул, осторожно взял мои руки, и вдруг я услышала, как гулко и сильно забилося его сердце: даг-дуг! даг-дуг!..

— Вот видите, мост не рушится, — сказала я.

— И не разрушится? — спросил он тихо.

— Не разрушится!

...И тогда он обнял меня, нежно погладил волосы, откинул голову и поцеловал... О, если бы это действительно было так! Но он не сделал этого. Он повернулся и ушел.

Я хотела его позвать, потом раздумала и решила, что теперь он все равно мой. Мой со всей своей красотой, со всей своей жизнью!

А потом... То, что случилось потом, было неожиданно и ужасно. Утром следующего дня я получила официальное сообщение о моем переводе в Тбилиси, в какую-то клинику. Влиятельное лицо сдержало свое обещание. На мое место назначен другой. Судите же сами, могу ли я теперь отсюда уехать? Написать своему знакомому, что теперь я хочу остаться, — неудобно. Да и не поймет он, почему я хочу остаться. Вот я и решила написать обо всем Вам. Вы поймете меня, и я прошу Вас: сделайте так, чтобы приказ о моем переводе отсюда как-нибудь отменили.

Уважающая Вас

Нелли Спиридоновна Вашакидзе.

Село Цодорети.

Доктору Нелли Вашакидзе.

Поручение Ваше выполнил. Спасибо за доверие. Простите только, что опубликовал Ваше письмо. Вы так хорошо рассказали в нем о себе, что я лишь слегка его отредактировал и счел возможным напечатать как рассказ. Надеюсь, что не обидетесь. В истории, которую Вы рассказали, очень много такого, над чем стоит призадуматься нашей молодежи.

С уважением

Акакий Белнашвили.

*
* *

Недавно мною было опубликовано в «Известиях» письмо врача Нелли Вашакидзе — рассказ о ее встрече в деревне (она вынуждена была поехать после окончания института на работу в деревню) с молодым колхозником Георгием Джалабаури, который, окончив институт, вернулся в родное село и предпочел труд рядового колхозника всякому другому.

Я получил множество писем: читателей заинтересовала и взволновала судьба Нелли и Георгия. Среди этих писем было и письмо Георгия. Я решаюсь предложить его вниманию читателя.

Вот, что он писал:

Уважаемый Акакий Ионович!

Прежде всего спасибо Вам сердечное за письмо Нелли: опубликовав это письмо, Вы поставили перед нашей молодежью вопросы, которые заставят многих призадуматься и пересмотреть свои планы на жизнь. Немало уяснил для себя из этого письма и я. (Кстати, я тот самый Георгий Джалабаури, о котором рассказала Нелли).

Если помните, в воспоминаниях Акакия Церетели, в том месте, где описана встреча его с Петром Багратиони, приведена такая поговорка: «Подражания создают мир и подражания же его разрушают». Простые слова, а сколько в них подлинной мудрости!

По соседству с нами расположен колхоз «Рассвет». И впрямь рассвет — урожай обильный, трудодни высокие, люди живут зажиточно. У нас же колхоз — «Вперед», а все назад идет. Почему? Земля та же, усло-

вия те же, люди как будто тоже ни в чем соседям не уступают. Так в чем же дело? Почему одни уже чуть ли не в преддверии коммунизма стоят, а другие на месте топчутся? А потому, по-моему, что у соседей наших руководит колхозом человек энергичный и дельный: умеет людей заинтересовать работой. У нас же в колхозе все наоборот. Зашел я, к примеру, недавно в правление. Смотрю — машина секретаря райкома. Приехал и привез с собой корреспондента газеты «Коммунисти». Стали с нашим председателем беседовать. Председатель во время беседы и говорит:

— Тут парень у нас один, Дато, со средним образованием, работу просит...

Секретарь райкома посоветовал:

— Бригадиром назначьте!

А бригадир в колхозе — самая почетная и ответственная должность. Кто знает колхоз, тот понимает, как много от хорошего бригадира зависит.

Дато этот с виду — богатырь. Перед горой поставишь — гору перевернет. И вдруг отвечает секретарю райкома:

— Я не для того в школе учился, чтоб черной работой заниматься

— Почему же черной?

— А по-вашему, мотыгу в руках держать — это не черная работа?

Одним словом, оказалось, богатырь мечтает вместо мотыги или топора, или штурвала комбайна, вооружиться пером и засесть в какой-нибудь канцелярии.

Между тем, я знал, что мать его, сестры и невестки — все каждый день выходят в поле и работают с лопатой и мотыгой в руках. Вот, думаю, наделила природа парня и силой, и красотой, а на ум поскупилась...

Встречаю вечером его мать: с поля шла, после работы.

— Почему, — говорю, — сына портишь, бездельником растишь? Целыми днями в правлении торчит — и тебе не помогает, и себе вредит. Дала бы ему в руки лопату — и айда, голубчик, на работу!

Женщина обиделась:

— Почему так говоришь, сынок? Что, мой Дато хуже других? Почему это Вануа или Нодар в городе могут жить, а мой мальчик должен в поле спину гнуть?

— А что хорошего делает Вануа в городе? Бездельничает. А Нодар, сама знаешь, парень больной, с него много не спросишь. Твой же сын пятерых мужчин в работе заменит. Недавно встретил меня и говорит: «Ты 600 трудодней выработал и весь колхозный урожай забрал!» А сам вдвое больше меня заработать может. Лопату стыдится в руки взять, а есть хлеб, что его мать и сестры трудом своим зарабатывают, не стыдится!.. Вы что, думаете, если человек научился писать, так ему и лопаты нельзя взять в руки? Да где вы этой спеси набрались?

Сказал я ей это все, а потом понял, что зря говорю. Не слушает она меня, не понимает, и все свое: ты, говорит, учился, а знания свои нигде применить не смог, на что ты способен?

На следующее утро иду в поле, смотрю — Дато. Перерезал мне дорогу, подошел. «Ты кому это вздумал мозги вправлять?» — спрашивает. А сам дрожит весь. Вижу, сила в парне через край переливается, драться хочет. Не знал он, что я еще студентом занимался в спортивной секции и как-то даже взял первенство республики по самбо. Схватил я его за грудки и не успел он опомниться, как перекинул через голову и на землю бросил. Затем поднял парня и говорю:

— Приходи в воскресенье — научу бороться. А вообще, если испытываешь прилив сил — возьми заступ и пойдем на виноградники. Поработа-

ем вместе — про всякую вражду забудешь, друзьями станем. Драка не достойна мужчин. Будь я слабым парнем и посоветуй тебе что-нибудь дельное — ты бы и тогда кулаками меня отблагодарил? стыдно! Бери заступ и идем со мной! Не раздумывай же, идем!..

Взял я его под руку, веду, а он бормочет:

— Как это ты поборол меня, непонятно...

— Не огорчайся, — отвечаю. — Я тебя умением взял. Пословицу слышал: «Силен тот, кто побеждает не силой, а разумом»? Приходи, научу бороться разумом, пригодится!

Короче говоря, помирились мы с ним, и в тот же день взял он заступ и пошел вместе со мной на виноградники. Начал было даже соревноваться со мной, но от долгого безделья так ослабел, что не только соревноваться — три дня ходить не мог. Потом постепенно привык, мышцы окрепли, и нет теперь в колхозе работника, который с ним поспорить бы мог.

В общем, как видите, образумили парня. Но ведь он не один. В нашей бригаде двадцать три человека. А на работу ежедневно в лучшем случае выходят десять или двенадцать. Почему? Вчера, например, одноглазый Ника на неделю в город отправился: жену, мол, профессору хочу показать. Поехал, жену с собой взял, да заодно и корзинки с помидорами и огурцами прихватил со своего приусадебного участка. Узнал, что в городе цены хорошие, уехал и целые две недели не появлялся. И сколько таких случаев! Каждый день! А у нас в этом году двадцать три гектара под новые виноградники отведено. Работы — по горло, а многие колхозники думают как бы только обязательный минимум трудодней вытянуть. Вот и осваивай двадцать три гектара!

Однажды на общем собрании я спросил:

— Если каждый колхозник вместо минимума выработает двести трудодней, какой тогда урожай будет?

— Будь здоров! — отвечают. — Если каждый двести выработает, — какие тогда заботы!.. Случись это в прошлом году — так мы сейчас в десять раз больше урожая имели бы, виноградники наши дали бы свыше ста центнеров с гектара, кукуруза не погибла бы от плохой прополки, получили бы больше свеклы, пшеницы...

— Так за чем, — говорю, — дело стало? Выйдем в поле и поработаем... Это единственное, что нам нужно — настоящая работа! А мы работаем по-настоящему только на своих участках, словно колхозная земля не наша. Посмотрите, у соседей в прошлом году на трудодень четырнадцать килограммов зерновых пришлось!

Первыми согласились со мной пожилые колхозники:

— Прав ты, сынок. Все это так, только у нас в деревне каждый о себе думает, каждый своим умом живет...

— В том-то и дело, — отвечаю, — что не своим, а чужим умом живут. Дурным примерам подражают. Вот Степанэ собрал со своего участка клубнику и продал на базаре на три тысячи рублей, а в колхозе заступа в руки не берет. «Мне, говорит, шестьдесят лет, хочу — работаю, хочу — нет». Сам же здоров, как бык.

— Ты говоришь, Степанэ на три тысячи клубнику продал, — не сдавались старики. — А мы за год каждый по сто двадцать трудодней выработали. И что же? На каждый трудодень: деньгами — рубль восемьдесят и до двух килограммов зерновых. Вот и работай в колхозе! А Степанэ, чтоб вырастить свою клубнику, и десяти трудодней не выработал. Так как же это выходит?

— А вот как выходит: в прошлом году по плану мы должны были

собрать шестьсот тонн пшеницы, еще больше — кукурузы и около пяти тысяч центнеров винограда. Трудоспособных колхозников было более чем достаточно. Требовалось только в среднем выработать не больше ста пятидесяти трудодней. Получив же такой урожай, мы имели бы корм и для свиней — могли около восьмисот свиней вырастить. Тогда на каждый трудодень пришлось бы: двадцать пять рублей деньгами, двенадцать килограммов пшеницы и пять литров вина...

— Э-эх! — вздохнули старики. — Твоими устами да мед пить.

— Что же вышло на самом деле? — продолжал я. — Шестьдесят гектаров посевов кукурузы погибло из-за несвоевременной прополки. Виноградники, оставленные без присмотра, вместо ста центнеров с гектара дали только десять. Вы говорите: Степанэ, Степанэ. А сколько времени у него ушло на продажу? С утра до вечера на базаре торчал, да еще дорога — туда и обратно. Вот и считайте: больше двадцати дней получится!.. Разве я говорю, что клубнику не надо выращивать? И клубника нам нужна, и бадриджаны, но когда наш Петрэ в Ленинград едет сливы продавать, тут уже о достатке колхоза говорить не приходится. А тот, кто по-настоящему работать хочет, тот с утра до вечера в поле... Почему? А потому, что благодаря таким, как Петрэ, «труженикам», десять человек выполняют работу, которую добрая сотня должна была бы выполнить. А работали бы все в колхозе дружно — тогда никому больше восьми часов работать бы не пришлось. Отработал свои восемь часов, а там, хочешь — своим участком займись, хочешь — газету почитай, хочешь — в мяч поиграй.

— Во время уборки восьми часов не хватит, — возразил кто-то из стариков.

— Согласен, — на току приходится по десять-двенадцать часов в день работать, но зато потом целый месяц без дела сидим — сами знаете, в сельском хозяйстве без простоя не обойдешься. А в среднем, если все работать будут, — с утра до ночи в поле никому не придется оставаться. Вот я и думаю, что пора нам решительно и дружно взяться за наше общее дело! Да и надо, кроме того, решительнее взяться за строгое выполнение нового устава сельхозартели. У таких, как Петрэ и Степанэ, площадь приусадебных участков уменьшить надо. Тогда они сразу в работу впрягутся.

— Э-эх! — вздохнули старики и, не найдя что возразить, сокрушенно согласились:

— Верно, сынок, верно... Все верно!

...Таковы наши дела, уважаемый Акакий Ионович. Как видите, традиции в колхозе «Рассвет» способствуют его росту, двигают его вперед, а традиции нашего колхоза способствуют отставанию и двигают назад.

...И еще — раз уже дело пошло на откровенность — расскажу Вам еще кое о чем, что меня мучает. Прошу только, если письмо опубликуете, — место это пропустите — оно может огорчить Нелли. Девушку эту я полюбил сильно — так сильно, что, кажется, только ею и живу. И она меня любит. Что же мешает вашему счастью? — спросите Вы. Слушайте же дальше! Прихожу я как-то к своей матери и говорю: так, мол, и так, люблю, хочу жениться... Задумалась она... Не выдержал я и спрашиваю:

— В чем дело, мама? Не нравится?..

— Как она может мне не нравиться, сынок, — внимательная, образованная, добрая, но... Если ты хочешь жить, как жили твои отцы, то и жену среди наших деревенских девушек ищи. Таковую, чтоб с десятков детей народила и все хозяйство в руки взяла: такую, которая умеет и встать спозаранку, и кур накормить, и печь растопить, и в огороде поработать. А эта девушка, сынок, не так воспитана. За ней самой, как за нежным

цветком, уход нужен. Да и если б даже она и захотела — как сможет она управиться и дома, и на работе? Ведь она — врач. Пока я жива, я за вами посмотрю: и очаг не погаснет, и голодные не будете. Ну, а потом? В общем, поступай, сынок, как знаешь, — мешать не буду, но только подумай сначала... Подумай, сынок!

Задумался я над словами матери: сможет ли действительно такая девушка, как Нелли, создать семью в непривычных для нее деревенских условиях? Вспомнился мне невольно «Белый воротничок» Михаила Джавахишвили. У него там парень разводится с избалованной городской барышней и женится на простой хевсурке. «Неужели, думал я, современный город так изменил женщину, что она уже не в силах создать настоящую большую семью? Ведь сколько есть в городе девушек, на которых, как говорится, весь дом держится, и в то же время сколько в деревне таких, которые только и делают, что мечтают о праздной жизни». Я же хотел, чтоб моя жена трудилась, — труд уважает только тот, кто сам трудится.

К тому же у меня мечта: построить большой дом (не с двумя окнами, а с пятью), такой, как у передовиков в колхозе «Рассвет» — Михо Бердзенишвили, Тамаза Геджадзе, Лексо Гигаури. Только мой дом лучше будет: ванную построю, кухню по последнему слову техники оборудую, куплю холодильник, стиральную машину... Одним словом — все, что надо и матери, и жене, и детям... «Что же может мне помешать? — думал я. — Неужели я не осуществлю свою мечту?»

И вот, пришел я как-то к матери и говорю:

— Я понимаю, мама, тебя пугает наше сегодняшнее положение. В такую хижину, как наша, вводить женщину, выросшую в городе, да к тому же еще врача...

— Верно, сынок, тебе нужна женщина, воспитанная в деревне, а изнеженная и избалованная сбежит — не выдержит наших условий.

— Нет, мама, Нелли не сбежит. Вот увидишь, она не побоится ни трудностей, ни тяжелых для нее условий. Но ведь и нам пора изменить, наконец, эти условия, улучшить их. Пора, наконец, пересмотреть и заново перестроить всю нашу деревенскую жизнь.

— Э, сынок, легко сказать: заново перестроить...

— Легко ничего не делается, знаю, но сегодня у нас есть все, чтоб жить лучше, — все зависит от нас самих, от нашего труда. Вот мы с тобой живем не совсем так, как хотели бы. Но помнишь, у Руставели: «Если голова при тебе, в бедности не будешь». Отец мой мечтал хороший городской дом построить. Не удалось — помешала война. А сейчас войны нет, и я построю дом, о котором мечтал мой отец. Мы будем строить его вместе: я, ты и моя жена. Многие мои ровесники строят сейчас себе дома. Ваню — ты его знаешь — скоро уже новоселье справлять будет. Тато материалы собирает, проект уже составил: хочу, говорит, построить дом по старинному грузинскому образцу — с основным столбом, с аркой, с камином, со стенными шкафами... И наш дом по этому образцу будет построен, оборудуем современной техникой, электричество проведем... А там и внуков нянчить будешь!..

— Дай бог, сынок, дай бог! Будь по-твоему, — сказала мать, но в глазах ее я прочел недоверие, и это меня огорчило. «Я не должен удивляться, — сказал я себе мысленно. — Мать моя много видела в жизни горя и знает, что дорога к счастью не усыпана розами».

Я твердо верил, что успех и благополучие наше зависят только от нас самих, от нашей энергии и труда. Издревле народ наш не любит эгоистов. В книге Петрэ Умикашвили есть такая запись: «Завидую той матери, чей сын, исполняя материнский наказ, делит убитого оленя между

Балет А. Мачавариани „Отелло“ в Тбилисском ордена Ленина государственном театре оперы и балета им. З. Палиашвили. Дездемона — В. Цигнадзе, Отелло — В. Чабуквани.

Фото К. Крымского.

ქართული
ლიბრეტოები

Балет А. Мачавариани „Отелло“ в Тбилисском ордена Ленина государственном театре оперы и балета им. З. Палиашвили. Отелло — В. Чабукиани, Яго — З. Кикалейшвили.

Фото К. Крымского.

товарищами и оставляет себе только столько, сколько нужно ему и его семье».

«Человек не скребок, что скребет только в свою сторону: человек пила и другим отдает и себе берет», — учит в своей «Родной речи» замечательный педагог Яков Гогешашвили. Именно такие люди в колхозе «Рассвет». Поэтому всего у них вдоволь: и кувшины полны вина, и амбары трещат от зерна, и гостей хлебом-солью встречают, и дружить по-настоящему умеют, и с врагами по-настоящему враждовать умеют.

В конституции у нас в определении основного принципа социализма сказано: «Кто не работает, тот не ест». Наша страна — страна труда, каждый работает сам, а кто, как паразит, за счет других живет, позорит себя воровством или спекуляцией — тот враг нам, смертельный враг и не будет ему от нас ни пощады, ни снисхождения.

...Простите, я тут расписался, а Вам читать — время тратить, которого у Вас и так не много. Но все, что я написал, все накопилось у меня на сердце, — я не мог умолчать об этом, да и, думаю, я не имел права...

Есть у меня к Вам еще большая-пребольшая просьба: не могли бы Вы приехать к нам? Посмотрели бы нашу деревню, как мы тут живем и, кстати, на свадьбу подоспели бы — на нашу с Нелли свадьбу! Если выберете время и сумеете приехать — телеграфируйте.

С уважением

Георгий Джалабаури.

57.219

НА ВКЛАДКАХ ЭТОГО НОМЕРА

НОВЫЕ ПОСТАНОВКИ ТБИЛИССКИХ ТЕАТРОВ. Работники театров Грузии с огромным творческим подъемом готовятся к предстоящей Декаде грузинского искусства и литературы в Москве. Большим событием в театральной жизни республики была премьера балета композитора А. Мачавариани «Отелло» в Тбилисском ордена Ленина театре оперы и балета им. З. Палиашвили (постановка народного артиста СССР В. Чабукиани). Главные роли в балете исполняют В. Цигнадзе (Дездемона), В. Чабукиани (Отелло), З. Кикалейшвили (Яго).

Тбилисский русский драматический театр им. А. С. Грибоедова показал премьеру пьесы А. Каплера «Грозовой год». Роль В. И. Ленина в этом спектакле исполняет народный артист Грузинской ССР К. Мюфке, известный советскому кинозрителю по фильму «Великое зарево». Одновременно театр возобновил постановку пьесы В. Дарасели «Киквидзе» (в новой редакции; перевод А. Кузьмичева). Эта пьеса рассказывает о герое Царицынской обороны в 1918 году, «грузинском Чапаеве» — начдиве-16 Василии Исидоровиче Киквидзе, в роли которого выступает в спектакле заслуженный артист Грузинской ССР И. Русинов.

На вкладках этого номера воспроизводятся сцены из спектаклей «Отелло», «Грозовой год» и «Киквидзе».

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ. В дни Декады абхазского искусства и литературы в Тбилиси была открыта выставка произведений художников и скульпторов Советской Абхазии. Она продемонстрировала идейную целеустремленность, тесную связь с жизнью и возросшее мастерство абхазских живописцев, графиков, ваятелей. На снимках, помещенных в этом номере «Литературной Грузии», показаны некоторые экспонаты выставки живописи и скульптуры Советской Абхазии.

Соленьге
Озера

Перевод с грузинского М. Максимова

Рассказали мне утесы
Сказку ту, что всех древней.
В ней блестят народа слезы
И горит светильник в ней.

Пламя вздрагивает странно,
Ворон каркает в ночи,
Конь несется ураганом
И подковами стучит.

За конем не пыль клубится —
Пар кипит все горячей.
Негде всаднику напиться —
Пересох в горах ручей.

А сквозь этот пар гремучий
С плугом юноша идет.
Старец ищет в небе тучи,
Руставели песнь поет.

А над ними — ветра косы,
Рыжий ветер в знойной мгле,
И сливаются их слезы,
Растекаясь по земле.

И уже открылись взору
Между гор, в ущельях их,
Те соленые озера
Из горючих слез людских...

В этой сказке столько горя,
Сколько слез страна лила.
Сказка вышла из Самгори,
Сказка землю обошла...
Сказка вышла из Самгори,
Стала дряхлою она...

Пусть теперь в Тбилисском море
Грива пены солона,
Но стеклись озера эти
Воедино не для слез:
Обвеваает море ветер,
Высеваает свежесть рос.

И звенит волна Иори,
Побеждая вечный зной.
Тростники стоят над морем
Вечно свежую стеной.

Сказка та порой им снится
В предрассветные часы.
И тогда на их ресницах —
Слезы пресные росы.

По дорогам
ГРУЗИИ

З Д Р А В С Т В У Й !

Под грузинским ясным небом
Все прохожие подряд
— Гамарджвеба! Гамарджвеба!
Вам при встрече говорят.

Виноделов в шапках серых
Повстречали мы с тобой,
Что обкуривали серой
Виноградник голубой,

Встретили с отарой деда,
Шел геолог с рюкзаком, —
Каждый нам желал победы,
Будто с нами век знаком.

Не изменит счастье, значит,
Нам отныне и вовек, —
Разве может быть иначе,
Коль желает нам удачи
Каждый встречный человек!

О, прославленное братство
Всех, отправившихся в путь!
Говорю я встречным: — Здравствуй!
Значит то — здоровым будь!

Всем желаю я здоровья,
Всем желаю ясных дней —
Всем, кто трудится с любовью
На земле родной моей!

Под грузинским ясным небом
Незнакомые друзья
Только скажут: — Гамарджвеба!
— Здравствуйте! — отвечу я.

ВАЖА ПШАВЕЛА

За Пшавской Арагвой в селенье Чаргали
На склоны домишки вползают с трудом.
Лесистым ущельем он шел не вчера ли,
Мечтал не вчера ль на обрыве крутом?..

Неструганый столик — зазоры и щели,
Нависшие своды и пол земляной.
Вся комната — будто частица ущелья:
Всего лишь в четыре шага шириной.

И тщетно пытались в оконца косые
Пробиться два жарких полдневных луча,
И по снегу бегали дети босые,
И тлела последняя в доме свеча.

Когда ж расплывался чадающий огарок,
Во тьме исчезали оленье рога —
Склонясь над скамейкой, поэт без помарок
Писал при дрожащем огне очага.

И конь и хозяин к Тифлису шагали,
Хурджины со строчками — через седло,
В ущелье вдали оставалось Чаргали,
Еще не известное людям село...

Здесь бродят в деревьях весенние соки,
Здесь хмурые скалы расплачутся вдруг,
И празднуют свадьбы болтливые сойки,
И грезит о прожитом высохший бук.

И рыба плодится в речушке бурливой
И носятся ветры, над лесом кружа,
И прячется где-то косуля пугливо,
Как будто ожившая сказка Важа.

Ты смотришь безмолвно, с благоговеньем
На снежные кручи, на низенький дом,
На все, что высоким полно вдохновеньем,
Великим, поистине трудным трудом.

И совести слышишь глухие укоры
За все, что не сделано в спешке пустой, —
А солнце сияет,
И снежные горы
Село осеняют своей чистотой.

*
* *
*

Не каждому выпадет счастье такое:
Бродить над веселой Дзирулой-рекою.

Следить, как Дзирула у всех на виду
Играет с мальчишками в чехарду.

А после подняться в раскидистый сад,
Где каплями солнца висит виноград.

И землю тогда разрывает Ясон,
И новый кувшин открывает вам он.

И легкая тоненькая Русудан
Протянет зеленый гранёный стакан.

Один на двоих подает нам с тобою,
Чтоб счастье пригубить нам сразу обоим,

Чтоб быть нашей дружбе без бури и хмури,
И крепкой и светлой, как цоликаури.

А влага струится, как речка средь круч,
Трепещет, как пойманный солнечный луч.

И плавает в ней виноград наверху —
Такого вина ты не пил на веку!

Такое не каждому в жизни дано:
За счастье — с изюминкой выпить вино!

ТРУД *поэта*

Перевод с грузинского Э. Ананишвили.

Пускай грохочет гром и хлещет ливень,
И оползни свергаются к реке —
Скорей, к поющим яблоням и сливам,
Чей шелест дал чекан моей строке.

Я говорю: пускай поток неистов,
Пускай сады ненастье леденит —
Вновь разнесется песня юных листьев,
И стих мой с дерзкой силой зазвенит.

Весна примчится — и осинным роем
Меня облепят звонкие слова.
Раскачку речи в лад громам настроив,
Я воспеваю радость естества.

Страна моя! Тобой в поэты призван,
Я славлю ширь твоих зеленых нив,
Я славлю яркий день, кипящий жизнью,
Стихи всей кровью сердца напоив.

Железные быки взрыхляют землю,
Алмаз вонзился в горную грядку —
Безмолвью руд я чутким ритмом внемлю,
На рифмы грохот тракторов кладу.

Величье будней — как не петь про это!
Я прикасаюсь к внешнему костру
И радостно берусь за труд поэта,
Как пахарь за орало поутру.

Поэзия

Перевод с грузинского Э. Ананишвили

Безумье, грянь, когда иссякнет сила в слове,
Ослепни, глаз, когда не встречу день хвалой,
И стих, что вырвался из сердца сгустком крови,
Не вспыхнет на века, осыпется золой.

Изведай мор, войну, взгляни в лицо измене,
Скитайся по лесам, как тать, отвергнув свет,
Но помни: пытки нет страшней, чем вдохновенье,
И одержимому стихом — пощады нет!

По городу бредет мое большое тело,
И странен встречному сновидец-рифмоплет...
А мой бессонный мозг кипит, осатанелый
От грохота строки, стремящейся в полет.

Где взять мне столько глаз, чтоб все окинуть взглядом?
Как сердцу позабыть, что чувству есть предел?
О, сколько образов в моем мозгу заклином
Сгорит, чтоб яркий стих, как бабочка, взлетел!

Неотвратимое, как смерть, подступит слово,
И вот — я жалкий раб, на всем его запрет!
Ночь пролетит, и день ворвется в окна снова —
Меня уж нет, я — тень, воспоминанье, бред...

Года бегут и счет ведут стихам и бредням.
Что песнь — то часть души... Их зову верен я.
И если этот стих окажется последним,
Пусть будет остов мой добычей воронья!

ДВЕ НОЧИ

(Главы из IV книги романа
«Давид-Строитель»)

Перевод с грузинского Л. Платоновой

В среду Чкондидели восседал на «царском крыльце». Мцигнобари¹ он посадил рядом с собой. Дворцовый дьяк сновал между «царским крыльцом» и толпившимся во дворе народом.

Во дворе собрались изувеченные в сражениях, притесняемые великими азнаурами и церковниками, вдовы и сироты погибших на войне, неимущие и убогие, прибывшие из Абхазии, Кларджети, Картли, Ках-Эрети, Нагорного Кавкасиони.

Больно сжималось сердце у Чкондидели при виде жертв лихолетья — подавленных, искалеченных, голодных и изнуренных людей, доведенных страданиями до безумия.

Одни громко кричали, кляня день своего рождения, другие, укрывшись под сенью вековых деревьев, сидели безмолвно, безропотно, или же негромко беседовали. Среди бесноватых были и такие, что нарочно прикидывались безумцами, дабы вызвать сострадание.

Весь этот люд обыкновенно обступал молчаливого Чкондидели, как будто ему было под силу в один день исцелить все раны народные, доставшиеся в наследие от великого сельджукского нашествия, землетрясений, засухи.

Чкондидели не уставал выслушивать тех, кто молча терпел вероломство судьбы. Они были бессильны выразить словами свои муки — едва лепетали, приходилось просто клещами вытягивать из них каждое слово...

¹ Мцигнобари — секретарь, письмоводитель.

Согбенные страданиями люди жаловались гораздо меньше, чем можно было ожидать, судя по выражению их лиц и одежде. Каждый из них называл себя не «я», а «мы», ибо считал себя лишь представителем своего рода или семьи.

Чкондидели охотно выслушивал тех, кто никогда не ставил государству в укор своего самопожертвования и полученных из-за него ран. Они всегда винули в этом несчастный случай или коварную судьбу.

Такие люди говорили: «Невзгоды привели нас к «царскому крыльцу». Когда б уцелела наша правая рука, уж мы не стали бы протягивать её за подаянием».

Привратник Басила ввел сгорбленного великана, опирающегося на две клюки. Когда он приблизился к первому вазиру, Чкондидели содрогнулся.

У него не было носа!

Чкондидели, поднявшись с места, спросил:

«Что случилось с тобой, сынок?»

«Палицей мне перебили позвоночник».

«А с носом что случилось?»

Вот что приключилось с ним под крепостью Хорнабуджи, когда царь Давид обратил амира в бегство:

«Я рассек мечом конного турка и задумал завладеть его скакуном, но только было дотянулся до уздечки, как лошадь откусила мне нос».

Чкондидели краем уха уже слышал эту историю от эристава Джонди и спросил у безносого, как его зовут.

«Зовут меня Длинным Михо», — отвечал сгорбленный богатырь.

Длинного Михо отослали к казначею.

Теперь другой привратник, Алекса, впустил пригожего молодца, передвигавшегося на тележке.

«Из какого ты рода?» — спросил безносого Чкондидели.

«Мы-то? Из рода Гагнисдзе, шени чириме».

«Где тебя изувечили?»

«Под Зедазени», — грустно отозвался калека.

Бедняга оказался зайкой. Защемило сердце у Чкондидели, когда он внимал беспомощному бормотанию несчастного.

Привратник Алекса тоже сопровождал царя Давида в битве при Зедазени.

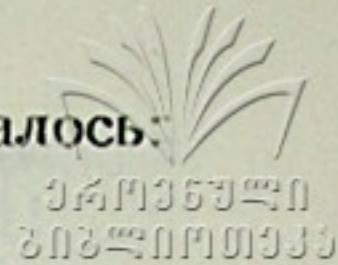
И рассказал Алекса о подвиге Гагнисдзе так: занес он меч над конным сельджуком в кольчуге и рассек его надвое до самого седла. Тут семеро накинулись на него одного, нанесли ему пять ран, но еще троих герой успел зарубить своим мечом. Заметив, что к нему мчатся новые всадники, Гагнисдзе оставил поле боя и повернул коня в лес. Разорвав на себе рубаху, перевязал ею раны. Только было он занес ногу в стремя, как из засады высыпали турки и отрубили ему ногу мечом по колено. Турки столпились над поверженным воином. И сказал, оказывается, один из них: «Не станем его убивать, отсечем и другую ногу, а то, пожалуй, правой ногой одной скучно будет». Три дня пролежал на опушке леса несчастный, покуда не набрели на него крестьяне из Мамкоди.

Чкондидели заметил: когда Алекса рассказывал эту историю, Гагнисдзе то и дело бледнел, как бы заново переживая былые страдания.

Привратники ввели семерых калек. У кого был выжжен один глаз, у кого — оба. Лазутчикам, засланным в Зедазенскую крепость, турки выжгли глаза. Когда царь Давид взял крепость, целую неделю они прятались в подземелье, ибо не знали, кто овладел крепостью.

Дотемна выслушивал Чкондидели жалобы изувеченных на войне, притесняемых, неимущих и убогих, а дворцовый дьяк отводил их к казначею.

Такая бездна горя хлынула в душу Чкондидели, что ему казалось: сердце разорвется, и он так и останется, бездыханным, в кресле...

* * *

Уже спускалась ночь, когда Сабиа и Алекса отвели первого вазира в опочивальню. Долго лежал он и думал: «Как помочь всем этим несчастным людям?»

Он не мог ни спать, ни молиться, ни читать. Голова болела, глаза горели.

Местумретухуцеси¹ дважды подходил к дверям. Напоминал об обеде, но Чкондидели не отзывался. Когда он явился в третий раз и сказал, что Беса — молочный брат владыки и иеромонах из базилики Черной Богородицы — Еквтимэ дожидаются в столовой палате, Чкондидели встал и вышел вслед за местумретухуцеси.

Беса привез своему молочному брату скромные гостинцы: лепешки, начиненные фасолью, поджаренную на глиняной сковороде форель. Все это было обернуто дубовыми листьями.

Затем Беса выложил из своей котомки копченые яйца, приготовленные по-колхидски, вяленый сыр и немного пшеничной кутьи. Больше ничего не брал в рот Георгий за всю свою жизнь.

При виде Беса Чкондидели оживился. Он расспрашивал молочного брата, как поживают его дети, внуки, вспомнил даже о туренке, которого Беса сам поймал и вырастил.

У Беса заблестели глаза, когда первый вазир осведомился даже о его любимце — туренке...

«Если ты его увидишь, со смеху будешь покатываться. Как он резвится среди своих сверстников — козлят! Подбежит к козе — сам-то он выше её, станет на колени и тербит вымя».

Лицо Чкондидели озарилось улыбкой.

Беса не мог нахвалиться своим питомцем. Туренок необычайно приятно пахнет, а какие глаза у него! — кроткие, невинные, вовсе не похожи на лучистые, озорные глаза козочек. Ложится и встает он вместе с детворой. Маленький тур не дичится даже собак, да и собаки на него не огрызаются.

«Этот туренок словно родной нам стал, — продолжал Беса. — Стоит ему куда-нибудь запропасться, мы с ребятами прямо места себе не находим. В своей приемной матери-козе он души не чает... Совсем позабыл и родную матушку, и приволье горной Сванетии, и вкус кислых вод...»

«Где ты наловил этих форелей?» — поинтересовался Чкондидели.

«В Цачкуре», — ответил Беса.

Затем первый вазир спросил о своей вотчине — Диди-Чкони, под гостеприимным кровом которой вкушали хлеб-соль Баграт III, Баграт IV и оба Георгия.

«Процветает Диди-Чкони², устоял могучий дуб перед бурей изменчивых времен».

«Есть ли у тебя в нынешнем году домашние фазаны?»

«Этой весной четырнадцать яиц притащили из лесу дети. Курица их высидела, и фазанята вместе с цыплятами бегают за наседкой».

«А вы не режете их, когда они подрастут?»

«Мы ведь не так богаты, как цари, чтобы зря кормить фазанов и даже не отведать их мяса».

¹ Местумретухуцеси — придворный сановник, наблюдавший за порядком на торжественных приемах.

² Диди-Чкони (мегр.) — Большой Дуб, местность в Западной Грузии.

«А есть ли у тебя в этом году козы?»

Их у Беса оказалось голов сорок.

«Козье молоко полезно», — машинально сказал Чкондидели, вспоминая при этом маленькую, пеструю чашечку, из которой поила его козьим молоком мать... При воспоминании о матери старик ощутил какую-то щемящую боль.

«Козье молоко очень полезно детям, — сказал Беса. — Ни человека, ни лошадь, вскормленных козьим молоком, пот не прошибет».

Некоторое время Чкондидели молча ел форель, счищая с неё чешую.

«Что ты делаешь, Георгий?»

«Знаешь, Беса, раз в детстве я видел, как форель застряла в глотке у змеи. С тех пор я всегда соскабливаю чешую».

«А ты разве боишься змей?»

«Очень».

«Турок не боишься, а змей боишься?»

«Я никого не боюсь, кроме Бога», — спокойно и твердо ответил Георгий.

Соскоблив чешую еще с одной форели, он спросил своего молочного брата:

«На том месте, где прежде стоял дом моего отца, росла яблоня, такая же старая, как я. Вокруг неё обвилась виноградная лоза толщиной в бычью шею. Живо ли еще то дерево?»

«Яблоня давно высохла, — огорченно отозвался Беса, — а в этом году еще молния в неё ударила. Наши соседи-бедняки её срубили, и их дети отогрели у огня свои озябшие ручки».

«А что случилось с лозой?»

«Лозу тоже срубили, ибо от старости она перестала приносить плоды», — печально ответил Беса.

«Да, все, что становится бесплодным, следует предавать огню», — промолвил первый вазир.

Мила была сердцу Чкондидели эта незатейливая беседа о мелочах жизни. Он немного помолчал, воспоминания унесли его усталый ум в блаженный элизиум отроческих лет, когда с глаз человека еще не спала пелена, и он ничего еще не подозревает о тех тяготах, имя которым борьба за существование.

Местумретухуцеси застыл у дверей. Чкондидели хотелось еще поговорить с молочным братом, чтоб рассеять тяжелые дневные впечатления, но при виде местумретухуцеси он вспомнил свое же приказание: если приедут строители из эриставств, где бы он ни был, непременно об этом ему сообщить.

В дверях он спросил у местумретухуцеси:

«Не приехал ли кто, Ангиа?»

Сероглазый верзила, нагнувшись, доложил:

«Как же, приехали, владыка, нагрянули к тебе самое малое человек десять — двенадцать».

Чкондидели прошел в зал Совета. В проходах при его появлении люди обнажали головы, провожали любящими глазами, молча шли следом. У дверей он заметил главного табунщика, тот казался встревоженным.

«Чем ты так огорчен, Шио?»

И всегда-то Шио был косноязычным, а тут, сорвав с головы шапку, в порыве искренней и преданной любви приложился к руке старца и, поминутно заикаясь, жалобно залепетал:

«В конюшнях от ядовитой травы пал целый табун мулов. — Шио держал в руке охапку травы, похожей на клевер. — Вот она, окаянная, владыка!»

Чкондидели взял у него траву, поднес к глазам, понюхал и вернул Шио назад.

«Где же набрали мулы на эту траву?»

«Пониже Сацхениси есть луг. Он, окаянный, порос камышом, в прошлом году камыши крестьяне скосили, и вошла вот эта мерзкая трава. Говорил я табунщику Гиголе: не гоняй в камыши мулов, — так нет же...»

Чкондидели уже сидел в зале Совета. Он слегка сутулился, лицо у него было усталое... Табунщик все не унимался: ему сообщили о новых напастях — в горах Арсиани сап скосил двести кобылиц; в окрестностях Ркинис Пало, возле византийской границы, появились турецкие разбойники, убили троих табунщиков, угнали пятьдесят верховых лошадей и шестьдесят чистокровных жеребцов. Шио велел пересчитать табуны, спустившиеся с Девабоинских гор. Жаловался ему огорченный табунщик, что на них напала волчья стая, больше сотни кобыл растерзали хищники. Пастухи стойко от них отбивались, не то весь табун перепортили бы гады.

Теперь к первому вазирю подошли главный зодчий и его помощник. Отвесили ему поклон, приложились к руке, отступили на почтительное расстояние и доложили:

Землетрясение, которое произошло в конце апреля, нанесло тяжелые повреждения Цагвлиставскому дворцу. Одна башня совсем рухнула, колокольня дворцовой церкви обрушилась, и звонарь погиб под грудой развалин.

Не лучше обстоит дело с замками Бочорма и Наохари. Южная стена Бочормского дворца в трех местах дала трещины, с одной стороны осел фундамент.

В Наохари полностью разрушились службы, в Хварамзе Чорох унес из-под моста два «быка».

Мцигнобари ввел начальников крепостей. Они также просили срочной помощи, строительных материалов, денежных средств и рабочих рук.

Надо сейчас же восстановить крепости Квелис-Цихе, Калмахис-Цихе, Окрос-Цихе, Сакартлис-Цихе и Деда-Цихе. В тщательном обновлении нуждаются также Лаквати, Джвари, Уджарма, Панаскерти, Панакари и Торгва.

Другие посланцы просили о починке дорог: потоками размыло большую дорогу — Гюрджи-Багаз, ведущую из Ахалцихэ в Арзрум. Обвалами и дождями попортило проселки в Чрдилис-Хеви, Кимеретис-Хеви и Черет-Хеви.

Мцигнобари записывал выносимые Чкондидели распоряжения, которые рассылались от имени царя Давида.

Чуть ли не каждому первый вазир вновь и вновь повторял:

«В нынешнем году все наше внимание и средства отданы восстановлению разрушенных крепостей в Ках-Эрети. Царь Давид самолично руководит работами. Разъезжая по тем краям в трудных условиях, государь три раза простудился, но с божьей помощью все обошлось благополучно. Вина за проволочки в делах ложится на меня. Перед отъездом в Дарьяльское ущелье государь повелел мне и эриставу Джонди присмотреть за ходом восстановительных работ, но я в Манглиси прихворнул, поэтому нужные меры своевременно не были приняты».

★ ★ ★

В опочивальне Чкондидели Сабиа уже зажег свечи, когда мцигнобари проводил туда старца...

Только было собрался Чкондидели помолиться на ночь — ему, усталому, не терпелось поскорей добраться до постели, — как в это самое время опять просунулась в палату голова местумретухуцеси Ангиа:

«Католикос Картли Иоанн и епископ Дирбский — Максим пожаловали, владыка».

На сей раз Чкондидели не обрадовался их приходу.

Накануне своего отъезда в Дарьяльское ущелье царь Давид отдал приказ: ни в коем случае не давать согласия на отправку церковных сборов в Иерусалимские грузинские монастыри. Из его повеления вытекало: не говорить ни решительного «да», ни бесповоротного «нет».

Чкондидели оказался в неловком положении. Его мнение на этот счет склонялось скорее в сторону католикоса, однако царю он в этом не смел признаться.

Царь Давид на сей раз даже Чкондидели не поведал о своих истинных побуждениях. Ведь, в конце концов, дело было не только в бездорожье.

Средства, предназначенные для иерусалимских грузинских монастырей, в то время расходовались преимущественно на восстановление крепостей и создание постоянного войска. Треть их, по повелению Давида, шла в казну «Царского крыльца», ибо царь хорошо видел: народ еще не залечил свои раны и не возместил себе ущерба, нанесенного войнами с сельджуками.

И еще одно обстоятельство мешало отправить в Иерусалим церковные сборы...

★ ★ ★

В век, следующий за первым тысячелетием эры христианства, как в христианском мире, так и в странах ислама зашел червь религиозного сомнения. В оба мира, находившихся под влиянием арабских и древнегреческих философов, стал проникать скептицизм. Это было ощутимо не только в Италии и Византии, во дворцах Константинополя и Палермо, но и в самих мусульманских султанатах в виде движения ассасинов — исмаилитов. Ассасины убивали не только султанов и амиров, врывались они и в мечети к ходжам и муллам...

При дворах христианских императоров и царей читали Аристотеля, Аверроэса и Авиценну.

Идеи, точно эпидемии, переносятся по воздуху, и это случалось даже в ту эпоху, когда не было еще ни электровозов, ни авиации, и по дорогам мира передвигались медлительные караваны, запряженные четверкой колымаги и паланкины.

Последнее время Давид стал равнодушен к религии и тщательно это скрывал, видя, что хотя внутренних врагов он сломил, внешние все еще не утихомирились.

Епископы и братья из князей, впавшие в немилость после Руис-Урбнисского собора, исподтишка усердно язвили на его счет, упорно и все скопом зубоскалили не только о царе, но и его ближайших друзьях: Махаре и Ниании Бакуриани, царских спасаларах и самом Георгии Чкондидели.

Теперь архипастырям подвернулся новый повод для зубоскальства: средства, предназначенные для грузинских монастырей в Иерусалиме, которые должны бы пойти на нужды настоятелей, иноков и иеромонахов, царь Давид скармливает на лошадей и мулов.

Епископ Дирбский — Максим, после Руис-Урбнисского собора получивший повышение, с юных лет сам действовал наперекор лиходеям, однако же, заняв епископскую кафедру, возгордился и стал ханжой. Мало того: Максим в точности перенял все нравы и обычаи лиходеев. На свою епархию он смотрел, как на вотчину, ниспосланную ему «божьей милостью».

Прекрасный пол он соблазнял своим мужественным видом, громопо-

добным голосом, иссиня-черными, как дикая слива, кудрявыми волосами и бородой, а самое главное — велеречивостью.

Отлично владея греческим языком, он точно усвоил ложный пафос византийских риториков, не понимавших, что высокопарное кривляние способно привлечь разве только невежд, ибо пафос, стоит ему перейти за грань естественности, неизбежно утрачивает силу воздействия.

Когда епископ Максим, разъезжая по своей епархии, гостил у престарелых эриставов, он беззастенчиво волочился за их молоденькими женами.

Злые языки также утверждали: игуменья мцхетского женского монастыря Анастасия, бывшая жена великого азнаура Квабулидзе — наложница Максима Дирбели. Во всяком случае, было известно: едва лишь он попадал во Мцхета, как заболел «горячкой» и по несколько ночей проводил в женском монастыре. Прекрасная Анастасия сама ходила за «прикованным к постели», делала примочки, по ночам неотлучно находилась при больном, потчевала собственноручно поджаренной форелью не в меру страстного охотника до женщин и рыбы. Поэтому народная молва окрестила Максима «похотливым епископом».

И этот самый «похотливый епископ» по-бабьи злословил в своем кругу: царь Давид, мол, сослал Клдекарского эристава в Византию, а дочь его, утолив свое вожделение, приказал куда-то упрятать.

Теперь царь увивается за Гванцей, дочерью эристава Шамана.

Кариману Сетиели, начальнику царских телохранителей, были ведомы происки Максима, и он хотел было вывести епископа на чистую воду, но царь Давид сказал: «Камень, брошенный в правого и безмолвного, воротится назад, к тому, кто его бросил».

Сам Максим не отваживался выступить против царя Давида, зная его тяжелую руку. Поэтому он с ножом к горлу приставал к католикосу Иоанну: надо любым способом выманить у царя Давида средства, предназначенные для иерусалимцев.

Покуда Чкондидели мирно беседовал с католикосом, Максим беспокойно ерзал в кресле. У него была привычка: если он не принимал участия в разговоре, то неустанно теребил свои усы, засовывал в рот по волоску, откусывал и жевал. Потом украдкой вытаскивал из кармана платок и тайком вытирал слюну, перемешанную с волосками.

Долго препирались Чкондидели с католикосом. Георгий усердно внушал всеблаженному: опасна не только дорога между Эчмиадзином и Испаганом — остальные пути также пока еще не изучены.

Епископа попросту распирало во время этого спора — так его тяготило молчание.

«Давайте пошлем деньги через Хупту и Константинополь, я отправлю их с тремя монахами, кои трижды объехали Сирию и Палестину», — робко вставил свое слово Максим.

Чкондидели взглянул в его выпученные воловьи глаза и спокойно возразил:

«На днях царя Георгия посетил монах Иоанн Разутый. Спросите его, что ему пришлось претерпеть от турецких разбойников на пути из Иерусалима в Никомедию. С бедняги чуть не сняли последнюю рясу».

Монах Иоанн накануне побывал и у Максима, только епископ в этом не сознался — промолчал и откусил от своих усов еще один волосок...

* * *

Прежде чем лечь, Чкондидели долго молился. Он и сам был немного ханжой. Осадить католикоса Иоанна и Максима Дирбели стоило ему немалых усилий.

Долго сидел он у своего стола, с трудом поддерживая обеими руками

голову, утомленную от дневных забот. Где-то в глубине его души гнезди-
лось сомнение: а что если опальные епископы и Максим Дирбели правы, и
в сердце царя Давида в самом деле закралось равнодушие к церкви хри-
стовой? Уж не потому ли он не хочет отсылать в Иерусалим пожертвова-
ния, предназначенные для тамошних грузинских монастырей?! Затем
мысль его перенеслась к Ниании и Махаре: они доставляли царю арабские
книги. Доля вины ложилась, конечно, и на императрицу Мариам: ведь это
она привезла в Начармагеви сочинения язычников — Платона и Аристо-
теля.

Кое-как Чкондидели удалось отогнать черные мысли. Он, по обыкно-
вению, вспомнил, что надобно узнать у мцигнобари, составил ли он распо-
ряжения и указы, которые назавтра предполагалось разослать по эристав-
ствам.

Он тщетно звал привратника:

«Алекс! Алекс?!»

Ни звука...

Он подумал: «Отворю-ка я двери и кликну привратника». Едва-едва
добрел до дверей и дрожащим голосом позвал:

«Алекс!»

Заспанный Алекса кинулся к нему. Он сразу заметил, что старику
худо.

«Позови ко мне Беса», — велел ему Чкондидели и обеими руками вце-
пился в дверную ручку.

Неодетый, вне себя от ужаса вбежал Беса. Точно дитя, подхватил он
на руки своего молочного брата, изнуренного постами и трудами, донес до
постели, недоумевая: каким образом эти кости, обтянутые кожей, таскают
на себе кольчугу и как они выносят постоянные разъезды верхом на муле?

Беса бросился за придворным лекарем. Вскоре в опочивальню вбежа-
ли лекарь Качибаисдзе и Сабиа... Лекарь велел принести полный таз го-
рячей воды. Чкондидели приподняли, Беса и Сабиа дотронулись было до
его ног, но Чкондидели воспротивился и ни за что не разрешил вымыть ему
ноги, сказав так:

«Иисус Христос, правда, мыл своим ученикам ноги, но себе мыть —
не позволял».

Внезапно больному стало легче. Отвернувшись к стене, он, как это
свойственно очень усталым людям, по-детски безмятежно заснул.

И приснилось ему:

Диди-Чкони... В отцовском имении на берегу Цачкуры бегают босоно-
гий мальчишка. Мать, отец, братья — все в сборе...

Иволги поют на ореховых деревьях.

Веселый малыш гоняется за белыми козлятами и фазаньими птеи-
цами...

... Тоскливый крик павлина разбудил Чкондидели.

Лежа на спине, он предавался воспоминаниям. Пред ним вставал
длинный путь трудов и борьбы, на одном конце которого стоял босоногий
мальчуган, на другом же — изможденный старик в кольчуге.

Сон подкрадывался к векам Чкондидели, но вдруг он заметил, что Са-
биа впопыхах забыл задуть свечи. Хотел было Георгий позвать Алексу, по-
том раздумал — стало жаль старика. Он решил: «Как-нибудь сам встану
и погашу свечи».

В это самое время за дверьми послышался сдержанный кашель, и в
опочивальню просунулась голова Сабии, в руках он держал какой-то
свиток.

«Меня, блаженнейший, до того напугала твоя болезнь, что я, разиня,
даже забыл погасить свечи».

Сабиа положил перед больным свиток и пробормотал:

«Это мне передал начальник крепости: скороход после полуночи доставил из Испагана».

Эта новость заставила Чкондидели позабыть про болезнь. Он попросил Сабвию поставить у изголовья два больших шандала и, положив за спину подушки, сел на постели. Сам сорвал со свитка печати, поднес к глазам и стал читать. Перечитал заново, потом опять свернул грамоту от Джоджики и положил под подушки, велел Сабии погасить свечи.

В палате было темно, и только перед образом Богородицы теплилась неугасимая лампада...

Чкондидели отвел взгляд от мерцающего огонька, который тщетно боролся с воцарившейся в палате Ночью, повернулся лицом к стене, и его неукротимый разум последовал за вереницей мыслей...

...В сельджукском султанате опять бушевала смута... Хотя Бархитарок и убил двух своих братьев и дядю — амира Тутуша, взятие Антиохии и Иерусалима крестоносцами умерило стремление сельджуков в Африку. Немалую лепту внесли в эти распри ассасины — исмаилиты, которые часто помогали воевавшим против турок армянам, грекам и крестоносцам.

У испаганской ветви Сельджукидов был и другой враг, а именно Сельджукиды, захватившие власть в провинциях, отнятых у Византии, — так называемом Руме, и сделавшие своим стольным градом Иконию.

Еще при жизни султана Альп-Арслана потомок Великого Сельджука — Кутулмиш превратил Иконию в свою столицу. Султан Малик-шах воевал с Кутулмишем до тех пор, пока в одной из схваток тот не свалился с лошади и не погиб.

За кровь Кутулмиша решил отомстить его брат Мансур. Малик-шах послал в Иконию своего саранга, который по его приказу убил Мансура.

Малик-шах собирался истребить всю династию, но великий вазир Низам аль-Мульк помешал ему, присвоив Иконийскому султану титул саранга Малик-шаха.

Потом дело было так: в Испагане Малик-шах обласкал сыновей Сулеймана — Килирдж Арслана и Давида.

Султан Сулейман отнял у Византии тогдашний центр православного христианства — Nikeю. Алексей Комнен был вынужден добровольно уступить ему византийские провинции вплоть до реки Дракон.

Захватив Nikeю, румские Сельджукиды хотели перекрыть торговые пути из Константинополя в Малую Азию.

Вожди крестоносцев Готфрид Бульонский, Боэмунд и Танкред не оправдали надежд Алексея Комнена. Они не только не возвратили Кесарю отвоеванных у Сельджукидов византийских городов и провинций, но освободители превратились в захватчиков и стали притеснять греков и армян.

Главарь крестоносцев очень скоро охладела к идее освобождения гроба господня — теперь они стали прибираться к рукам христианские земли и грабить поработенные народы.

Рядовые крестоносцы были неимущими баронами («ле барон санс авуар»). В Европе они потеряли родовые поместья и отчизну, а ныне принялись наживаться на грабежах.

Еще в 1098 году крестоносцы создали Эдесское княжество. Они стремились преградить дорогу надвигающимся с востока ордам сельджуков.

Князь Эдессы Балдуин протянул руку помощи своему брату — Готфриду Бульонскому, прослывшему «заступником гроба господня и королем Иерусалима».

Мало-помалу разлад между Алексеем Комненом и крестоносцами

углублялся. Готфрид Бульонский и Балдуин отныне задались целью захватывать все новые и новые города и земли. Крестоносцы так сильно припугнули сельджуков, что теперь уже бесстрашно взирали на распри между султанами и амирами и на их борьбу с мятежными ассасинами.

Новая угроза нависла над крестоносцами: на Сирию зарились мелкие султанаты и эмираты Малой Азии. Крестоносцев начали теснить египетские халифы из династии Фатимидов. В самой Малой Азии возродилась туркская династия Данишмедов, которая правила племенами «гази», пришедшими из Хоросана. Наконец, Данишмеды столкнулись с румскими сельджуками и нанесли им не одно поражение.

В 1106 году вождь племен гази — Мелик Гази основывает греко-туркское государство... Повелитель Антиохии Боэмунд нападает на Мелик Гази, но последнему приходят на помощь султан Килирдж Арслан и амир Ридван. Они на конском хросте поклялись друг другу в верности и, натравив туркоманские орды на Боэмунда и его крестоносцев, разбили их наголову...

На первых порах Мелик Гази объявил себя вассалом Алексея Комнена, но после этой победы до того возгордился, что повелел вычеканить монету с надписью: «Повелитель всея Романей и Анатолии — Мелик Гази».

Боэмунд ослабил свой натиск на Данишмедов и сельджуков и пустился в новую авантюру. Он возмечтал «вонзить копье в стену Константинополя».

Напрасно старался Боэмунд сравнить Мелик Гази с Алексеем Комненом. Между тем Мелик Гази вероломно напал на прежних своих союзников — румских сельджукидов, неожиданно обложил Иконию и после долгого кровопролития взял его.

В этот самый год халиф и сельджукский султан Мохаммед прислали Мелик Гази из Багдада и Испагана черное знамя, золотой скипетр и барабан — турецкие государственные регалии.

В то время как христианские правители были поглощены столь сумасбродными затеями, христианские народы: грузины, армяне, греки и сирийцы восставали против сельджукских султанов и амиров.

Едва лишь в каком-нибудь городе вспыхивало пламя мятежа, тотчас же воздвигался целый лес из виселиц...

От Тбилиси до Аниси, от Аниси до Испагана, от Испагана до Шайзара и оттуда вплоть до самой Иконии выстраивалась нескончаемая вереница виселиц, на которых вниз головой вешали бунтовщиков. Так и висели эти трупы до тех пор, пока не превращались в скелеты.

В багдадском «казначействе голов» были выставлены головы христиан и ассасинов, в Испагане и Дамаске их бросали под ноги слонам, а бывало и так, что мясом христиан и ассасинов кормили прикованных тяжелыми цепями львов...

Перебирая в памяти эти события, Георгий Чкондидели беспокойно ворочался на своем ложе и с закрытыми глазами прислушивался к рыканью гюлистанского львенка...

★ ★ ★

«Боже мой, положи врагов наших яко колесо,
Яко трость перед лицом ветра.
Яко огонь, опаляющий дубравы,
Яко пламень, обжигающий горы:
Тако поженеши их бурею твоею
И гневом твоим смятеши их.
Исполни лица их бесчестия

И воззовут к имени твоему, господи.
Да постыдятся и смятутся в век века
И посрамятся и погибнут».

Эти строки псалма принесли утешение Георгию Чкондидели. Кончив молиться, он взял указы, переписанные мцигнобари. Перелистывал, поправлял, придираясь к каждому пустяку.

Эристав Джонди вошел без доклада, приложился к его руке, справился о здоровье и доложил:

«Конюший приготовил лошадей, блаженнейший».

«Эх, Джонди батоно, что лошади готовы, это, конечно, хорошо, только главное, чтобы всадники были готовы. Давно уж послал я за моим мцигнобари, а его все нет — не захворал ли бедняга?! Состарился мой Пидой, но что ж поделаешь, привык я к нему и без него, как без рук...»

«Не тревожься, блаженнейший, до сумерек с божьей помощью доберемся хоть до Петрес-Цихе¹, там и заночуем».

Чкондидели подошел к поставцу, вынул оттуда цветные склянки и пиалы.

Джонди внимательно следил за его действиями.

«Что это за лекарство, блаженнейший?»

«От сердечной боли, Джонди батоно. — Затем, показывая эриставу каждое в отдельности: — Это колосок фиалки, а это отвар из айвовых семян, а вот это отвары, приготовленные из мяты, мускуса и амбры. Эх, Джонди батоно, тщетны мои старания, как пожелает меня призвать к себе всевышний, тогда никакие лекарства не помогут. На всякий случай пусть лежат в моей дорожной сумке».

Вошел Сабиа. Поклонившись Чкондидели, обошел палату. Длинными, прокопченными щипцами погасил шандалы. По опочивальне разнеслось благовоние воска.

На пороге выросла фигура местумретухуцеси.

«Что новенького скажешь, Ангиа?»

«Прибыли гости из Византии, блаженнейший. Царь Георгий просит тебя и эристава Джонди пожаловать к нему».

Чкондидели недовольно поморщился:

«Не знаешь ли хоть, кто они такие, Ангиа?»

«Стратиг² Нотар, Евхаитский епископ Феофилакт, Никомедийский епископ Илларнион, Епифан Непьющий, турмарх³ и еще протосикрит. Их сопровождают двадцать шатерничих, погонщик мула и постельничий».

При упоминании о Епифане, Джонди, расплывшись в улыбке, воскликнул:

«Так Епифан Непьющий еще жив?»

«Эх, Джонди батоно, известно ведь, что шиповник живет дольше розы», — проворчал Сабиа.

Джонди сказал:

«Странно, все три епископа остались не у дел...»

Кончив укладывать свои снадобья, Чкондидели обратил взгляд на эристава:

«Любопытно, из-за чего это потревожились почтенные?»

«Верно, соскучились по хлебосольству царя Георгия или, быть может,

¹ Петрес-Цихе — крепость близ Боржоми.

² Стратиг (греч.) — командующий десятитысячным войском, глава округа, губернатор.

³ Турмарх (греч.) — помощник стратига, командующий пятитысячным войском.

приехали навестить императрицу Мариам. Как говорит куропалатисса Мелита, почти все они в опале. Известно, что вельможи в такое время обыкновенно вспоминают старых друзей».

«Скажи-ка мне, Джонди батано, — кое-что я и сам слышал об этом Нотаре — знавал ли ты его в Константинополе?»

«Как же! Вся Византия знает Нотара, он служил трем императорам. В царствование Никифора Ботаниата, Михаила Дука и Алексея Комнена он всегда исправлял высокие должности — то доместика, то логофета дрома¹, то посла.

Это способнейший и отважный стратег, блестящий вельможа, сладкоречивый царедворец. Он был завсегдатаем дворца императрицы Мариам. Завидев его, прислужницы гинекеи и жены куропалатов приходили в трепет.

Когда Боэмунд впервые посетил Букколеонский дворец, логофеты, препозиты и их супруги без конца препирались между собой: какой из мужчин красивее и имеет более воинственный вид: Боэмунд или Нотар?

Не только Нотар, но и его прапрадеды служили доместиками, логофетами и послами при дворе византийских императоров, и он унаследовал от них искусство придворной лести и храбрость военачальника. Константинопольские красавицы прозвали Нотара «Аполлоном в кольчуге».

Пидой запаздывает, и, если тебе не наскучит, я поведаю тебе одну прелюбопытную историю.

На пасху, когда Нотар, облачившись в золоченые доспехи, скакал на своем арабском жеребце к ипподрому, под ноги коню бросилась какая-то цыганка.

Взмолилась:

«Дай руку, я тебе погадаю».

Как всякий византиец, Нотар был не в меру суеверен. Он спешился, протянул оруженосцу поводья коня, а гадалке — левую руку.

И сказала, оказывается, цыганка Нотару:

«Ты — счастливейший из рыцарей, всегда побеждаешь в боях, но есть у тебя на этом свете три врага:

женщины,

вино и

собственный язык».

Нотар рассмеялся, бросил гадалке золотой ботинат и распрощался с нею.

Тем временем в Сербии вспыхнуло восстание. Кесарь Алексей назначил Нотара доместиком западных войск и послал с многочисленной ратью подавить восстание.

У доместика Нотара был помощник — знатный дворянин из Салоник, некто Куркуас, сам мечтавший стать доместиком. Куркуас задумал свалить Нотара. В ту же ночь, как войска прибыли в Сербию, Куркуас напоил своего начальника допьяна, наутро мятежники напали на шатры доместика и его свиты. Греки в одном нижнем белье едва унесли ноги.

Кесарь очень ценил Нотара, как замечательного стратега, и, несмотря на этот провал, назначил его начальником своих телохранителей — друнгарием вигля.

Нотар волочился за женами и сестрами куропалатов и логофетов. Это бабье столько чесало языки, что, наконец, слухи достигли ушей Алексея Комнена: отчаянный «Аполлон в кольчуге» увивается вокруг супруги кесаря — Ирины.

¹ Логофет дрома (греч.) — министр иностранных дел Византийской империи.

Чтоб заставить умолкнуть злые языки, кесарь Алексей послал его в Багдад, назначив послом при дворе халифа. Нотар подкупил главного евнуха в халифском гареме. Жен халифа евнух переодевал прачками и в таком наряде посылал к Нотару.

В конце концов эта история раскрылась, евнуху отрубили голову, а Нотар чудом улизнул из Багдада.

Затем император, оказывается, назначил Нотара стратигом в Халкедонию. Тот был не в восторге от нового назначения, распустил язык и принялся поносить кесаря.

Алексей Комнен сместил Нотара, сказав ему только одно: «Рыцарю подстать длинный меч, но никак уж не длинный язык...» Так сбылось предсказание цыганки.

Эта история рассмешила Чкондидели.

«Да святится имя твое, господи. Последнее время что-то наши византийцы все разъезжают по гостям, или сами заняты приемом гостей».

Чкондидели обратился к местумретухуцеси:

«Ангиа, доложи государю, что по приказу царя Давида я и эристав Джонди едем в Кларджети, поэтому явиться к нему не сможем».

«Передай, Ангиа, что я встретил гостей по дороге к конюшням», — крикнул ему вдогонку эристав Джонди.

Чкондидели протянул руку к серебряному блюду, снял с него крышку и сказал эриставу:

«Я ведь еще не завтракал, Джонди батоно, осмелюсь тебе предложить... Откушай-ка со мной кутьи, хороша кутья с медом».

Эристав улыбнулся: перед отъездом в Кларджети Чкондидели собирался полакомиться кутьей.

«Я уже отведал джейраньих шашлыков, преосвященный Георгий. Ты, пожалуйста, кушай, блаженнейший, а я тебя буду занимать беседой».

Чкондидели еще не кончил завтракать, когда вошел Пидой, его мцигнобари. Чкондидели отдал ему распоряжения, затем велел позвать постельничего монаха. Тот молча вынул неизменную кольчугу Чкондидели на куньем меху, облачил в нее старика, помог приладить шпоры, снял с крюка меч, опоясал Чкондидели, потом отправился в оружейницу за легким шлемом, ибо этого пожелал владыка Георгий. Чкондидели сел за стол, бросил взгляд на факельщика, который слонялся тут же, неподалеку:

«Как ты думаешь, Сабиа, ради чего утруждали себя наши гости, а?»

«Эх, откуда мне знать, господин первый вазир, чего ради таскаются по свету эти рабы божьи. Уж не обессудьте на слове, так я разумею своим скудным умишком: если бы каждый человек довольствовался собственным домом, а каждый народ — собственной страной, да приналег бы на соху и на плуг, — кто стал бы погонщиком мулов, кто — сапожником, а кто работал бы в кузнице; если бы каждый человек сажал розы и подрезал виноградные кусты, или же, на худой конец, вроде меня, увлекался бы охотой на удонов, — тогда не было бы ни такой катавасии, ни такого нашествия гостей и посланцев, царствие небесное моей матушке».

Чкондидели от души расхохотался, зная, как не любил Сабиа гостей.

«Но, Сабиа, что же поделаться с теми, кто не любит ни сажать розы, ни подрезать виноградные лозы, и кто не выпускает из рук меча, лука и кнута?»

«Если я не прискучил тебе своей болтовней, расскажу одну историю. Еще безбородым юнцом я в качестве факельщика сопровождал в Иерусалим супругу царя Баграта, почившую в бозе царицу Мариам. Когда мы оттуда возвращались, к нам пристал её дядя, армянский вельможа Сумбат: заедем, мол, осмотреть Мекку. Царица сперва отказалась, а потом

уступила ему. Под силу ли мне, несмышленному, описать вам все, что мы там видели?! Одно мне врезалось в память.

В Мекке есть столб из черного камня. Каждый год, не помню уж, в какой именно день, все арабы стекаются в Мекку и швыряют камнями в черный столб. У них такой уговор: мы, мол, бросаем их в Сатану.

Я — царствие небесное моей матушке — так смекаю моим скудным умишком: кому не сидится в своем доме и в своей стране, у кого нет охоты ни сажать розы, ни подрезать виноградные лозы, кто только и делает что прикарманивает чужое добро, в того каждый человек должен бросить камнем. Но загвоздка-то вот в чем, блаженнейший: кто швырнет камнями во всех этих чертей, да и где взять столько камней?»

«Не тужи, Сабиа! Вон уже показались наш пращник и наш псаломщик, а что до камней... В камнях у нашего храброго народа никогда не будет недостатка: всегда найдется камень для тех, кто предпочитает присваивать чужое добро, а не сажать розы и подрезать виноградные лозы. Не унывай, старина, с нами бог и правда», — сказал Чкондидели. У порога он перекрестился и, опередив эристава, направился к конюшням.

* * *

Вечер глядел в окна большого дворца. Сабиа с тремя факельщиками уже засвечивали золотые шандалы. К трапезе приступать не собирались, ибо ни одной из цариц еще не было видно.

Изнывавшего от скуки царя Георгия обрадовало столь нежданное посещение византийских гостей, хотя причина их приезда была ему пока не ясна. Последнее время Георгий часто повторял очередное свое изречение:

«Хочешь укоротить горе, продли пир — разлитое море».

И вот в Начармагевском дворце подвернулся повод для разлитого моря...

Кроме того, сердце Георгия заранее чуяло: в нынешнем году это, должно быть, последнее пиршество, ибо стоит только вернуться из Дарьяльского ущелья вечно хмурому царю Давиду, как он запрется в своей башне с Чкондидели и спасаларами, а нет, так опять начнутся нескончаемые воинские учения. Заново вспашут плугами Наирмальский холм перед Начармагевским дворцом и пойдут гарцевать на конях по пахоте... Безусые юнцы кубарем будут вылетать из седла. Заржут необъезженные жеребцы и кобылицы, зазвенят мечи, залязгают кольчуги, потащат камнеметы, «баранов» и осадные башни. В воздухе разнесется немолчный стук, скрежет, дребезжание... А все это за долгую жизнь успело Георгию опостылеть.

Известно, что забияки и весельчаки обыкновенно цепляются за малейший повод, и царь Георгий на сей раз не замедлил им воспользоваться...

В ожидании дам Махара отводил душу в беседе с выдавшим виды Нотаром. Стратиг удивлялся, узнав от Махары, что тот участвовал в сражении при Манцикерте. Нотар заинтересовался арабской картой, которую где-то откопал Махара, развернул её, и палец бывшего domestика, на своем веку немало повоевавшего, стал отыскивать те города, горы и реки, где ему довелось сразиться с сельджукской ратью или исправлять обязанности императорского посла...

Он водил своим длинным пальцем по необъятным просторам сельджукского султаната от Хоросана до Испагана, от Испагана до Каира. Потом этот палец пересек Дарданеллы, Венгрию, Кроацию, Сербию, Болгарию, половецкие земли... И, наконец, опять уперся в Константинополь.

Нотар сказал:

«В бытность мою domestikом и послом, я исколесил весь мир — от Китайской Стены до Геркулесовых Столпов, но нигде еще не видывал ничего, способного сравниться со столицей нашей империи — Константинополем. Это не только красивейший, но и сильнейший в целом мире город-крепость. Со всех четырех сторон он обнесен неприступной стеной, стена же с трех сторон омывается морем. Не будь так мощна столица, империя наша не устояла бы перед непрестанными вторжениями сельджуков, половцев, печенегов и иных варваров.

В конце концов, море — это наш неприступный бастион. Не даром же персидский царь Ксеркс приказал высечь Дарданеллы розгами.

Рим расположен на равнине. Пресловутые Семь Холмов годятся разве только для катания на салазках. Потому-то он и не выдержал натиска самнитов, галлов, вестготов, германцев и прочих варваров».

Когда царь Георгий подошел к карте, Нотар, смерив хозяина завистливым взглядом, сказал:

«Поистине, вы дети счастливой страны, этот ваш Кавкасиони, по-моему, самый замечательный из всех горных хребтов, какие мне когда-либо доводилось видеть на всем протяжении от Китайской Стены до Британии. Конечно, это древнегреческий миф о Прометее приковал к нему внимание всего мира. Когда мы приблизились к берегам Колхиды, глаз не мог вдоволь наглядеться на красоты Колхидского Кавкасиони... Величава и ослепительна краса морских просторов, но меня всегда больше пленяла горделивая прелесть гор. Вершины Кавкасиони и Месхетии были испещрены проталинами, и мне почудилось, словно это на Голиафах надеты салмасуровые кольчуги.

Должен вам также доложить, господин севастос: большое счастье быть сыном такого края, однако счастье непременно чем-то омрачается. Вашим предкам, должно быть, нелегко было завоевать эту землю, но еще труднее закрепить ее за собой. Для этого нужна не только большая доблесть, но и большой ум.

Красота часто придает человеку тщеславие, но одно отнимает господь у красивых и тщеславных: разум. По этой-то причине и случается, что красивые народы делаются рабами уродливых, ибо тщеславные неохотно подчиняются своим правителям, а скудоумные уроды — отличный материал для пополнения рядов войска.

Так вот, если страна красивая, то это само собою порождает величайший соблазн в сердцах соседних народов, и они обычно стараются прибрать ее к рукам. Поэтому приходится проявлять не только большую храбрость, но и столь же большую осторожность».

Царь Георгий засмеялся, а Нотар продолжал:

«Множество несовершенств на белом свете, и одно из них таково: красавцев и храбрецов бог обделяет одним необходимым качеством — осторожностью. Известно, что львы и тигры более неосторожны, нежели крысы или белки. Охотясь в Африке на львов и тигров, я часто задумывался: пожалуй, скоро переведутся на земле львы и тигры, ибо сама природа и порождает благородные породы, и является злейшим их врагом. Так что под конец наша планета, должно быть, достанется крысам да белкам...»

Нотар взглянул на карту:

«Где мы сейчас находимся?»

Махара указал пальцем сначала на Тбилиси, затем подвинул его к западу и приблизительно показал Начармагеви, так как на карте он обозначен не был.

«Сколько парсангов отсюда до Тбилиси?»

Когда ему ответили, Нотар вздрогнул:
«Как близко, оказывается, эти нехристи!»
Немного помявшись, Нотар сказал так:

«Если не прогневаешься, господин севастос, вот что я тебе доложу: как и Рим, Тбилиси ваш тоже не совсем разумно было делать столицей. Хоть я там и не бывал, но из писаний арабских географов мне известно, что на восток и, если не ошибаюсь, на север от Тбилиси лежат бескрайние равнины, не так ли?»

«Да», — ответили ему.

«Так вот, эти равнины являются продолжением степей, перекинувшихся из-за Каспия. Потому-то взять Тбилиси легко, но удержать трудно. Императрица Мариам говорила мне: блаженной памяти отец ваш Панкрат дважды брал его, но оба раза вынужден был оставить, так ли это?»

«Да», — ответили ему.

Затем Нотар обернулся к Георгию:

«Как я слышал, паниперсевастос Давид собирается брать Тбилиси, не так ли? Да будет на то воля божья! Быть может, он его и возьмет, но вряд ли удержит... Теперь покажите-ка мне новые земли, отвоеванные царем Давидом в позапрошлом году».

Ему показали Ках-Эрети.

«Ой-ой-ой, да ведь со стратегической точки зрения это недопустимо, господин севастос! Сама Начармагевская крепость в опасности, имейте в виду. Вы же видите, мусульмане клином врезались в метрополию. Ни дать, ни взять — упершийся в круг остроугольный треугольник. Не так ли? Это недопустимо! Враг в любой момент может рассечь этот круг и достичь Кавкасион, тогда вновь завоеванная провинция останется по ту сторону, так ведь?»

«Это не так уж обязательно, стратиг, — возразил Махара. — А разве треугольнику, который вклинился в окружность, не грозит опасность? Если мы и с запада, и с востока ударим по ним покрепче, то непременно отсечем острие от этого треугольника».

До Нотара дошел смысл сказанного. Переводя взгляд на царя Георгия, он пробормотал:

«Нет, на всякий случай имейте в виду, если вы в скором времени действительно собираетесь брать Тбилиси, то я мог бы повести ваши когорты. Как я слышал, царь Давид еще молод, а вам, верно, известно, что мудрость шагает следом за сединами, и ничто так не нуждается в мудрости, как война. Под греческим «техне» — искусство — подразумевается не только живопись и сочинение трагедий, но и военное искусство, военная хитрость. В конце концов, война это всего-навсего хитрость и обман».

Пренебрежительный отзыв о царе Давиде пришелся Георгию не по вкусу, но он этого не показал. Слегка обиженный, он горько усмехнулся и сказал:

«Нет, ты ошибаешься, стратиг, на одном обмане далеко не уедешь. Главное в бою — это сила натиска и удара».

Во время великого сельджукского нашествия, под Парцхиси, амир войска Малик-шаха Нусреддин Аббас долго пытался заманить нас в ловушку — на ближайшую лесную вырубку. До обеда мы бились в поле верхом... Турки отступили к лесу. Я возглавил центр, левое крыло — Триалетский эристав, печальной памяти амир Липарит, а правое — эристав Бакур.

Бакур велел доложить мне: турки хотят заманить нас на вырубку.

«Едем за ними», — велел я передать в ответ. Эту большую поляну только что вырубил турки. Кругом еще валялись огромные стволы. Заме-

тив это, я приказал моим всадникам спешиться. На передние ряды турок я напустил своих копейщиков. Потом мы ударили — да как! Спешиться турки не отважились, их кони спотыкались о стволы и пни, всадники валялись на землю и разбивались, точно тыквы. Наконец, еще до заката солнца, господь ниспослал нам победу».

Нотар заметил: хозяину не понравилось, как он отозвался о Давиде и Тбилиси. Снова уставившись на карту, он произнес:

«Нет, бесспорно великим стратегом был царь, сделавший своей столицей Мцхета. Город этот окружен горами, а гора во время войны это та же крепость. Врагу тут не пригодятся ни катапульты, ни верблюды, ни слоны...

Как вам известно, еще сарацины пустили в бой этих страшных животных, они просто подавили греческого коня. На равнинах верблюды и слон очень опасны...»

Махара заметил:

«Пока они дойдут до равнины, мы их встретим в теснинах мечами и камнями».

Нотар поинтересовался:

«В случае, если турки неожиданно нападут на Начармагеви, есть ли поблизости крепость?»

Ему ответили:

«Целый ряд крепостей охраняет Начармагеви со всех сторон».

Георгий проговорил:

«Думается, сейчас им не до нас. Султана Бархиарока Аллах прибрал, в Сирии сельджуков по-прежнему теснят крестоносцы».

Нотар так бы, верно, и разглагольствовал без конца о слонах и верблюдах, не показавшись в гостиной палате обе царицы. Стратиг мгновенно бросил арабскую карту и, по-военному чеканя шаг, устремился к дамам.

Прямой, точно поднятый меч, приветствовал он царицу Елену: склонив перед нею голову, облобызал руку. Затем, согнувшись в три погибели, приблизился к опустившейся в кресло Мариам, дважды поцеловал ей руку. Сдержанно улыбнулся куропалатиссе Мелите и Гванце, а потом обратился к императрице:

«О прекраснейшая и добродетельнейшая базилисса, как жаждал я тебя видеть! В душе я торопил мчавшийся по Понту дромедар¹, дабы вновь узреть неземную красоту твою. Ты и не знаешь, счастливая базилисса, как тебя недостает нашему Константинополю, любому из нас.

Город украшают не одни дворцы и площади, но также — и это главное — красивые люди. Вся наша столица стосковалась по твоему фаэону из слоновой кости, о базилисса».

Императрице Мариам была не внове приверженность византийцев к лести и витиеватости. Но, невзирая на столь патетический тон речей Нотара, она чувствовала в этой выпренной тираде зерно искренности. Свою преданность, возведенную в степень благоговения, стратиг не раз показывал ей на деле.

Нотар обвел опасливым взглядом находящихся в зале и, слегка понизив голос, сказал Мариам:

«Ты всегда была проницательна, о базилисса, а, как тебе известно, ветреные рыцари, вроде меня, обычно всю жизнь тайно влюблены в одну и ту же даму сердца, и знаешь, в кого?»

Мариам была озадачена. В душе она даже усмехнулась. «Уж не

¹ Дромедар (греч.) — быстроходное судно.

объясняется ли мне в любви этот престарелый стратиг, да еще вдобавок во дворце моего брата?!» Она смутилась, слегка покраснела:

«В какую даму? Что вы говорите, господин стратиг?»

«В ту самую, от которой рыцарь никогда не добьется взаимности. Я еще тогда был тысяцким византийского войска, когда тебя с куклами привезли в Букколеонский дворец три грузинских епископа и правитель дворца Баграта Куропалата.

Как вчера, помню тот день, когда патриарх Константинопольский тебе, стоящей рядом с императором Ботаниатом, возложил на голову золотой венец в храме святой Софии. В ту ночь я рыдал, как дитя. Моя покойная мать застала меня на месте преступления, пришлось солгать, будто зуб разболелся.

Мне не хочется, чтобы ты приняла все сказанное мною за лесть, о базилисса. Мы, правда, живем в такое время, когда верный взмах меча и иные таланты останутся втуне, коли человек не прибегнет к лицемерию, но в данном случае скажу тебе откровенно... Должно быть, по нашей человеческой близорукости, мы любим вовсе не тех, кто отвечает нам любовью на любовь, а именно тех, от кого вовеки не дождемся взаимности.

Кто сочтет, сколько раз с той поры, движимый бескорыстной любовью к тебе, рубил я врага мечом на полях сражений Анатолии и Балкан. Как сейчас помню, в тот самый день, когда domestик Никифор Маврокатаклон разбил половцев, я, раненный в правую ногу, лежал в каком-то болоте. Ветер доносил волчий вой и далекое ржание коней, низкое облачное небо шлемом нависало над полями. Мне грезилось сияние несравненных твоих синих глаз, я готов был снова взять в руки свой меч и, стоя на одной ноге, сразиться и с половцами, и с волками...

Два года уже лишен я счастья лицезреть тебя, и сколь мне отрадно, что всесокрушающее время ничем не повредило твоей красоте, о базилисса».

Опять зарделась Мариам и, улыбаясь, сказала Нотару:

«Это вовсе недурно, господин стратиг. Очевидно, я сыграла какую-то, хоть небольшую, роль в твоей преисполненной подвигов жизни».

«Воистину, воистину, о базилисса! Быть может, я чувствую себя человеком погибшим, но сгубили меня женщины, дарившие меня плотскими наслаждениями. Ты же, кого я безответно боготворил всю свою жизнь, была той звездой, что в дремучем лесу освещает путь воину и охотнику».

«Погибшим?! Что ты, стратиг! Не беда, что сегодня ты не управляешь никакой провинцией. Император Алексей Комнен — милосердный повелитель и не сегодня-завтра он, возможно, опять призовет тебя на защиту отчизны. Не так ли?»

«Ты правду изволила сказать, базилисса. Погибший... Это слово вырвалось у меня невольно, на самом же деле погибший тот, кто не знал любви, за которую не жаль отдать жизнь. Сегодня я, правда, в немилости, да и старость стоит у порога, но сердце мое каждый миг открыто для любви и войн. И если понадобится, я снова подниму меч ради тебя, во имя христианства...

Знаешь ли ты, кого на этом свете ждет венец высшей славы? Того, у кого и на старости лет хватит сил пойти в бой за любовь, пронесенную сквозь отрочество и зрелые годы».

Мариам ощущала некоторую неловкость: слишком долго оставалась она наедине с посторонним мужчиной. Стратиг говорил бы до бесконечности, если бы местумретухуцеси не объявил:

«Трапеза начинается».

Три стола поставили в пиршественной палате. За золотым столом сидели царь Георгий, обе царицы и Гванца, а напротив — стратиг Нотар

и трое греческих епископов. За серебряным столом — епископы Голготели, Некресели и Максим Дирбели. За деревянным — византийский турмарх, протосикрит и начальник Начармагевской крепости Чирдидели.

Прежде чем приступить к трапезе, шестеро епископов пропели молитвы по-грузински и по-гречески.

Махара, не очень обрадованный приходом Максима Дирбели, вошел в палату с опозданием, направился к серебряному столу и подсел к епископу Максиму.

Местумретухуцеси, главный повар и стольник сбились с ног, угождая хозяевам и гостям.

В виноградниках на крепостных стенах уже заливались цикады — вестницы сбора урожая. На стройных побегах лоз рдели тяжелые гроздья винограда дзвелшава, атенури, тита и таквери.

Стольник посылал пирующим вина — красное мухранское, атенское — цвета гусенка, чинури, оджалеши и аладастури.

Как только кончились молитвы и начался пир, стольник что-то по-грузински сказал Максиму Дирбели и тот, встав, по-гречески предупредил гостей: красные и белые вина друг с другом не мешать, это может повредить здоровью.

Епископ Евхаитский решил не пить ни того, ни другого, ибо еще смутно надеялся, что патриарх Константинопольский пожалует ему этой осенью епархию.

Епифан Непьющий не раз бывал в опале за пьянство и распутство, но ему с лихвой хватало золотых ботинатов, скопленных еще в молодые годы, потому он и не помышлял о возвышении.

Непьющий исподтишка читал диалоги Платона, но в жизненных вопросах отдавал явное предпочтение Эпикуру. Епифан то и дело протягивал пустую чашу стоящему за его спиной виночерпию и так подзадоривал епископа Евхаитского: и красное, и белое — оба от бога.

Царь Георгий сообщил гостям: мухранское красное — вино столетнее, еще из погребов Баграта Куропалата. Тогда даже те, кто охотно пил атенское белое, приналегли на мухранское, ибо уже хорошо знали, что время служит испытанием для вина, так же, как для искусств.

Ни джейраньи шашлыки, ни зажаренный на вертеле теленок не удостоились такого одобрения византийских гостей, как бычья лопатка, которую главный повар стругал длинными лентами, и, наворачив их на вилку, подносил пирующим.

Епифан Непьющий не раз вкушал хлеб-соль в Гегутском и Кутаисском дворцах Багратидов, но такого еще не видывал. Поэтому он с улыбкой обратился к епископу Евхаитскому:

«Знаете, импертим¹, пожалуй, этих ленточек хватит, чтобы протянуть отсюда до самого Понта».

Нотар воздерживался от вина. Он то и дело улыбался базилиссе и еще более беззастенчиво глазел на сидящую рядом Гванцу. Взглянет, потом взглянет еще — украдкой, думая при этом: «На мою рыжую кобылу смахивает эта полногрудая и тугобедрая колхидка».

Мухранское красное и созерцание ясноликих жен удвоили красноречие стратига, и он бесцеремонно нарушал исстари соблюдаемую грузинскую традицию: есть молча. Вдоволь полакомившись бычьей лопаткой, он заговорил о политике, поминутно пересыпая свою речь именами Алексея Комнена, Боэмунда, Балдуина и Танкреда. На чем свет стоит поносил крестоносцев:

¹ Импертим (греч.) — почтительное обращение к высшим духовным лицам.

«Сколько уже лет, как эти слепые кроты поселились на греческой земле, и по сей день никак не возьмут в толк, что со времен Константина Великого и поныне Византийская Империя была, есть и будет единственным знаменосцем христианского мира. И от грубости крестоносцы до сих пор не отучились. Когда Боэмунд гостил в Букколеонском дворце, он напился, точно варвар, и потехи ради взобрался на кесарев трон... Где это слыхано, чтобы благовоспитанный рыцарь, да к тому же чистокровный дворянин, напивался до бесчувствия в присутствии царей и дам?!»

Произнеся свою речь, он покосился на женщин. Но ни у кого не нашлось, что сказать, и Нотар продолжал:

«Как известно, культура духа — это прежде всего подавление низменных страстей. Иначе чем бы мы, дворяне, отличались от смердов и рабов, предающихся пьянству и обжорству, как и темным страстям — воровству и грабежам».

«Теперь-то крестоносцы раскусили, сколь трудно бороться против стоголового чудовища — ислама...» — сказал Илларион Никомедийский, усердно уписывая бычью лопатку.

«Под Ксеригордоном, когда б не подоспел я с моими когортами, ратники султана Солимана разогнали бы крестоносцев, точно стадо коз», — добавил Нотар.

«Воистину, воистину», — поддакнул епископ Евхаитский.

«Да, не прегради мы дороги сарацинам, Малик-шах и Альп-Арслан прорвались бы к Риму и Парижу, вот тогда-то католические страны и узнали бы, где раки зимуют. Папа Римский, словно наседка, засел в своем Ватикане и с тех пор, как начались крестовые походы, даже на мост Святого Ангела глаз не кажет. Мы же, князья православной церкви, надевали на себя кольчуги и сражались против нечестивых сельджуков. А Боэмунд и Балдуин вместо того, чтобы воевать с султаном Мохаммедом, амиром Иль-Гази и Мелик-Гази, строят козни императору Алексею Комнени».

Главный повар велел подать на стол желтую форель. Епископы оставили политику и принялись расхваливать желтую форель. Особенно превозносил ее стратиг Нотар:

«Такой форели я еще нигде не видывал. Редкость возвышает в людских глазах не только женскую красоту, но и любую вещь, любое создание. Золото, по существу, вовсе не красивее серебра, но оно редко — и это первейшее его украшение».

Когда Махара рассказал гостям, что царь Давид повелел разводить желтую форель и в реках Колхиды, Епифан Непьющий, придя в неописуемый восторг, сказал:

«Если севастос Георгий окажет нам свое милостивое содействие, то мы взяли бы в Византию желтых форелей на развод».

Епископ Никомедийский был не из любителей рыбы, так как однажды отравился форелью, поэтому он попробовал придать беседе уклон философический. Он упомянул об опасности, какой грозило православной церкви учение «того язычника» — Платона. Припомнил кстати и раздор, возникший на этой почве между патриархом Константинопольским и философом Михаилом Пселлом.

«Когда Ксифилин взошел на патриарший престол, в обращенном к нему дружеском послании Пселл превозносил Платона, а его святейшество велел передать в ответ Пселлу: те, кои преисполнены соблазнов платонова учения, да будут отлучены от церкви, яко еретики».

Максим Дирбели шепнул Махаре на ухо:

«Не мешало бы, Махара батоно, доложить об этом происшествии царю Давиду и Ниании Бакуриани».

При этих словах Махара вспыхнул и резко оборвал епископа:

«Не мешало бы и тебе, отче, присмотреть за твоими наложницами»

Епископ Дирбский тоже украдкой прикладывался к мухранскому, но все-таки уразумел, что сболтнул лишнее; тогда он пошел на попятный и смиренно возразил скопцу:

«За какими-такими наложницами? Что ты изволишь говорить, царевич?»

Махара изведаль на опыте, что во дворце его звали царевичем одни льстецы. Он ответил так:

«Да хотя бы за мцхетской игуменьей, твоей толстозадой Анастасией. Хи-хи... Ты, верно, читал в каноне: монах, кой содеет непотребство, семь лет да не будет допущен к исповеди».

Максим Дирбели сперва побагровел, потом побелел.

Императрица Мариам заметила, какое действие возымело мухранское красное. Мужчины говорили и смеялись всё громче.

Басилиссе было ведомо, что греки, стоит им только подвыпить, тотчас же принимаются изощряться в непристойностях, потому, сославшись на дурное расположение духа и взяв с собой царицу и Гванцу, она удалилась из зала.

Это очень обрадовало куропалатиссу Мелиту. Щеки у неё разгорелись, а похотливый её хохот вносил буйное веселье в вечерю старых эпикурейцев, превратившуюся в разгульную пирушку.

Царь Георгий прислушался к перепалке между Махарой и епископом Дирбским. Недовольно вскинув брови, он обернулся к местумретухуцеси и шепнул:

«Напомни-ка Махаре: гость от бога».

На это напоминание Махара чуть ли не вслух ответил: «Иной от бога, а иной и от чёрта». Епифан Непьющий вступился за Платона:

«Что ты изволишь молвить, импертим? Климентий Александрийский называл Платона «аттическим Моисеем». Как известно, он приводит цитату из платонова Критона и величает его автора возлюбленным Истины, вдохновленным свыше».

Тогда в полемику вступил епископ Евхаитский:

«Как ты мог позабыть о Максиме Исповеднике, импертим? Максим в своей книге «Кефалайя теологика», наряду с цитатами из священного писания, ссылается на мысли Платона и Аристотеля».

Царю Георгию наскучил философский спор, поэтому он сказал Нотару:

«Ты объехал весь свет, стратиг. Скажи-ка ты нам, все ли народы питают пристрастие к вину?»

Нотару польстили его слова, и он ответил:

«Питают ли пристрастие?! Да еще какое, господин наш севастос!»

Георгий только сейчас подметил, как во время беседы прыгал вверх и вниз кадык у длинношеего, с гордо вскинутой головой Нотара.

«Пьет весь мир — и христианский, и мусульманский, но дело вот в чем: вино, искусство и любовь — удел избранных. Ни одно из них, когда становится достоянием каждого, гроша ломаного не стоит. Старьевщикам да сапожникам эта триада вообще ни к чему, не так ли?»

«А философия?» — с кривой усмешкой процедил епископ Евхаитский.

«И она не нужна черни», — вставил свое слово Максим Дирбели.

«Вот как, а ты разве забыл, отче, что сам-то ты сын сапожника?» — шепнул Махара епископу. Слова эти ножом резанули того по сердцу, но он предпочел смолчать, а Нотар между тем продолжал:

«При дворе Багдадских халифов шербет из розовой воды на льду — розатон раньше пили не только халифы, но и их жены. В подражание

фарсидским царям арабские халифы и сельджукские султаны **каждые** три дня напивались.

Халиф Язид выказал неслыханную дерзость. Он пьянствовал **каждый** божий день, перед сном пил хмельное. У халифа была обезьянка по прозвищу Абу Каси. Когда халиф пировал со своими сотрапезниками, Абу Каси восседал у него на плече, ему тоже лили в глотку вино. Абу Каси — старый раввин, за грехи свои превращенный богом в обезьяну, — утверждал халиф.

Однажды он посадил Абу Каси на дикого осла, и тот участвовал в скачках. Осел споткнулся, и Абу Каси сломал себе шею. Халиф устроил своему любимцу пышные похороны. Муллы и чтецы корана шествовали впереди «траурной процессии», распевая стихи из корана...

Сельджукские султаны обычно перегораживали пиршественную залу кисеей, сами же ложились где-нибудь в темном углу и из-за прозрачного занавеса следили, как по ту его сторону танцевали их мальчики или распутные женщины.

Под конец танцоры и музыканты, игравшие на сандже, обступали своего повелителя, подхватывали его на руки и так несли в опочивальню.

Простонародью коран запрещает пить, в мусульманских городах за пьянство подвергают тягчайшему наказанию. Халиф Омар тщетно взывал к правверным мусульманам, дабы те пили лишь воду с медом, сармак и миндальное вино.

Египтяне пьют ячменный мизр, арабы — мет, индийцы — мадхунд, а иногда — фокку, сдобренную перцем, опиумом и нардом. На базарах Багдада я также видел людей, захмелевших от фокки».

Царь Георгий внимательно слушал рассказ Нотара. Епифан Непьющий также хорошо разбирался в винах, поэтому он был недоволен, что стратиг обнаружил в этой области такие обширные познания.

Он погладил куропалатиссу Мелиту по руке у локтя и прошептал:

«Наш стратиг еще многого не знает. У одного арабского поэта есть даже такие стихи:

«...Усей ты розами ложе свое,
Из листьев лозы сплети венок,
Упейся лаской, упейся вином,
Пир предпочти намазу.
И нежным девам вино к лицу,
Хмельному закон нипочем.
Не пресежь пьянства внушеньям муллы,
Пир предпочти намазу...»

Епифан Непьющий стал доказывать, что один Магомет запрещал пить вино.

Епископ Евхаитский возражал ему с пеной у рта:

«Что изволишь говорить, импертим, разве один Магомет? Христианское вероучение гласит: истинным христианином нельзя почитать того, кто пьет вино, играет в кости и прелюбодействует с флейтистками».

«Импертим, — огрызнулся Епифан Непьющий, раскусив, что намек относился к нему самому, — а разве спаситель наш Иисус не превратил воду в вино и не напоил им народ?»

Епископ Евхаитский замялся и не нашелся, что возразить. Он снова принялся за желтую форель, а ободренный его молчанием Епифан Непьющий продолжал:

«Вино вкушают сами императоры и патриархи. Как это можно, импертим! Коли рыцарь не выпьет вина, он и меча-то не сможет поднять. Мужчины, взращенные на сладостях, убегают с пира так же, как и с поля боя...»

Стратига Нотара тоже удивили слова Феофилакта. Ехидно усмехнувшись, он подстрекнул Епифана Непьющего:

«А спроси-ка ты, импертим, у епископа Евхаитского: считает ли он истинным христианином нашего философа Пселла?»

Феофилакт на время оторвался от форели, поднял голову и пробурчал: «Как же не считать Пселла истинным христианином?»

«В таком случае я молю тебя, импертим, — обратился Нотар к Епифану Непьющему, — прочти-ка нам с чувством, как ты умеешь, «Похвалу блохе» Михаила Пселла».

У Епифана уже покраснелись щеки от лобзаний Бахуса, и он напыщенным тоном начал:

«...Нам столь же приятно маронское вино, как хаосское и лесбосское. Неужели нас за это кто-нибудь будет порицать?»

Тут он остановился, метнул взгляд в сторону улыбающегося царя Георгия и, еще больше расхрабрившись, продолжал:

«Иные любят прокисшее вино, но среди любителей вина величайшим знатоком является блоха. Она притрагивается только к ароматным и хорошо выдержанным винам, мутные же и кислые пить гнушается. Если блоха ненароком припадет к запястью пьяницы, раздувшегося от благородного вина, она жадно напьется и крови, и вина...

Знайτε, почтенные, блоха величайший из дегустаторов. В этом отношении она похожа на Атиллу, жадного до вина и крови...

Я очень люблю тех, кто проявляет изысканный вкус в выборе чаш, любовно приобретая кубки и психтиры, как, например, тириклийские из чистого стекла, кувшинчики с журавлиным горлышком, изо рта которых вино с бульканьем льется в рот его любителя.

Всякий ли из нас ощущает эту прелесть? Что же до блошиного племени, то оно благородно и гордо. Блоха признает только чистое вино. И кровь блоха любит такую же чистую, в этом она похожа отнюдь не на царей — любителей крови черни, а на мятежную толпу, которая никогда не пресыщается кровью аристократов».

Куропалатисса Мелита восхищалась не только сказанным, но и блестящей витиеватостью греческого языка, по которой она так соскучилась в чужом краю. Царя Георгия забавляла эта высокопарная галиматья так же, как и ворожба Сабии (хотя и джины и блохи внушали ему страшное омерзение).

Вино, которое подчас помогает выявиться Музам, иной раз обнажает человеческие пороки. Стратиг Нотар до того распалился от мухранского, что принялся безудержу хвастать.

С пылающими щеками Нотар расписывал царю Георгию и его сотрапезникам, как быстро переправил он на дромедарах греческое войско в Битинию в те самые дни, когда турки под крепостью Ксеригордон гнали германцев и франков, точно стадо баранов.

Он также весьма прозрачно намекнул: когда б послушался его Алексей Комнен, греки раньше крестоносцев овладели бы Антиохией и Иерусалимом...

Подобно римским рабам, что на Форуме бесстыдно обнажали свою грудь перед праздной толпой и показывали на ней рубцы от стрел и мечей, распинался стратиг Нотар, поочередно обращая внимание своих сотрапезников на следы от ран за ушами, на щеках и затылке.

Епископа Максима, которому не удавалось скрыть рабское преклонение перед византийцами, бахвальство Нотара привело в восторг, и он пробормотал:

«Если бы у каждого христианского народа сидели на троне столь же отважные рыцари, тогда никакие турки нам не были бы страшны».

При этих словах ярость вспыхнула в сердце Махары. Он подумал: закатить бы оплеуху этому дуралею! Но, постеснявшись царя Георгия и гостей, сдержался. Внезапно он упал с кресла и ударился лбом о кирпичный пол.

Когда к нему подбежали царь Георгий с гостями, на губах Махары выступила пена, руки и ноги беспомощно подергивались.

Византийские гости остолбенели. Они и не знали, что Махара страдал падучей. Царь Георгий первым бросился к сводному брату, схватил его за правую руку и поднял с пола. Он шел рядом с носилками и не отходил от Махары до тех пор, покуда тот не пришел в себя.

Епископ Евхаитский, узнав, что скопец болен падучей, не утаил «значения» этой приметы:

«Падучая — это дьявольское наваждение, только и всего...»

«Воистину, воистину», — поддакнул Максим Дирбели. Илларийон Никомедийский тоже разделял это мнение. Он утверждал:

«Последнее время участились явления нечистой силы в образе припадочных не в одной Византии — и в Антиохии, и в Эдессе такое случилось. От арабов я слышал, что падучая приключается главным образом с людьми, находящимися во власти джинов».

Епифан Непьющий перестал пить и сказал:

«Мне еще больше об этом ведомо. Вообще, джины из мусульманских стран проникают в христианские. В коране ведь упоминается два ангела — Тагут и Магут, за связь с распутницами повешенные богом головою вниз в одном из подземелий Вавилона; так вот они, оказывается, продолжают свои чародейства. Эти самые ангелы и рассылают по всему свету джинов. По-моему, порфировая колонна в Константинополе, в которую недавно ударила молния, рухнула тоже по вине джинов¹».

Стратига Нотара это заинтересовало, и он стал разглагольствовать:

«Родоначальник джинов в образе черного змия явился в Каабу. Да не один, а с целым легионом джинов, и впереди них шествовал знаете кто? Огромный-преогромный еж».

«Еж?!» — в один голос загалдели струхнувшие епископы.

«А потом, что ж потом?» — нетерпеливо спросил восхищенный этой историей царь Георгий.

«А потом арабы, оказывается, перепугались. Обнажили мечи и сразились с джинами. Несметные силы джинов и сарацин полегли в этой войне. Под конец джины отступили, превратились в белых змиев и взвились в воздух».

Это еще что! Явились они к богу, дабы проведать, о чем это он шушукается со своими ангелами. Потом дело было так: разгневался Всемогуший, ангелы обрушились с огненными мечами на обнаглевших джинов и, точно цветы смоковницы, посбивали их на землю.

В тот год произошли сильные землетрясения, и звезды срывались с небес...»

Покончив с историей о джинах, гости снова налегли на мухранское красное. В пиршественной палате все громче слышались голоса хмельных гостей. Царь Георгий знал по опыту: стоило византийцам подвыпить, как они тотчас же теряли над собой власть.

Некресели, Голготели и Дирбели тщились утихомирить гостей. Когда в пиршественной зале слышались крепкие выражения, Георгий подозвал местумретухуцеси и шепнул ему:

¹ В тот год, о котором идет речь в романе, от удара молнии обрушилась порфировая колонна вместе с воздвигнутой на ней статуей Константина Великого. Статуя разбилась.

«Займитесь гостями».

Затем он встал и неторопливым шагом прошел через всю обширную залу.

Местумретухуцеси привел троих привратников и двоих постельничих и поставил их у порога.

Нотар сжал виски руками и выкрикивал такие словечки, какие имелись в обиходе разве что у константинопольских сапожников, напившихся в винных погребках. Он уставился в пространство и истерическим голосом вопил:

«Куркуас, где ты, салоникская свинья, твою...»

А так как салоникской свиньи нигде не было видно, он бессильно опустил руки на стол и стукнулся об него головой.

Местумретухуцеси почтительно потрепал его по плечу и сказал по-гречески:

«Пожалуйте в опочивальню, господин стратиг».

Нотар вскочил с места и по-солдатски вытянулся, вопя при этом:

«Подать сюда немедленно моих конюхов и шатерничих, сейчас же пусть седлают лошадей...»

Местумретухуцеси прибегнул к хитрости: велел привести двоих конюхов и те доложили стратигу:

«Лошади готовы».

При виде конюхов Нотар поднялся и строевым шагом проследовал за ними в опочивальню.

Епископ Евхаитский то плакал, то молился, то ругал Епифана Непьющего:

«Это козлобородый поп меня совратил, теперь вот проведает обо всем патриарх Константинопольский, и епископской кафедры не видать мне, как своих ушей».

Епифан Непьющий, щелкая зубами, тянулся к раскрасневшейся пухлой щечке куропалатиссы Мелиты. Она и сама порядком опьянела, но все же уговаривала епископа:

«Успокойся, отче!»

Епифан размяк, привратник Алекса взвалил его на плечи, точно пасхального барашка, и унес.

Весьма трудно было обуздать епископа Никомедийского. Ухватившись своими широкими волосатыми лапами за край стола, он орал почему-то по-латыни:

«In vino veritas!»

Трое дородных постельничих монахов едва выволокли из палаты ползающего на четвереньках епископа.

¹ „In vino veritas!“ (лат.)—истина в вине.

ТАЙНА ХВАМЛИ

БАЛЛАДА

Перевод с грузинского Е. Николаевской и И. Снеговой

Как в тяжком смутном сне,
Вода бурлит в ущелье
И, глухо рокоча,
Швыряет валуны.
Хрипит, гудит поток,
Стремясь к неясной цели,
И наполняет ночь
Угрюмый рёв волны.
Над бездной высоко
Пещера Хвамли встала,
К ней тянется туман,
К ней тянется орел...
Не слышно наверху,
Как бьет волна о скалы...
Какой отшельник там
Приют себе нашел?
Суровая скала,
Бесплодный черный камень,
Безмолвья торжество
И смерти грозный вид.
Нависший мрачный свод,
Отглаженный веками,
Тумана сединой,
Как древностью, обвит.
В расщелинах скалы
Внизу роились пчелы,
Внизу росли цветы
Над бурною волной,
И соты, золотясь,
К скале лепились голой,
Что в небо поднялась
Высокою стеной.
Ни ливней не боясь,
Ни горных гроз гремучих, —
Предание гласит, —

Старик в пещере жил.
Худой седой старик,
Исполнен сил могучих,
Сокровища страны
С кинжалом сторожил.
Предание гласит:
Война пришла в долину,
По скалам, как вода,
Людская кровь лилась...
В пещере скрыл народ
И жемчуг, и рубины,
Гишеры, бирюзу,
И яхонт, и алмаз.
Сокровища беречь
В глухой пещере Хвамли
Поставлен был старик,
С ним внук был, сирота.
Зияла пропасть мглой,
Врагам грозили камни,
Незыблемой стеной
Стояла высота...
Спускались по утрам
Вниз по веревке длинной
То старец, то юнец,
Чтоб сыр и мчади взять...
Шестнадцать лет подряд
На высоте орлиной
Суровая скала
Встречала их опять.
Стал на скалу похож
Старик седой, суровый,
Стал юношей юнец,
И тонок и силен,
Шестнадцать лет прошло...
Красавец чернобровый

Вдруг горько загрустил,
Забыв покой и сон...
Однажды ночью злой,
Глухой и непогожей,
Разбуженный грозой,
Проснулся вдруг старик.
И — видит: рядом с ним
Пустующее ложе.
Предчувствие беды
Его пронзило вмиг.
Чернела ночь, как смерть,
Чернел старик от гнева:
Как вор, как жалкий вор,
Удрал на волю внук!
Веревка на скале
Качалась вправо, влево,
И ураган ревел,
Взметая все вокруг.
Риони грохотал
И, как грехи земные,
Тяжелые грехи,
Тащил обломки скал.
И вниз взглянул старик
На гор хребты немые —
И лютый гнев его
И смертный страх сковал...
Вошел он со свечой
В глухой тайник пещеры,
Где на девять замков
Закрит несметный клад:
О, как слепит алмаз,
Как тьмой полны гишеры,
Сапфир и изумруд,
Горят, как виноград!..
Он знал их наизусть —
Все золотые слитки,
Запястья, и ковши,
И перстни, и кресты...
Чего-то нет... Чего?
Одной жемчужной нитки.
Не веришь внуку ты?
Старик, как жалок ты!..
И в этот миг наверх
Поднялся по веревке
Его бежавший внук,
Вернувшийся, живой...
Смолк ураган вдали...
Высокий, гибкий, ловкий
Пред дедом внук стоял
С поникшей головой.
— Скажи, безумец, где
Бываешь ты ночами?
Ведь здесь поставлен ты

Сокровища беречь!..
— О дед, я полюбил!.. —
С горящими очами
Промолвил тихо внук
В ответ на злую речь.
Пред дедом он стоит
С поникшей головою.
— Ты вспомни про отца,
Что принял смерть в бою!
Признайся, что тайком
Уносишь ты с собою?
Ох, вырастил тебя
На гибель я свою!..
— О дед, послушай, дед!
Она меня не любит!
Как хороша она —
О, если б видел ты!..
Ее прекрасный взгляд
Меня не приголубит,
Когда, рискуя, к ней
Спускаюсь с высоты.
Я только что, сейчас,
Входил в ее калитку,
Я только что, старик,
Смотрел в ее лицо!..
О, как пристала ей
Жемчужин белых нитка,
Как блещет на руке
С алмазиком кольцо!..
— Бесстыдный, ты любовь
Купить за злато хочешь? —
От гнева побледнел
Богатств суровый страж.
Ты совесть потерял,
Ты весь наш род порочишь,
Ты родину, гляди,
За женский взгляд продашь!..
Не стать тебе, глупец,
Вовеки человеком!
Так прочь же с глаз моих —
Один тебе ответ!.. —
И в пропасть со скалы
В рокошущую реку,
Верша свой приговор,
Столкнул безумца дед.
Зияла пропасть мглой,
Заря багрила камни,
Светлели небеса,
От долгой тьмы устав...
И та глухая ночь
Осталась тайной Хвамли.
Лишь много лет спустя
Преданьем смутным став.

Гагра

Перевод с абхазского А. Николаева

Гагра, Гагра!
Море света
И небес голубизна.
Берег синий.
В час рассвета
Даль прозрачна и ясна.

В легкой дымке
Гор узоры,
Словно кружево,
Легки.
Для красы надели горы
Снеговые башлыки.

Чайкой,
Пальмой,
Знойным югом,
Видом древних крепостей
И гостеприимным другом
Привлекаешь ты гостей.

Море дышит нежной лаской
И не жаль ему тепла.
Щедро
Бронзовою краской
Красит солнце все тела.

Воздух чист —
Само здоровье,
Как у горца, чистый взгляд.
О тебе всегда с любовью
Люди нежно говорят.

Гагра, Гагра!
Море света
И небес голубизна.
Берег синий,
В час рассвета
Даль прозрачна и ясна.

საქართველოს
სამხარეთო მუზეუმი

Выставка изобразительного искусства Советской Абхазии. Слева— Портрет народного поэта Абхазии Д. Гулна (скульптор Г. Рухадзе), справа— портрет Героя Социалистического Труда Т. Тарба (художник В. Бобыр).

Фоторепродукции К. Крымского.

Сцена из спектакля „Киквидзе“ (пьеса В. Дарасели) в Тбилисском драматическом театре им. А. С. Грибоедова. Начдив Киквидзе—заслуженный артист Грузинской ССР И. Русинов.

Фото К. Крымского.

Белая МЕЛЬНИЦА

Перевод с грузинского М. Максимова

В таинственном мире, где властвует белая мельница,
Серебряной музыкой сотканы чары и сны,
Совсем по-иному разлито сиянье луны
В таинственном мире, где царствует белая мельница.

Подлунная полночь, где властвует белая мельница,
Где в камне калитка для сказочных снов отперта,
Задремлешь... и сразу в дремоту войдет и поселится,
Как дочь мельничихи, с белесой косою, мечта.

Подлунная полночь, где властвует белая мельница!
Ресницы у девушек в лунных пушинках муки,
И спят под арбами, как пьяные спят — не шевелятся,
Упившись по горло пшеницей, мешки-толстяки.

В таинственном мире, где властвует белая мельница,
Серебряной музыкой сотканы чары и сны,
Совсем по-иному разлито сиянье луны
В таинственном мире, где царствует белая мельница.

Снежное

Перевод с грузинского Эм. Александровой

Снег и снег... Без края, без конца...
Хлопьев рой, как дум круговращенье.
Слышишь шорох снега у крыльца?
Это шелестит стихотворенье.

Ни домов, ни улиц, — снег и снег...
Город пеленой затянут белой.
Ах, скажи, не так ли все и всех
Из меня ты вытеснить сумела?

Зачеркнула, стерла добела
Все, что есть, и все, что прежде было,
Белым светом душу обожгла,
Белым светом память ослепила.

И опять: без края, без конца...
Снег и снег, как дум круговращенье.
Слышишь шорох снега у крыльца?
Это шелестит стихотворенье.

СТАРЫЙ ДВОР

РАССКАЗ

Перевод с грузинского
В. Василевского

Если бы вы прошли каменистым руслом пересохшей речки до самого конца улицы Льва Толстого и очутились у подножья Арсенальной горы, то сразу же увидели бы наш дом.

Впрочем, лучше с самого же начала предупредить вас, что этого, овеянного дорогими моему сердцу воспоминаниями, дома с маленьким уютным двориком давно уже нет и в помине. На его месте сейчас высится исполинский дом с башней. Правда, в нем всего пять этажей, но жителям нашей окраины он кажется громадным.

Если взобраться по крутой лестнице на башню, то перед вами, как на ладони, откроется весь город. Вдали, в туманной дымке, серебряной лентой пролегла дорога в Армению. А если у вас по-соколиному зоркие глаза, то вы сможете разглядеть и поезд, мчащийся по Караязской степи.

Словом, беспредельное, бескрайнее пространство открывается с этой башни!..

Нам, обитателям старого дома, раньше и не думалось, что, поднявшись всего на пятнадцать метров, мы способны окинуть взором весь мир: ведь наши глаза привыкли год от года видеть все то будничное, что было крепко связано со старым домом и покрытым каменными плитами

двориком. У дворика был единственный выход на улицу. Однажды здесь установили столбы и подвесили к ним большие, крашенные красной краской ворота. На воротах не было надежного запора — их просто прикрывали. А иногда забывали и прикрывать...

В один прекрасный день на воротах появилась надпись: «Во дворе злая собака». Вот потеха-то!.. Не то что злого пса, — даже безобидного щенка не было во дворе, но надпись осталась неприкосновенной: никто ее не стирал. Зачем? Кому она мешает?..

Наш дом был частным, в нем обитали люди самых различных профессий и возрастов.

Направо от ворот отгородился новым заборчиком от любопытных соседей заведующий ремонтной конторой: он занимал двухкомнатную квартиру. Несколько лет назад он купил эту квартиру у вдовы Саакадзе. Покупка сопровождалась шумными, крикливыми скандалами. Вдова вдруг нарушила договорные условия: потребовала сразу все деньги. Бог весть, как они столковались, но в конце концов заведующий стал полноправным хозяином квартиры. Он заботливо подрезал сухие ветви на вишневых деревьях, растущих перед окнами. И хотя его маленький садик состоял всего из пяти вишенок, но зато ранней весной по всему двору разносился густой аромат цветущих деревьев.

Напротив них жил парикмахер — благообразный, чистенький, всегда тщательно выбритый человек в отлично выглаженном костюме. А жена его была хроменькая... Но ведь люди хромают по-разному. Жена парикмахера ковыляла так потешно, что глядя на нее мы едва-едва удерживались от смеха. Муж любил ее до самозабвения и сам выполнял всю домашнюю работу. Многие соседки встречали его насмешливыми взглядами, когда он возвращался с базара с кулками и тяжелой корзиной в руках. Называли они его не иначе, как «бабой».

Больше всех недолюбливала парикмахера Эло, рябая, полнотелая, совсем еще молодая жена старика Дата. Эло приходилась дальней родственницей вдове Саакадзе, продавшей квартиру и вишневый садик. Говорили, что Эло сама зарилась и на квартиру, и на сад. Потому-то с первого же дня она враждебно отнеслась к заведующему, а с женою его и вовсе не здоровалась.

Возле окон Эло, у водопроводного крана росло инжирное дерево. Целыми днями, скрестив руки на могучей груди, Эло сидела под тенистым инжиром и наблюдала за всем, что происходит во дворе. Когда появлялся маленький парикмахер со свертками и корзиной, Эло злобно фыркала: «Подумаешь, какая цаца эта хромоножка!.. А он-то, лебезит, увивается! Чтоб вас обоих градом побил!».

Каждое событие, даже пустяковое, привлекало пристальное внимание обитательниц нашего дома. Большинство женщин собирались у водопровода, ставили пустые ведра на каменные плиты и, болтая без умолку, перемывали всем косточки.

Старушка Машо никогда не принимала участия в сплетнях и ссорах; она вела уединенную, размеренную жизнь. Доброе ее лицо с круглыми щеками и крохотные пухлые ручки были болезненно-белого цвета, но все же старушка выглядела бодро.

Бабушка Машо позже всех поселилась в нашем доме. Она редко выходила из квартиры и день-деньской хлопотала: то стирала, то посуду мыла, то пол скребла: ни на минутку не присядет... Каждый четверг, еще до пробуждения жильцов, бабушка выносила во двор ковры, перину,

одеяла. Чтобы никого не беспокоить, она еще до восхода солнца успевала все вытрясти, вычистить и унести обратно. А в субботу вечером бабушка Машо выходила за ворота и долго стояла там, глядя на темнеющую улицу.

Бабушка жила одна, совершенно одна. Единственная ее дочь уже давно была замужем; о ней во дворе ходили странные слухи... Бабы языки утверждали, будто эта светловолосая красавица была найденышем. Никто не ведал, правда ли это и кто первым пустил этот слух. Соседки всячески старались окольными путями выпытать у старушки правду, но напрасно. А прямо, в упор спросить ее об этом не решалась даже Эло.

Дочь и зять каждую субботу навещали старушку. Зятя, представительного полковника с серебристой сединою в волосах, бабушка Машо называла «цуцуниа»¹.

Кумушки так и помирали со смеху и поражались, почему солидный полковник при всем честном народе позволяет бабушке так называть себя...

А «цуцуниа», обняв старушку и ласково глядя на ее морщинки, бережно вводил ее в галерею.

Поздним вечером, проводив гостей до ворот, бабушка Машо с выражением счастья на лице неотрывно смотрела им вслед. Увидев ее в эту минуту, можно было без труда понять, что сердце старушки переполнено любовью и нежностью ко всем на свете...

Хотя в домово́й книге было точно обозначено ее имя, отчество, фамилия и, конечно, год рождения, обитатели нашего дома упорно называли ее бабушкой.

Не хватило кому-то дров. У кого попросить? Разумеется, у бабушки. Потребовалось перехватить займы до получки. Бабушка — тут как тут — пожалуйста... А некоторым, стеснительным, она сама навязывала деньги, упрашивала, умоляла не обижать ее.

Иные соседи недоумевали: до чего странная бабушка!.. На других вовсе не похожа! И чем настойчивее бабушка Машо старалась сблизиться, подружиться с соседями, тем упрямее некоторые из них шарахались от нее в сторону: «Тут что-то неспроста! Не может этого быть, чтобы у старушки не было тайных своекорыстных помыслов!..».

В конце двора, там, где раньше была красильня с закопченными окнами и где круглые сутки горела на столбе стосвечовая лампочка, жил вдовец, вагоноважатый трамвая. Видели мы его только по воскресеньям: он рано уходил на работу, поздно возвращался домой. Зато его дочурка Гванца, вернувшись из школы, всегда садилась под инжирным деревом и учила уроки или разговаривала с женщинами, вышедшими за водой.

Каждый из жильцов по-своему относился к девочке. Заведующий ремонтной конторой при ее появлении довольно покашливал и с таким видом поглядывал на нее поверх очков, словно Гванцу чудом занесло сюда на сказочном ковре-самолете. Маленький парикмахер учтиво кланялся ей. Когда же девочка поднимала на него свои блестящие глаза, он еще раз отвешивал церемонный поклон.

Однажды рано утром отчаянный крик Гванцы всполошил весь двор. Распахнулась настежь дверь комнаты ватмана. Выглянула из окна заspanная жена заведующего.

Шлепая сандалиями, по двору бегала Гванца и звала испуганным голосом:

¹ Цуцуниа — ласкательное прозвище, с которым обычно обращаются к детям..

— Бабушка Машо! Бабушка Машо!

Когда жильцы высыпали во двор, они увидели, что разъяренная, расстрепанная Эло пыталась сдвинуть с места ящик с песком, накануне поставленный пожарными позади крана, вплотную к ее окну. Тут же, как ни в чем не бывало, сидела жена парикмахера и сосредоточенно начищала песком медную кастрюлю.

Гванца вихрем влетела в галерею.

— Бабушка-а-а!..

Бабушка Машо только что отжала белье и, кряхтя, взобралась на табуретку, чтобы достать с полки бельевую веревку.

— Бабушка, бабушка, миленькая, выходите!

— Что там стряслось?! — встревоженная старушка так круто повернулась к вбежавшей девочке, что чуть не свалилась с табурета.

Гванца ухватила бабушку Машо за руку и, жалобно глядя на нее заплаканными глазенками, потащила старушку во двор.

— Под самым носом поставили!.. Занесли бы уж в самую комнату! — вопила во дворе Эло.

А жена парикмахера, не обращая на ее крики ни малейшего внимания, продолжала спокойно, с серьезным видом чистить кастрюлю.

Сдвинуть ящик с места оказалось не легко. Эло подбоченилась и стала выкрикивать пронзительным голосом:

— Уберете вы ящик или нет? Ах, нет? Так я знаю, что с ним сделать!.. Аристократы, белоручки проклятые!..

Супруга заведующего ремонтной конторой, до сих пор спокойно любовавшаяся интересным зрелищем, почему-то приняла это на свой счет.

— Ты хочешь, видно, чтобы и от меня несло палёным?!

Эло была потрясена такой наглостью. Действительно, ее старому мужу было уже не под силу ходить каждый день в артель, и он изготовлял кисти и щетки из щетины дома, в квартире. Летом из открытых окон несло нестерпимым запахом палёного, потому что Эло ленилась носить мусор в помойку и сжигала обрезки щетины в печурке. Снова обрета дар речи, Эло завопила:

— Это я провоняла палёным?!.. Дата, Дата, выходи, посмотри, что сделали с твоей женой! Люди добрые, до чего я дожила! Будьте свидетелями!..

В этот момент к женщинам подроспела бабушка Машо. Все расступились. Негромко, вежливо, но настойчиво бабушка попросила соседок не ссориться. К этому времени Эло уже разодрала себе воротник платья и теперь колотила себя по лицу кулаками. Увидев перед собой старушку, Эло осеклась. Жена парикмахера при появлении бабушки вскочила и стряхнула с подола пыль и песок.

В воротах показался маленький парикмахер, несущий в руке румяные грузинские хлебцы. Заметив испуганную жену в кругу расстрепанных, багровых от злости соседок, парикмахер с разинутым ртом застыл на месте.

Уняв крикливых кумушек и отправив их по квартирам, бабушка Машо поспешила успокоить парикмахера.

После обеда бабушка сходила за дворником.

Дворник прикинул взглядом, тяжел ли ящик с песком, поморщился, глядя ладонью черные, как смоль, пышные усы.

Двор был пуст, все окна в квартирах захлопнулись.

— Не справишься ты один, голубчик, надорвешься... Дай уж я тебе помогу! — робко предложила бабушка Машо.

— Тьфу, черт! Противно сюда заходить! — фыркнул дворник, потянув широкими ноздрями воздух.

— А что такое? — забеспокоилась старушка.

— Палёным воняет! Опять жгут эту гадость!..

Бабушка вздрогнула, перепугавшись, что Эло подслушает и опять начнется скандал.

— Изволь тут такой тяжеленный ящик ворочать! — пробурчал мрачный дворник. — Надо бы ее заставить хоть заплатить сколько-нибудь!

— Нет, голубчик, нет, не беспокойся, сама заплачу!..

Дворник от изумления вытаращил глаза.

— Почему же вы, бабушка Машо? Почему?

— Потому, голубчик, что... Сам видишь, не на месте ящик, у самых окон Эло! Извели бедняжку!.. Все сюда ходят чистить ножи и кастрюли. Шум, разговоры!

— А когда к вашим окнам поставим, не будут чистить?

— Пусть, пусть, мне не помешают!

Дворник пробормотал в ответ что-то невнятное. Ему тоже были известны бабушкины причуды.

— Лопатка есть?

— Как не быть, сейчас принесу! — Через минуту бабушка Машо принесла из галереи лопату. — Давай помогу!

— Еще чего! — дворник властно отстранил старушку.

— Тогда я стану ведра с песком носить.

— Ва-а-ах!.. — сокрушенно вздохнул дворник.

— Ты болен, что ли?

— Ничего я не болен! С чего это я заболею? И зачем ваше окаянное бабье ругается и ссорится, никак не пойму! — покачал дворник головой, весело оскалив белые плотные зубы. — Если дело на то пошло, так не им, а мне впору ругаться!

Наконец, ящик с песком был водворен возле галереи бабушки Машо, прямо под ее окнами. Бабушка позвала дворника к себе.

— Знаете что? — таинственно сказал дворник, попробовав настоянную на вишне водку и бабушкино печенье. — Знаете что? В вашем дворе вреднейший народ. Да, да, не перебивайте меня, — вредный, злой!..

— Не надо так говорить, — вздохнув, взмолилась бабушка Машо.

— Ва! Всюду бросают тряпки, мусор! А кто за ними убирать станет? Я?!

Увидев ящик с песком у галереи бабушки Машо, жители нашего дома растерялись.

Заведующий ремонтной конторой покосился поверх очков на красный ящик и поманил к себе парикмахера. Предполагая, что речь пойдет о бритье, маленький парикмахер поспешил на зов, но, увидев тугие, чисто выбритые щеки заведующего, в недоумении заморгал. Тот кивнул на красный ящик, перекочевавший к окнам бабушки.

— Ва-а-а! — воскликнул парикмахер, разводя нежными, словно у женщины, маленькими ручками.

Эло без устали носилась по соседкам, даже к жене парикмахера за-вернула, и всячески поносила бабушку Машо. Мол, выжившая из ума старушенция хочет ткнуть им в нос, что она всех сознательнее! Эло хотела бы знать, чем бабушка лучше других!

Ругань не принесла Эло удовлетворения, и она по ночам тайком принялась бросать в ящик обрезки щетины.

Бабушка Машо в душе была оскорблена, но и виду не показала. Чтобы соседки снова не затеяли ссору, она ежедневно, до появления дворника, тщательно собирала щетину и уносила на помойку.

В субботу утром, закончив уборку, бабушка присела к столу, укра-

шенному пышным благоухающим букетом. К ней должны были придти дочь и зять.

Из галереи, сквозь кружевные занавески, смутно виднелся покрытый каменными плитами двор. Вот в воротах появился старик с мешком за спиной. Веселым гомоном и визгом встретили его дети. Вошедший осипшим голосом затянул:

— Баати-бути на бутылки! Бати-бути на бутылки!..

Пришла молочница и подала жене парикмахера две банки мацони. Истомившись ожиданием, бабушка Машо рассеянно вязала крючком накидку на подушку.

Вдруг кто-то резко постучал в стеклянную дверь. Положив вязанье на кровать, старушка радостно вскочила, проворно отомкнула дверь и замерла...

На пороге стоял лейтенант милиции.

Бабушка от растерянности не смогла и слова вымолвить, переминалась с ноги на ногу, что-то бормотала. Наконец, овладев собою, она извинилась, пригласила гостя войти, подвинула ему стул.

Поблагодарив, лейтенант принялся искать в портфеле какую-то нужную бумагу, а тем временем расспрашивал старушку: давно ли она живет в этом доме, где жила раньше, откуда приехала в Тбилиси.

— Понятно, понятно, — поддакивал он, как-будто и не вслушиваясь в ее ответы. — Вот здесь распишитесь. Да подождите, сперва прочитайте!... Сегодня вам нужно явиться в милицию.

Бабушка пошла за очками.

С галереи была видна завешанная ковром стена комнаты. Там, в центре, висела большая, в коричневой рамке фотография молодой светловолосой женщины.

Вернувшись с очками и чернильницей, бабушка Машо заметила, что нежданный гость глаз не спускает с портрета, так и впился...

И неожиданно бабушка разрыдалась.

Лейтенант, видно, струхнул не на шутку, ласково, ну совсем как зять — «цуцуниа», усадил старушку, подал стакан с водою.

— Что с вами, бабушка? Да успокойтесь, успокойтесь!..

— Я, я во всем виновата, одна я... — лепетала старушка сквозь слезы. — Но где они сами-то были до сих пор?!.. Нет, их я не упрекаю, сынок, избави боже! Но ведь и мне не легко с нею расставаться, пойми!

Лейтенант решил, что случайно попал на след какого-то давнего и, несомненно, страшного преступления. Вот так повезло!.. Кое-как успокоив старушку, он осторожно, умело, ловко расспросил ее и, к своему разочарованию, узнал то, что его вовсе не интересовало; узнал, как ровно тридцать лет назад бабушка Машо нашла в подъезде чужого многоэтажного дома брошенную, завернутую в лохмотья девочку.

Уходя от бабушки, лейтенант настойчиво убеждал ее в чем-то, но она ничего не поняла, не расслышала. Неподвижно сидя в кресле, как бы оцепенев, бабушка думала: «Значит, все обнаружилось!.. Сегодня, вот сейчас, все жители дома узнают, что я лгала... Тридцать лет лгала! И девочка все узнала! Ей все известно. Родители отыскали ее. О, если бы мне самой вовремя ей все объяснить!.. Если бы...».

Дрожащими руками она натянула на себя пальто, накрыла седую голову черной кружевной шалью и побрела в милицию.

Перед комнатой дежурного, в коридоре, бабушка увидела щеточника Дата. Старик выглядел встревоженным, шагал взад-вперед, озирался.

Бабушка Машо даже не сообразила поздороваться, не заговорила с ним. А ведь вчера привезли из Манглиси полевой хвощ, обещанный ею Дата. И об этом она забыла сказать.

А Дата, подойдя к ней, сбивчиво рассказывал о каком-то письме, о легкомысленной Эло.

Старушка ничего не слышала, напряженно думая о своем, со страхом вглядываясь в полутьму коридора.

Значит, они еще не пришли!.. А может, уже были здесь и ушли куда-то, не дождавись бабушки Машо? Но зачем пригласили Дата? Уж его-то эта история вовсе не касается. И почему старик так взволнован?

В это время открылась дверь дежурки, и высокий сержант в очках попросил бабушку войти. Старушка с трудом передвигала ноги, а когда вошла, то осталась стоять возле дверей. Ей показалось, что комната полна людей, и все они осуждающе смотрят на нее, и бабушка боялась поднять голову, чтобы не встретиться с ними взглядом. А в комнате, кроме сержанта и сидевшего у окна за столом тучного майора, никого и не было.

Сержант придвинул старушке стул.

Шурша бумагами, круглолицый, с мясистыми щеками майор о чем-то спросил бабушку Машо, и она не поняла его вопроса. Майор продолжал свое, шуршал бумагами, перелистывал какие-то дела и допытывался, знает ли она заведующего ремонтной конторой? Какого заведующего? Того, что у них во дворе живет? Час от часу не легче!.. То старик Дата суется со своей Эло и каким-то письмом, то теперь заведующий... Ему то чего понадобилось?

— У него три комнаты, не так ли? То есть, третью-то он недавно сам пристроил, да? — спрашивал майор.

Бабушка Машо беспомощно озиралась, и ей казалось, что все рехнулись: и она, и майор, и старик Дата.

— Вот прочитайте, пожалуйста, это анонимное письмо. Мы вам, бабушка, полностью доверяем! Может быть, догадаетесь, кто написал?

— Где же очки? Куда они, как на грех, запропалились? Ах, вот, вот они!..

«...Заведующий ремонтной конторой провел себе на кухню водопровод. А пока проводил, испортил трубу во дворе, и от просочившейся воды у парикмахера отсырела, плесенью покрылась вся комната... А мебель заведующий купил на взятки — он ведь взяточник, всем известно! Если не верите, соседей спросите!..».

В списке свидетелей первой была названа бабушка Машо...

Потрясенная старушка вернулась домой поздним вечером. «Почему же они не пришли?» — вот что ее мучило. В углу галереи монотонно и назойливо жужжал электрический счетчик. Раньше бабушка не замечала этого, а теперь жужжание, казалось, наполняло всю комнату, проникало в ее мозг, терзало душу.

В дверь громко постучали. Теперь это они, не иначе! Пришли, чтоб сказать, наконец, всю правду. У бабушки Машо уже не было сил добрести до двери — она рухнула в кресло, и седая ее голова бессильно свесилась на грудь.

Будто издалека, словно во сне, до нее донесся встревоженный шёпот, кто-то, как ребенка, поднял ее на руки и отнес на кровать.

* * *

Бабушка Машо долго хворала. Дочь и зять — «цуцуниа» не отходили от ее постели. строили планы, на какой курорт отвезут старушку после выздоровления, были по-обычному ласковыми, внимательными, и старушка терялась в догадках: знают они обо всем или нет?

К лету она совсем поправилась, но тут на нее свалилось новое несчастье: зять переводили из Тбилиси куда-то далеко-далеко... Дочь и

«цуцунна» осторожно сообщили бабушке об этом, уговаривали ее ехать вместе с ними, окончательно поселиться одним домом. Старушка наотрез отказалась.

Полковник расстроился: не мог же он увезти жену от беспомощной матери, не мог бросить старушку на произвол судьбы.

А бабушка Машо и слушать не желала, чтобы из-за нее дочь хоть на короткий срок разлучилась с мужем.

Что тут поделаешь! Наконец, отчаявшись уговорить упрямицу, полковник уехал вместе с женою.

С тех пор в бабушке Машо словно что-то надломилось. По-старому она суетилась в квартире, наводила чистоту, скребла и стирала, но уже не выходила по субботам за ворота, никого не ждала...

Как-то утром она вышла к водопроводному крану сполоснуть тряпку. Соседки, конечно, уже толпились здесь, яростно судачили о заведующем ремонтной конторой, о каком-то анонимном письме.

Бабушка Машо прислушалась. Из болтовни кумушек выходило, что в конце концов заведующий оправдался.

«Бедняга, — подумала бабушка. — Должно быть, кто-то из соседок и состряпал это ужасное письмо». Она опустила трясущуюся голову, опасаясь, что ее взгляд смутит виновную.

Жена парикмахера удивленно посмотрела на старушку. А женщины через минуту забыли о бабушке Машо и с еще пущею страстью строили догадки: кто же из жителей дома мог быть автором анонимки?

Все соседки единодушно одобрили решение жены заведующего во чтобы то ни стало разыскать клеветника. Кого только она не подозревала, кому не угрожала, на чью голову не обрушивались ее проклятия! Бабушка была взбудоражена слухами и, чтобы не обнаружить своего волнения, торопливо отжала тряпку и отошла от крана.

Весь день у нее кружилась голова. Вечером она еле-еле натянула выходное праздничное платье, накинула на седые, тщательно причесанные кудри тончайшую белоснежную вуаль и, пошатываясь, сошла с лестницы.

«Хоть бы Гванца была дома! Но у них в окнах темно, вероятно, ушла куда-то с отцом. Какой же день-то сегодня? Кажется, суббота...»

★ ★ ★

У забора, отделявшего квартиру заведующего ремонтной конторой от двора, слышались тяжелые шаркающие шаги.

Хозяйка выглянула из окна.

— Бабушка Машо? — воскликнула она с изумлением, увидев старушку, вырядившуюся, словно к празднику.

— Мне нужно видеть вашего супруга!

— Спит. Завтра ему рано вставать!

— Тогда не будите, пожалуйста. Зайду завтра, не к спеху!

У жены заведующего был крутой характер; мужу она не позволяла вмешиваться в чужие дела, но в его дела совала нос беспрестанно. Поэтому ее задело за живое, что бабушка явилась с каким-то важным разговором не к ней, а к мужу.

— Завтра, так завтра! — раздраженно проговорила она, и захлопнула калитку перед самым лицом старушки.

На следующий день бабушка Машо пришла в том же парадном платье, с той же вуалью на трясущейся седенькой голове. Открыли ей кухонную дверь... Заведующий, смуглый, толстый, сидел за обильным обедом. Кряхтя, он приподнялся.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, не беспокойтесь! — остановила его бабушка.

Хозяйка скрылась в спальне.

— Слушаю вас! — обратился к бабушке заведующий сухим, официальным тоном, каким привык говорить с назойливыми посетителями в конторе, и локтем отодвинул от себя пустые тарелки.

Бабушка не знала, с чего начать, теребила и комкала восковыми пальцами край белоснежной вуали.

Заведующий, плотно пообедав, дышал с трудом.

— Вы больны! — неожиданно сказала бабушка. — Послушайтесь моего совета: занимайтесь гимнастикой! У меня есть пособие: «Система Мюллера». Мой «цуцуниа» каждое утро упражнялся по этой системе. Я вам принесу книгу.

У заведующего вытянулось лицо; исподлобья он бросил удивленный взгляд на смущенно жавшуюся старушку. «Недаром про нее толкуют всякое!.. Тронутая, в самом деле, тронутая!..».

— А эта... система поможет?

— Уверю вас! Ровно через месяц вы почувствуете облегчение! Вы превратитесь в юношу! Да, кроме того, перед обедом и ужином обязательно пейте боржом!

Заведующего одолевала томительная, сводящая скулы зевота. Хоть бы жена вошла и избавила его от этой вздорной старухи!.. Куда это она запропастилась?

— Вам хочется спать, — продолжала бабушка Машо.

Из вежливости хозяин несколько раз отрицательно качнул головой.

— Я бы пришла, конечно, пораньше, но вы возвращаетесь из конторы так поздно. Сейчас я уйду!

— Нет, отчего же, сидите! — промямлил хозяин.

— Нас никто не подслушивает?

— Не думаю! — голос заведующего звучал фальшиво.

— Простите, что вмешиваюсь в ваши дела.

— Не вы первая, не вы последняя! — усмехнулся хозяин, вкладывая в эти слова особый смысл, понятный, пожалуй, ему одному. Внезапно его осенила мысль, что бабушка Машо явилась за благодарностью. Ведь она дала тогда в милиции такие прекрасные, целиком обеляющие его показания!.. Отдуваясь, он приподнялся, чтобы сказать старушке несколько приятных слов, но бабушка опередила его.

— Если вы меня хоть чуточку уважаете, то должны проявить великодушие!.. Обещайте мне, дайте честное слово, что выполните мою просьбу!

— А? Что? — не понял хозяин: он думал, что бабушка намекает на его своевольную, крикливую жену.

— Я прочтала то письмо в милиции, мне показали... Все — ложь! Не ложь даже, а боже мой!..

— Как не ложь?! — ошетинился заведующий.

— Вы узнали, кто написал письмо?

— Пока достаточных доказательств нету! Почерк-то измененный.

Старушка вспомнила путаные объяснения Дата в коридоре милиции, его слова об Эло. Да, полевой хвощ! Господи, какая она забывчивая теперь, ведь до сих пор не отдала посылку Дата. Мысль о том, что анонимное письмо состряпано Эло, что это может вот-вот обнаружиться, придала старушке мужество.

— Даете честное слово? Вы должны, обязаны простить ее! Вы — добрый! Я уверена, вы не захотите мстить! Виновная и сама раскается в своих тяжких прегрешениях!

Окончательно обалдевший хозяин беспокойно переминался на гол-
стых коротеньких ножках, и без того красная его шея совсем побагровела.

— Что вы хотите? Зачем врываетесь в чужой дом?

— Я?!.. — и бабушка Машо, беспомощно задвигав седыми кустиками бровей, поняла, что этому человеку не нужна ее доброта, и, судорожно подобрав подол праздничного, тяжело шуршащего платья, заковыляла к двери.

★ ★ ★

Утром во двор вошел молодцеватый почтальон и громко выкрикнул фамилию бабушки Машо. Жена парикмахера показала ему квартиру старушки.

Почтальон долго, настойчиво стучался в дверь.

— Что, она поздно встает? — спросил он сбежавшихся соседок.

— Должно быть куда-то вышла!

Но на дверях не было замка. Теперь и почтальон, и жена парикмахера, и Эло принялись дубасить в дверь. На стук, шум, крики собрался весь наш двор. Решили взломать двери.

Бабушка Машо неподвижно лежала на кровати и смотрела на вошедших кротко, словно прощения просила, что так неучтиво встречает их, — вот даже подняться, выйти в галерею не может.

Гванца первой подбежала к ней, опустилась на колени и приникла лбом к ее желтой, со взбухшими жилами, руке.

Заказное письмо было от полковника. Гванца прочитала его вслух. В конце письма была приписка дочери. И дочь, и «цуцунна» приглашали бабушку Машо к себе в гости, писали, что хорошо устроились на новом месте.

Бледное, прозрачное лицо бабушки осветилось улыбкой.

Вскоре приехала карета скорой помощи, и бабушку Машо увезли в больницу.

— Бедняжка! — сказал маленький парикмахер и украдкой взглянул на забор у квартиры заведующего ремонтной конторой. Неизвестно, что он хотел выразить своим взглядом. В руках парикмахера были румяные грузинские хлебцы.

За забором, на крыльце, сидя спиной ко двору, жена заведующего чистила черешню на варенье и швыряла косточки на улицу.

Никто не услышал парикмахера, каждый был поглощен своим делом.

В воротах появился старик с мешком за спиной.

— Баати-бути на бутылки! Бати-бути на бутылки! — затянул вошедший хриплым голосом. Дети с веселым гомоном помчались ему навстречу...

Грабовский
переводит
ЧАВЧАВАДЗЕ

Перевод с украинского М. Максимова

Мети же снег, мети, мети,
И вьюга выплается вскоре.
А ты, Грабовский?.. Не найти
Тебе отрады в страшном горе.
Твой друг погиб. И нет пути.
Лишь ветер воет в снежном море.

Но гордой не сковать души,
Хотя беда сутулит спину.
Ищи слова! Пиши, пиши,
Свяжи все чувства воедино.
И слушают друзья в тиши
Полет орлиных строк грузина:

«Миствис ар вмгер ром вимгеро,
Вит принвелма гареганма.
Ара марто ткбил хмататвис
Гамомгзавна квекнад цама».

И словно виден уголок,
Что мог бы стать наземным раем,
Где кровь стекает на висок,
Где суд несправедный карает...
Воды глоток! Воды глоток!
Грузин от пули умирает!

Но остается стих живым,
Тот стих, поэта воскрешая,
Летит, — ударом ножевым
Давнишний спор с врагом решая,
И даль бессильна перед ним —
Такая сила в нем большая.

С Кавказа — в этот снег, сюда, —
Сквозь ночи, вьюги и централы, —
Его слова сама беда
Из уст в уста передавала,
Чтоб их огонь горел всегда,
Сердца сжигая, как бывало.

А ты в заснеженной глуши
В ночах якутского Вилюйска
Из слов Ильи огонь крещи,
Плечом ворочай в строчке узкой,
Чтоб тем словам греметь в тиши
По-украински и по-русски.

Пусть вся Сибирь зажжет костер, —
Одна у нас большая рана!
Шумит-гудит вилюйский бор.
А он сидит. Уже не рано.
Он пишет... Песнь кавказских гор
Звучит призывом Амирана.

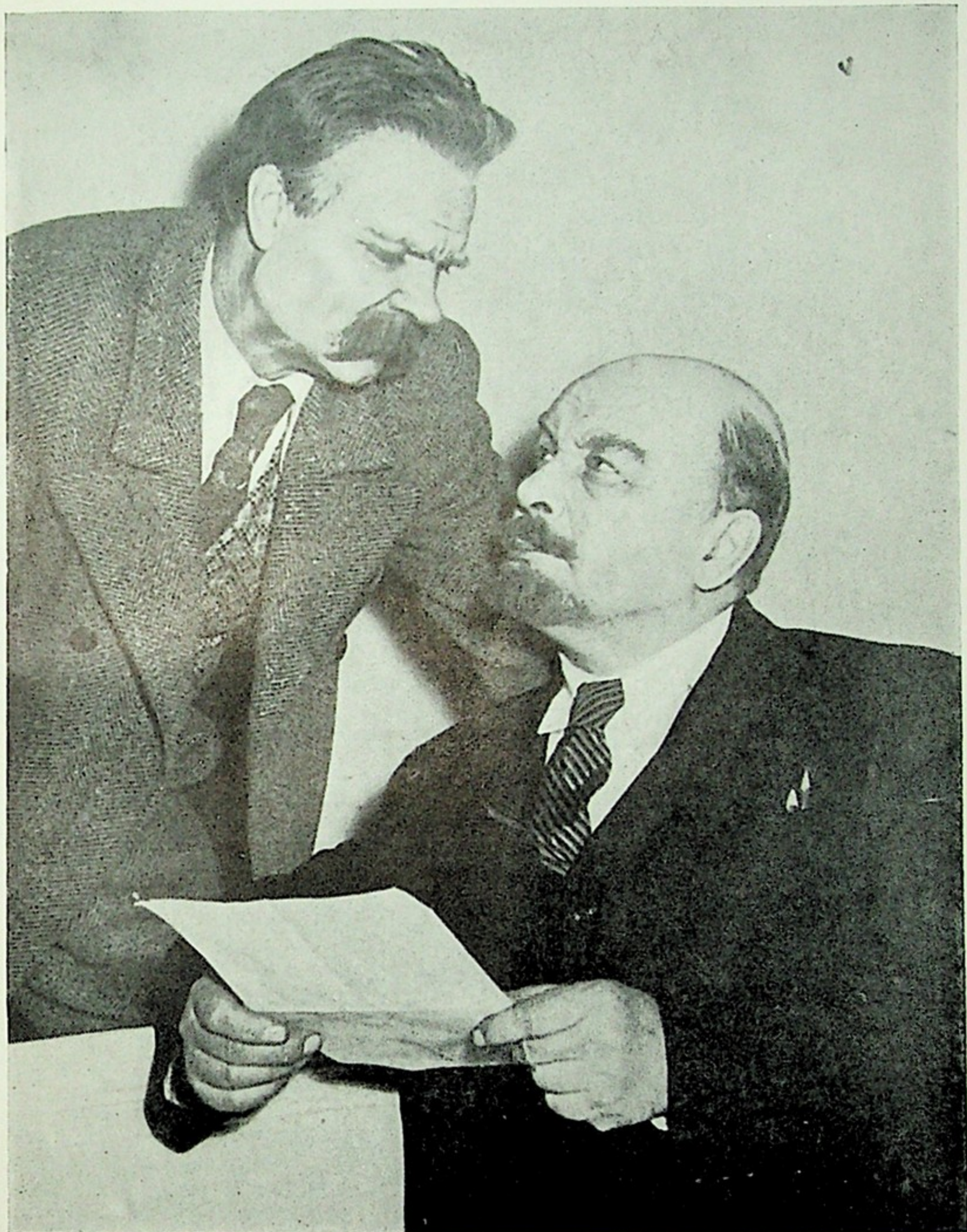
Пусть под глазами синяки,
Пусть шпик следит, пусть утро брезжит, —
Илья, огонь твоей строки
Дойдет во все углы медвежьи.
Из-под замерзнувшей руки
Сверкает пламя строчки свежей.

— Илья, одна гнетет нас доля,
Одни сатрапы-холуи.
Свобода, где ты? Где ты, воля?
Зовут нас общие бои.
Смотри: стихи с чужого поля,
А все родные, все мои!

Во мне рыдают те же звуки,
Что и в твоих стихах, Илья,
И твоего народа муки,
Как своего, приемлю я.
Сошлись в пожатьи наши руки,
И нас услышит вся земля!

Твоей бедой свою итожу,
С тобою плачу и пою,
Твои святые слезы множу,
Свои в них слезы узнаю,
Твоей строкой свою тревожу,
Твоими ранами — свою.

..Мой жар снегам не замести,
Морозам не сковать мне руку.
Илья, я сберегу в пути
Любовь к тебе и верность друга...
Мети же снег, мети, мети,
Пока не выплечется вьюга.

Пьеса А. Каплера „Грозовой год“ в Тбилисском драматическом театре им.
А. С. Грибоедова. В роли В. И. Ленина — народный артист Грузинской
ССР К. Мюфке, в роли М. Горького — артист М. Минеев.

Фото Г. Киквадзе.

Марк Живов

ПОЛЬСКИЕ ПЕВЦЫ КАВКАЗА

В историю польско-грузинских литературных связей, восходящую к тому времени, когда Георгий Эристави создал свои прекрасные, по отзывам грузинских литераторов, переводы сонетов Адама Мицкевича, вписали самую яркую и наиболее значительную страницу три польских поэта — Тадеуш Лада-Заблоцкий, Леон Янишевский и Владислав Стшельницкий. Все они были сосланы царскими властями за свою революционную деятельность на Кавказ, здесь провели большую часть своей жизни, здесь создавали свои произведения, вдохновленные величием Кавказа, проникнутые любовью к его природе и к его людям. В историю польской литературы они вошли как группа «польских кавказских поэтов».

Тадеуш Лада-Заблоцкий (1813—1847) — самый крупный представитель этой группы. В 1831 году, после окончания гимназии в Витебске, Заблоцкий за свои выдающиеся способности был определен в Московский университет на филологический факультет за счет казны так называемым «казеннокоштным» студентом, за что был обязан после окончания университета «отслужить» шесть лет учителем на своей родине. В университете Заблоцкий сблизился с Белинским и вошел в его кружок, именовавшийся «Литературным обществом 11 номера» — по номеру комнаты, которую занимал Белинский в студенческом общежитии. В этот кружок входили как русские, так и польские студенты, оппозиционно настроенные в отношении самодержавно-крепостнического строя. Если Белинский оказывал сильное влияние на развитие революционного мировоззрения своих польских товарищей, то последние прививали ему любовь к польскому народу, сочувствие к его национально-освободительной борьбе и интерес к польской литературе. Ближайшими друзьями Заблоцкого из польской среды были Юзеф Ежовский и Ян Верниковский, университетские товарищи Мицкевича и участники возглавлявшихся им тайных обществ филломатов и филаретов, а также Ян Савинич, друг Белинского, много содействовавший русско-польскому культурному сближению. Вместе с Савиничем Заблоцкий организовал в Москве общество «любителей отечественной словесности», которое отнюдь не ограничивало свои интересы литературными вопросами, оно занималось, прежде всего, распространением патриотических и революционных идей среди польской молодежи. Эту же цель Заблоцкий ставил перед собой в сношениях со своими земляками на Витебщине, посылая им революционные стихи, направленные против царского самодержавия.

Одно из этих стихотворений сыграло роковую роль в жизни Заблоцкого. Посланное Заблоцким в Витебск его другу Зенону Михаловскому, оно было обнаружено у последнего жандармскими властями. О содержании этого стихотворения красноречиво говорит его заключительная строфа:

Царский трон страшнее ада,
Ныне чёрт воссел на нем.
Ждет давно веревка гада,
Отомстим или умрем!

Вскоре после обнаружения стихотворения Заблоцкий был арестован, и против него и его товарищей было начато судебное дело. Витебский губернатор Хованский в своем рапорте шефу жандармов графу Бенкендорфу назвал эти стихи «самым возмутительным воззванием поляков против государя-императора в России». Следствие по этому делу тянулось очень долго, и в 1835 году был вынесен приговор, утвержденный Николаем I лишь в 1837 году. За «оскорбление его величества» и распространение «возмутительных стихов» Заблоцкий был приговорен к каторжным работам, которые должен был отбыть в качестве рядового в Кавказском корпусе. Летом 1837 года Заблоцкий был доставлен в Таганрог, а в конце сентября того же года он был уже на Кавказе, где был определен в батальон саперов.

Жизнь Заблоцкого на Кавказе, особенно в первые годы, была невероятно тяжелой. Но, как Мицкевич, высланный в 1824 году из Литвы в Петербург, нашел там друзей по чувствам и братьев по вдохновению, Заблоцкий обрел среди передовых представителей грузинской интеллигенции верных друзей, своим искренним сочувствием и моральной поддержкой помогавших ему переносить все тяготы и лишения каторжной жизни. Одним из ближайших друзей Заблоцкого стал известный грузинский поэт князь М. Туманишвили.

М. Туманишвили еще в юные годы проявлял стремления к утверждению дружбы и братства между народами. В выпускавшемся им рукописном журнале «Цветок тифлисской гимназии» он объединил молодежь различных национальностей. В литературный кружок, издававший этот журнал, входил известный грузинский поэт Н. Бараташвили. После окончания гимназии оба поэта расширили свою общественную деятельность и, в частности, установили связь с поляками, которые после крушения восстания 1830—1831 гг. были сосланы на Кавказ. М. Туманишвили познакомился с Заблоцким в урочище Царевы Колодцы. Он же позднее познакомил его с Н. Бараташвили. О дружбе польского изгнанника с этими двумя выдающимися грузинскими поэтами мы, к сожалению, знаем до сих пор чрезвычайно мало. Весьма ярким свидетельством этой дружбы являются три письма Заблоцкого к Туманишвили, которые хранятся в Государственном музее Грузии и копии с которых мне любезно предоставлены заведующим рукописным отделом музея профессором Абуладзе.

«Благодарю вас, Михайло Биртвилович, — писал Заблоцкий в октябре 1838 года, — за Ваши высокие чувства, за то радушие, с которым Вы предлагаете мне дружбу. Увы! сколько небесных звуков отозвалось для меня в этом слове, сколько воспоминаний пробежало через душу изгнанника. Я любил и полагал, что имел друзей, — но это давно! далеко!... Миновалось время золотых мечтаний и след его простыл в пустыне жизни. Зимний холод уже провеял над моею одинокою головою, но сердце мое еще не совершенно остыло, еще в нем теплится святыя чувства, еще в нем может запылать огонь чистейшей дружбы. Я постиг Вашу душу, открытую для эстетических впечатлений, и с радостью принимаю Ваш вызов. Будьте мне другом в чуждой и неизвестной земле. Ваше расположение, Ваша привязанность к несчастному изгнаннику пополнит пустоту его сердца!».

Следующие письма говорят о том, что эта дружба росла и крепла. Из них мы узнаем о дружеских отношениях Заблоцкого с Бараташвили, а также с Солтановским, Стоцким и другими членами литературного кружка Туманишвили, в который позднее вступил и Заблоцкий. Свидетельством дружбы между Заблоцким и Туманишвили является и обмен переводами — Заблоцкий перевел на польский язык стихотворение Туманишвили «Чаша», а последний — на грузинский язык стихотворение польского поэта «Алазанская долина». Туманишвили помогал Заблоцкому в его работе над очерком грузинской литературы. «Вы не известили меня, — читаем мы в письме Заблоцкого от октября 1838 года, — на каком языке Вы имеете эти материалы, по которым можно составить краткий очерк грузинской литературы. Ежели на русском, то я увольняю Вас от труда и при случае сам займусь их разбором. Ежели же на грузинском — то все-таки прошу Вас сделать мне краткие извлечения». Узнав,

что материалы на грузинском языке, Заблоцкий в следующем письме выразил намерение после возвращения в Тифлис заняться грузинским языком и самому пересмотреть эти материалы. «Дабы поймать верный очерк истории какой бы то ни было литературы, — писал он, — необходимо нужно знать язык и самому все пересмотреть и прочесть. Без этого нельзя ничего положительного сделать». Известно, что Заблоцкий осуществил это намерение — очерк был им написан. К сожалению, рукопись до нас не дошла.

После того, как в 1839 году Заблоцкий переселился в Тифлис, он значительно расширил свои знакомства и связи. Когда в 1845 году была объявлена по тогдашним обычаям предварительная подписка на том его поэзии, в числе подписчиков были Нина Грибоедова и Екатерина Дадияни.

В благотворной атмосфере сочувствия, радушия и дружбы вновь ожила муза Заблоцкого. С этих пор кавказские впечатления доминируют в его стихотворениях, причем не только грузинские впечатления, но также Азербайджана и Армении. В 1842—1843 гг. ему удается совершить длительное путешествие вдоль границ Ирана и Турции, посетить Ереван, Нахичевань, Ордубат, Эчмиадзин, Ирдыр и другие города, что также нашло свое отражение в его стихах. Проявлением его интереса к культуре Азербайджана явился сделанный им перевод на русский язык «Истории восточной части Закавказского края» Аббаса Кули-хана Бакинского. Он намеревался сделать и польский перевод этого произведения, но не успел осуществить его.

Свои стихи, написанные во время пребывания на Кавказе, Заблоцкий печатал в журнале «Атенеум», издававшемся известным польским писателем Игнатием Крашевским, а также в «Звезде», «Рубоне» и «Литературном ежегоднике». Значительная часть этих стихотворений собрана в томе стихов Заблоцкого, вышедшем в 1845 году в Петербурге. К сожалению, стихи Заблоцкого до настоящего времени совершенно не известны ни русскому, ни грузинскому читателям.

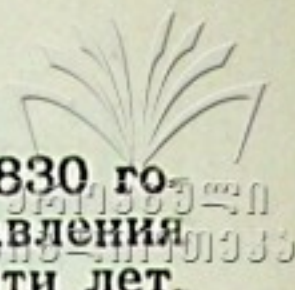
Поэтическое творчество Заблоцкого, как и всех его польских современников, развивалось под влиянием Адама Мицкевича. В кавказский период он испытал также влияние грузинских романтиков. Это сочетание оказалось весьма благотворным. Ярким примером может служить стихотворение «На вершине Джварис-Агмарты». В этом стихотворении поэт выразил ту же мятежную прометеевскую мысль, что и Мицкевич в своей знаменитой «Импровизации» из третьей части «Дзядов». Мицкевич видит себя наравне с богом на высоте, на которую его вознесла поэтическая фантазия. Заблоцкий переживает те же настроения, очутившись на вершине Крестовой горы. Это придало его стихотворению ту печать своеобразия, которое наложило на его творчество общение с кавказской природой, родство с грузинской романтической поэзией.

Поэтический талант и душевное благородство Заблоцкого не только завоевали ему сердца многочисленных грузинских друзей. Эти высокие человеческие качества не могли не получить всеобщего признания. В этом отношении представляет несомненный интерес обнаруженная мною в Центральном государственном архиве Грузии копия с записки, поданной наместнику и содержащей характеристики поляков, высланных на Кавказ за революционную деятельность, в том числе и Заблоцкого: «Отставной поручик саперов Заблоцкий. С отличными способностями и непоколебимой честности, хороший писатель, но знает очень хорошо русский язык. Брат его служит в саперах и находится у генерала Бюрно уже другой год. Здоровье Заблоцкого весьма расстроено». Даты на этом документе нет, но можно предположить, что характеристика эта находится в некоторой связи с его назначением управляющим соляными промыслами в Кульпах, которое состоялось в 1847 году.

В том же году жизнь Заблоцкого оборвалась. В газете «Кавказ» (№ 33 от 1847 года) мы читаем, что «в Кульпах умер от холеры управляющий Кульпинскими соляными промыслами Лада-Заблоцкий, обладавший замечательным творческим талантом».

Леон Янишевский (1810—1851) получил высокое признание как от своих современников, так и от нынешней польской критики, считающей его «выдающимся представителем группы кавказских поэтов». Биография Янишевского имеет еще больше белых пятен, нежели биография Лада-Заблоцкого. Он сам писал о себе в 1849 году: «Все мое прошлое — это нужда, горести, унижения, скитальчество в жизни, кочевье в мысли, без отдыха и цели, неуместные жалобы, отчаяние, непристойное для мужского сердца». Однако на чем основан этот печальный жизненный итог, польские биографы поэта затрудняются дать ответ, не располагая для этого конкретными данными.

Будучи студентом филологического факультета Варшавского университета, Янишевский с большим успехом переводил греческих и латинских прозаиков и поэтов. Переводы его обратили внимание известного польского поэта и теоретика литературы Казимира Бродзинского. Свои занятия филологией Янишев-

ский, однако, скоро прекратил, как предполагают, в связи с восстанием 1830 года. О его участии в восстании также ничего не известно, но после подавления его он покинул Варшаву и переселился в Витебск, где провел около десяти лет. В 1841 году Янишевский был уже в Тифлисе, по всей вероятности, сосланный туда царскими властями. В Тифлисе Янишевский, сочетавший литературные и музыкальные способности, давал уроки музыки и занимался литературным трудом. К этим сведениям, почерпнутым из польских источников, можно добавить, что в течение ряда лет он работал в качестве преподавателя в знаменитом в то время пансионе А. И. Раевского. Когда Раевский был назначен инспектором учебных заведений, Янишевский фактически руководил пансионом. Можно попутно отметить, что в это время в пансионе учился классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе. В начале 1848 года Янишевский сделал попытку вернуться на родину, но в связи с революционными событиями на Западе царские власти отказали ему в разрешении на выезд. Янишевский окончательно осел в Тифлисе, обзавелся семьей и тесно связался с литературной жизнью Грузии.

Янишевский был плодовитым писателем. В Грузии он возобновил свою деятельность в области художественного перевода. Он перевел в частности поэмы Пушкина «Кавказский пленник» и «Цыгане». Перевод «Кавказского пленника» повлек за собой крупные неприятности. Перевод этот был напечатан в варшавском журнале «Научно-литературный дневник», и номер этот был конфискован. Одновременно было запрещено отдельное издание поэмы и был отдан приказ об аресте Янишевского. Поэта спасло лишь то, что власти разыскивали его в Варшаве.

Оригинальное поэтическое творчество Янишевского весьма многообразно. Его перу принадлежат поэма «Баркарола», драматическая поэма «Два дня», лирические и сатирические стихотворения. В его лирических стихотворениях преобладают элегические мотивы, отражающие непрерывно владевшую им тоску по родной земле. В сатирических стихах, часто сочетающихся с лирическими отступлениями, реалистически запечатлены картины и сцены окружающей жизни.

Янишевский писал и прозой. Ему принадлежат «Картины и впечатления из путешествия по Кавказу». Одновременно он выступал и как композитор, и как музыкальный рецензент. Им написаны «Тифлисская полька» и «Прелестная грузинка». В № 13 газеты «Кавказ» я нашел его обширную рецензию на концерты скрипача Париса, в которой чувствуются и глубокая эрудиция, и тонкий музыкальный вкус.

Произведения Янишевского до сих пор не собраны. В 1843 году в Вильно должны были выйти в свет два тома его стихотворений, но издание не было осуществлено. Между тем, произведения его представляют несомненный интерес не только для польского, но и для советского читателя.

Владислав Стшельницкий (1820—1846) — уроженец Волыни, учился в Киевском университете. В Киеве Стшельницкий вступил в тайное общество, организованное известным деятелем польского национально-освободительного движения Шимоном Конарским, казненным царскими властями в 1839 году в Вильно. За участие в заговоре, подготовлявшемся Конарским, Стшельницкий в том же 1839 году был сослан на Кавказ и отдан в солдаты. Стшельницкий служил в артиллерийском полку, где был произведен в прапорщики. В упомянутой уже записке наместнику наряду с характеристикой Лада-Заблоцкого имеется и следующая характеристика Стшельницкого: «Отличных способностей, хорошего образования и известный писатель на польском языке, но мастерски владеет русским языком, строжайших правил и пользуется весьма справедливо общим уважением!» Жизнь Стшельницкого была очень короткой — он умер двадцати шести лет от роду, 19 октября 1846 года.

В Тифлисе Стшельницкий сблизился с Тадеушем Лада-Заблоцким, Леоном Янишевским и Войцехом Потоцким и, вероятно, под их влиянием начал писать стихи. Заблоцкий упоминает о том, что он «помогал ему развиваться и следил за его успехами». Янишевский говорил о Стшельницком, что это «большой талант, настоящий поэт, писатель огромных надежд».

Стшельницкий писал в стихах и в прозе. В большей мере, чем его товарищи по группе «польских кавказских поэтов», он находился в своем творчестве под влиянием кавказской природы и местной поэзии. Многие его стихотворения написаны на основе кавказских легенд и преданий и именно в них он достигает наибольшей поэтической высоты. Его лирические стихи овеяны грустью и безысходной тоской по родине, из которой он был изгнан.

В поэтическом творчестве Стшельницкого нельзя не видеть влияния Мицкевича, которое с особой отчетливостью и силой сказалось в стихотворении «Казбек». Здесь не приходится говорить о подражании, все его настроение, все его звучание своеобразно и оригинально, но последние строки, заключающие

философский вывод поэта, заставляют вспомнить терцины сонета Мицкевича «Четырдаг»:

Палит ли солнце нас, иль жжет гяур селенья,
Иль губит саранча посевы наших нив,
Ты вечно недвижим и глух и молчалив.

Меж небом и землей, как драгоман творенья,—
Под ноги гром, людей и земли подстелив,
Внимаешь одному: глаголам провиденья.

Здесь снова прекрасно сочеталось перекрестное влияние великого родного поэта и живой поэзии Кавказа.

Наибольшей известностью в Польше пользуется большая поэма Стшельницкого «Бей-Булат».

Стшельницким написаны также две повести — «Братья Уздени» и «Махмудка». последняя создана под влиянием повести «Мулла Нур» А. Бестужева-Марлинского, которого Стшельницкий высоко ценил и любил. Его перу принадлежит также большой цикл «Очерков Кавказа».

Стшельницкий был тесно связан с газетой «Кавказ», в которой были напечатаны, вероятно, в его собственном переводе на русский язык, обе названные повести. На его раннюю смерть газета откликнулась некрологом, в котором писала: «19 октября в Тифлисе, после краткой болезни, скончался молодой и мною обещавший писатель Владислав Стшельницкий, участвовавший трудами своими в нашей газете. Польская и русская литература (потому что он равно свободно и прекрасно писал на обоих языках) много потеряла с смертью этого даровитого человека, классически образованного и обладавшего высоким поэтическим талантом... Товарищи и друзья Стшельницкого, оплакав слишком преждевременную смерть поэта-юноши, так много обещавшего, предали тело его земле 22 октября на католическом кладбище, выше церкви, ближе к небу, о котором он так часто тосковал в своих стихотворениях, и окропили могилу непритворными, горячими слезами! Дай бог, чтобы каждый на чужбине, далеко от родных, был оплакан с такой горестью людьми ему чуждыми».

Прочувствованные стихи посвятили Стшельницкому его соотечественники Готоцкий и Заблоцкий. Последний сравнивал своего друга с тремя выдающимися польскими поэтами, скончавшимися в столь же раннем возрасте:

Мальчевский, Зиморович и Гарчинский,
Разбитых арф не отзвучавший звон,
Отзвались с небес на исполинский
Большой души его предсмертный стон,
Венцом чело поэта увенчали
И руку братскую ему подали.

Литературное наследство Стшельницкого собрано в трех томах, выпущенных в свет его братом в 1860 году в Житомире. В первый том вошли две его повести — «Братья Уздени» и «Махмудка», во второй — воспоминания и «Очерки Кавказа», в третий — поэтические произведения. На русском языке были опубликованы, как упомянуто, только его прозаические произведения.

Эти краткие и беглые заметки о жизни и творчестве Т. Лада-Заблоцкого, Л. Янишевского, и Вл. Стшельницкого убедительно говорят о том, что небольшая группа «польских кавказских поэтов» внесла свой значительный и ценный вклад в сокровищницу польской поэзии. Несомненно, их поэтическое творчество залуживает того, чтобы русские и грузинские поэты сделали его достоянием советского читателя.

На вершине Джварис-Агмарти

Перевод с польского М. Живова

Средь молний, под дождем, над бездной повисая,
С громами спор ведя, снега одолевая,
Вершины я достиг взнесенной к небу кручи.
Над головой лазурь, а подо мною тучи.
Они несутся вдаль, как океан безбрежный,
И лишь порой среди них пик засверкает снежный, —
И снова мгла. Но вдруг волшебный жезл пророка
Прорежет темноту, и видит ясно око
Сквозь бездну облаков, пурпурных на закате,
Как Терек пенится, Арагва волны катит.
Но шум и рокот волн сюда не долетает,
И буря жизни здесь меня не настигает.
О, как мне здесь легко! Как сердце воле радо!
Играет солнца луч на льдах цветами радуг,
На девственных снегах огнем пылают зори.
Как сладостно мне плыть душой в безбрежном море,
Где не уловит слух метелей завыванья,
Людские жалобы и горькие стенанья!
Земные доли — вам «прости» я посылаю,
И людям низменным, которых презираю.
О, я переступил теперь земные грани,
И завершился круг мучительных скитаний.
Постиг природу я и ощутил здесь вечность,
Миров передо мной простерлась бесконечность.
Как сокол, вознесусь я над землею тленной
И буду наравне с властителем вселенной!

Владислав Стшельницкий

К а з б е к

Перевод с польского М. Живова

Скажи мне, древний великан Казбек,
Главой своей достигший небосвода, —
Ты видел все, — как шел за веком век,
Как уплывали друг за другом годы
И канули в ничто, как царь земли
Свергался с выси в прах, как поколенья

К грядущему неудержимо шли
И достигали только врат забвенья!
Ты слышал все — разведчик-ураган
Несет к твоим холодным скалам вести,
Всю землю облетев, и океан,
И тысячи аккордов сливши вместе,
Всеобщей песнею гремит. Челом
Своим седым стоишь ты к солнцу близко
И тонешь весь в просторе голубом,
Ночами отражен ты в лунном диске,
Как в зеркале. И, дуною объят,
Глядишь велик, безмолвен и бесстрашен.
Скажи же мне, что в небе говорят
О помыслах и о деяньях наших?

Скажи, как там пророков наших ценят,
Которых мы, внизу, высоко чтим,
Слышны ль их речи там, видны ль хоть тени
Витий, которых мы боготворим?
И в горную доходят ли обитель
Отсель земные наши голоса,
Нестройный хор в них слышит небожитель,
Иль мощный гимн в них слышат небеса
В честь господя, что нам несет спасенье?
И отличают ли на небесах
Покорные сердечные моления
От низких слов погрязшего в грехах?
И знают ли, что дух наш чист и ясен,
В стремлении не знающий преград,
Что мыслью нашей мир весь опоясан
И в высь надземную проник наш взгляд?
Скажи мне — звезд несчетных мириады
Господь на небесах для нас зажег,
Для тех, кто гонят тьму, кто свету рады,
Кого избрал своим орудьем бог?

Стоял Казбек в молчанье погружен,
Дрожащей тенью небо застилая.
Быть может, в небо загляделся он,
Иль слушал, как от края и до края
Звучала песнь миров!

Его ответ

Был ясен мне. В его молчанье
Я мудрое услышал назиданье —
Он говорил: все суета сует!

Константин Лордкипанидзе

ОНИ СПУСТИЛИСЬ С ГОР

Из записной книжки писателя

Недавно мне пришлось совершить поездку по горам Тушетии. Моем спутником был самгорский колхозник Алуда Раинаули, невысокий, плотный человек, коричневый от загара, без единого седого волоса, несмотря на свои шестьдесят лет, с глазами, воспаленными от горячих степных ветров.

С первого взгляда Алуда казался человеком грузным, медлительным. Но достаточно было посмотреть, как он легко садился на коня, чтобы сразу изменить представление о нем.

Прошлую ночь Алуда не спал, и сейчас его клонило ко сну. В седле он сидел нетвердо, и лошадь чувствовала это. Когда всадника кидало в сторону, она сразу останавливалась. Алуда вздрагивал и, очнувшись, ласково похлопывал лошадь по шее.

Ехали мы темным, прохладным ущельем. Дорога только что была построена. Это было видно по неубраным еще щебнедробилкам, по пахнувшим свежей краской дорожным столбам, по тому, что на доро-

ге еще не заметно было следов от колес.

И правда, проехав два-три километра, мы услышали один за другим несколько взрывов. Скоро мы оказались на перевале, где работала большая группа колхозников.

Осторожно объезжая поваленные деревья и огромные каменные глыбы, завалившие дорогу, мы пробрались к журчавшему под скалой источнику. Дали напиться лошадям, напились сами, и тут моего спутника окликнул один из колхозников, кативший по доскам тачку с землей.

— А, здравствуй, Закро! — приветливо отозвался Алуда и, спрыгнув с коня, пошел навстречу высокому, широкоплечему человеку с черной короткой бородой.

— Ты что тут делаешь?

— Да вот, дорогу строим.

— И ты строишь? — улыбнулся Алуда, хитро прищутив глаз.

— Как видишь, — также с улыбкой ответил Закро и, помолчав, добавил: — Я — что? Брат мой тоже здесь. Вон он стоит.

У обрыва, над большим, только что срубленным деревом стоял с топором в руках горец, такой же рослый и чернобородый, как и наш собеседник.

— Бердиа? Вон оно как! — воскликнул мой спутник. — Значит, и этот старый упрямец здесь.

— Да, Алуда. Другая жизнь пошла, и люди стали другими, — кивнул головой Закро.

Они перекинулись еще несколькими словами, похлопали друг друга по плечу, и мы двинулись дальше.

Немного погодя я спросил Алуду, почему его так удивило, что эти люди работают на строительстве дороги.

— Почему? А вот послушай.

И он рассказал мне печальную историю своей деревни.

Деревня была маленькая — всего в сорок дымов. Лепилась она на склоне горы, вдали от большой дороги. Тогда по этому ущелью проходила только узкая каменная тропа, которую с трудом одолевала даже выносливая тушинская лошадь.

И вот какой-то подрядчик, то ли еще в царское время, то ли при меньшевиках, начал прокладывать дорогу через ущелье, чтобы наладить вывоз за границу ценной древесины «красного негноя», который шел в Англию на постройку самых дорогих яхт. Но как только дорогу довели до деревушки, крестьяне, а вместе с ними и братья Арабули, снялись с места со всем своим скарбом и ушли еще выше в горы.

Ушли потому, что дорога привела беду — карателей, ростовщиков, сборщиков всяких «законных» и незаконных податей.

Они ушли от большой дороги, ушли в горы, где, с трудом удерживаясь на крутых склонах, сеяли ячмень, который очень часто — если лето случалось короткое — не успевал даже созреть. А сколько раз жалкие посева просто смывало ливнями.

И сейчас под душистой тенью лип моему спутнику не терпелось поведать мне о большой радости своих

земляков, рассказать о том, как они спустились с гор и теперь сами, всем народом, строят дорогу. Строят потому, что сегодня дороги несут грузинскому крестьянину блага новой жизни. Сегодня по дорогам идет трактор, идут книги, идет учитель и инженер.

* * *

Да, они спустились с гор. Они живут сейчас в самой молодой грузинской деревне Гамарджвеба, выросшей в бесплодной Самгорской степи. Совсем недавно появились здесь эти нарядные кирпичные домики с балконами, украшенными причудливой резьбой, с дворами, в которых удивительно, как смело зеленеют молодые деревца.

Всего несколько лет прошло с того памятного осеннего дня, когда река Иори, закованная в железобетон, пройдя через многие тоннели и дюкеры, начала заполнять гигантский котлован в окрестностях Тбилиси.

А сейчас, споря с синевой знойного южного неба, широко раскинулось в степи глубокое, прозрачное Тбилисское море. Пшеница в этих краях уродилась густая, высокая, какой давно не видела эта сожженная земля.

Кто знал Самгорскую степь в летний зной, когда при малейшем дуновении ветра земля, переставшая быть почвой и превратившаяся в тончайшую пыль, вдруг поднимается в воздух и часами висит над степью туманной завесой, — тот поймет, что значит приход воды в Самгори.

Не всегда эта степь была бесплодной. Недавно грузинские археологи обнаружили в нижней части Самгори большое древнее погребение. В каменных склепах нашли человеческие скелеты. Там же были найдены печать с изображением крылатого коня, золотые браслеты, ожерелья из драгоценных камней и многое другое. Находки эти говорили о высокой культуре, о том, что когда-то здесь кипела жизнь. Нашествие монголов погубило страну. Леса были вырублены, колодцы завалены. Ве-

ками после этого лежала омертвелая земля под палящим дыханием восточных ветров.

Только несколько деревушек осталось в степи. Крестьяне сеяли хлеб на небольших клочках земли. Но как часто огненные ветры на корню палили посевы!

* * *

В наши дни сорок тысяч гектаров степи к юго-востоку от Тбилиси покрываются хлебными полями, виноградниками, фруктовыми садами. Вокруг столицы Грузии поднимаются молодые леса, преграждая путь суховеям.

...Алуда рассказал мне о том, как ждали воду в Самгори.

Все знали, что путь воды долог, что, войдя вечером в новое русло, река придет к котловану лишь на рассвете следующего дня. И тысячи людей из ближайших деревень поднялись в ту ночь до рассвета, чтобы встретить воду в степи.

Алуда видел почтенных стариков с длинными белыми бородами; они шли быстрым молодым шагом вслед за водой и бросали в реку серебряные монеты — старинная примета счастья, а молодежь несла факелы, освещая путь воде.

Наутро реку встретили дети. Они стояли шпалерами вдоль канала, кидая в бегущую воду охапки цветов и красных осенних листьев. Вода несла их с собой, как живые ковры, и, наконец, шумя и пенясь, Иори низверглась в котлован будущего моря.

* * *

— Вот как меняется наша деревня! — тихо, задумчиво, будто не ко мне обращаясь, а отвечая собственным мыслям, проговорил Алуда, когда мы вышли на залитую полуденным солнцем улицу. — Давно ли в Сартчала правление колхоза помещалось в доме бывшего кулака, клуб — в бывшей церкви, маслодельня — в растворе бывшего духана. Даже счетовод у нас был из бывших писарей! А сейчас, смотри, какие дома понастроили!

И он окинул взглядом видневшие-

ся за рощей вишневых деревьев новые здания правления колхоза, клуба и читальни, средней школы, а еще дальше — белый домик лаборатории по проверке семян.

— А что касается писаря, который счетоводом работал, об этом и вспоминать нечего, — продолжал Алуда. — Теперь у нас и счетоводы свои, и главный бухгалтер свой — курсы до войны еще окончил. Да что говорить, сейчас у нас и рядовой колхозник с карандашом и записной книжкой ходит. Это, видишь ли, потому, что в Самгори техники много. От сева до уборки урожая, до самой ссыпки зерна в амбары все машинами делается. Тут без грамоты человеку не обойтись — не только с машиной не управишься, весовщиком на току — и то не пригодишься.

* * *

Попрощавшись с Алудой, я вышел на дорогу и остановил попутную машину.

За рулем сидел незнакомый парень с почти черным от загара лицом и с такими ослепительно-белыми зубами, что, кажется, только они и видны были в сумраке кабины.

— Мне до озера.

— Хоть до Каспийского моря, — сказал парень, с трудом открывая неподатливую дверцу кабины.

Взметая клубы красноватой пыли, машина помчалась мимо опустевших садов. Собрав урожай, люди недавно ушли отсюда, и только птицы смело кружились над растрепанными деревьями, под которыми желтели вдавленные в землю листья; легкой грустью повеяло на меня от этих сразу потускневших садов.

Вдруг парень резко затормозил, и облако пыли мгновенно накрыло всю машину.

— Я сейчас, — сказал парень.

Я подождал, пока пыль немного осела, потом выглянул в окошко и увидел разбросанные по стерне невысокие, свинцово-пепельные холмики минеральных удобрений, а за ними — женщин с ведрами в руках.

Пройдя несколько шагов, парень

нагнулся и что-то подобрал с земли, затем подошел к одной из женщин. Лица ее нельзя было разглядеть, оно было закрыто платком. Я видел, что парень о чем-то горячо заспорил с женщиной, та вдруг бросила ведро, решительно вытерла руки о подол платья и направилась к стоящей на краю дороги арбе.

Шофер возвратился мрачный, некоторое время он молча вел машину, и только две глубокие сердитые складки сходились и расходились на его переносице, придавая его юному лицу такое строгое выражение, что я невольно улыбнулся. Но, видно, он был не из молчаливых. Нагнув голову, парень отер о плечо свое потное, не столько от жары, сколько от волнения, лицо, правой рукой достал из кармана крупные, с грецкий орех, серые камешки и возмущенно сказал:

— Вот смотрите! Этими булыжниками улицы мостить, а они... поля удобряют. Я им говорю: просейте, а они руки мне свои показывают. Жалуются: от солей кожа на них потрескалась. Рукавицы требуют. В прошлом году женщины из седьмой бригады так кусками и разбросали удобрения по полю. Дожди, мол, пройдут — они сами рассыплются. А дождя не дождалось. Вот и сожгли землю, снизили урожай. И сейчас то же самое делают. Разве это работа?

В кабине было душно, пахло горячим железом и бензином, у меня слегка кружилась голова, и, признаться, не очень хотелось разговаривать. Но парень казался таким огорченным, что молчать уже было как-то неудобно.

— А ваш председатель куда смотрит? — спросил я.

— Что председатель! Он смеется. В перчатках, говорит, только в театр ходят, а не в поле работают, — сказал парень, и две сердитые складки снова сошлись и разошлись на его переносице.

— А ты Алуду Раинаули знаешь?

— Как же! Это наш бригадир.

— Так вот, Алуде все и расскажи, — посоветовал я.

— Скажешь! — парень быстро повернул ко мне голову, его строгие, умные глаза на мгновение задержались на моем лице, и он, видимо, решил: «С ним можно поговорить». — У нас сейчас такие порядочки завелись... не все скажешь. Попробуй, скажи — так тебя враз в склочники произведут. Ой, простите. — Увлечись разговором, он не заметил заросшую травой выбоину, и машину сильно тряхнуло. — Недавно, — продолжал он, — один мой товарищ застал нашего тракториста за нехорошим делом: ночью у директорского родича приусадебный участок пахал. Товарищ мой в стенгазету написал. Так его каким только именем не окрестили — и склочник, и доносчик, и что хочешь. А все из-за того, что наша МТС в районе передовой считается. Вот и берегут доброе имя.

Я уже с нескрываемым любопытством разглядывал парня. Когда он молчал, твердые его обветренные губы были крепко сжаты, на сухощавом лице выдавались скулы, обтянутые смуглой до черноты кожей, нос с горбинкой шелушился и кое-где на нем проступили красные пятна.

«Кого он мне напоминает?» — молча думал я, но так и не вспомнив, прямо спросил:

— Ты чей будешь?

— Я? Мгелика Надибаидзе.

Конечно, Надибаидзе. Как я сам не догадался! Стоит только посмотреть на этот нос с горбинкой, на этот каменный подбородок, чтобы сразу узнать мужчину из фамилии Надибаидзе.

Я хорошо помнил Мгелика Надибаидзе. Впервые я увидел его еще задолго до войны.

— Посмотри, — сказал мне тогда председатель колхоза. — Вот Аптека ведет свое стадо.

Посреди улицы шел невысокий, грузный человек в островерхой барашковой шапке, в лохматой бурке и в таких легких изящных каламанах и пестрых чулках, какие носят толь-

ко пастухи-горцы. А за ним, тесно прижавшись боками друг к другу, шли буйволы, такие же черные, грузные, сильные, как и сам Мгелика.

Вскоре я узнал, почему Мгелика дали такое странное прозвище. Как-то мы вместе с ним зашли посмотреть только что законченную маслодельню на буйволиной ферме. Маленькое помещение маслодельни сверкало белизной и чистотой. И красивый сепаратор, и посуда для молока и масла, и весы с гирями, отливающие серебром, — все вызвало у пастуха неопишное восхищение. А когда вошли девушки-дойрки в белых халатах и косынках, он одобрительно прищелкнул языком.

— Эх, хорошо, прямо аптека! — сказал он.

Девушки заулыбались.

Все, где было чисто, светло и опрятно, Мгелика обычно сравнивал с аптекой. Должно быть, это сохранилось еще с того далекого времени, когда во всей Самгорской степи только аптека и могла порадовать глаз своей чистотой.

На войну его провожали летом сорок второго года. А через несколько месяцев в деревне узнали, что в ноябрьских боях под городом Дзауджикау Мгелика был тяжело ранен и вскоре скончался на руках у товарищей.

— А тебя как звать? — спросил я парня.

— Зурико.

— Отец твой был храбрый человек, Зури. Он умел постоять за правду. А ты... видать, из пугливых.

Даже сквозь его смуглую кожу пробился жаркий румянец.

— Я пугливый?! — он еще что-то хотел сказать, но, видимо, решил, что тут словами ничего не докажешь.

— Сойдете? — уже спокойно спросил он.

Я повернул голову. Слева от дороги лежало небольшое, полувысохшее соленое озеро.

— Не сердись на меня, парень, — сказал я, прикрывая дверцу каби-

ны, — я немного знал твоего отца и хочу, чтобы ты был похож на него. До свиданья.

По краям загонов стояли золотисто-желтые, еще не потемневшие от дождей скирды соломы. Где-то за озером глухо рокотал трактор.

«А парень, видно, не плохой. Нужно мне самому все рассказать Алуде», — думал я, погружая по щиколотку ноги в пылающий жаром песок.

Обогнув озеро, я вышел на заброшенную аробную дорогу. Из-под моих ног, словно искры от горящего полена, брызнул целый рой каких-то пестрых жучков и букашек.

— Дядя, дядя! — какой-то мальчуган в красной майке бежал мне навстречу, отчаянно размахивая длинным, гибким прутом: — Стойте, сюда нельзя!

Я не сразу понял, почему нельзя, но все же остановился.

И вдруг откуда-то сверху послышалось тихое позвякивание бубенчиков. Я тотчас же догадался: мальчишки травят ястребом перепела. Вскинув голову, я увидел хищника. В знойном, выгоревшем небе он казался почти черным. Он то плавал широкими кругами, то так неподвижно повисал над степью, что даже бубенчики, подвязанные к его ногам, переставали звенеть.

Однажды, когда я еще был маленьким, дедушка мой где-то поймал красного ястреба. Как только стемнело, старик заперся в своей комнате и до самого рассвета гукал и кричал в уши хищнику.

Четыре ночи подряд дедушка не спал и не давал спать птице. Не спали и мы, дети. Прильнув к дверным щелям, мы, затаив дыхание, прислушивались к необычному дедушкиному концерту.

— Когда ты прекратишь свое колдовство, старый крикун! Дай детям спать, — сердилась бабушка, разгоняя нас по постелям.

Но я все же ухитрился подсмотреть, как дедушка будил задремавшую птицу, пронзительным свистом и улюлюканьем не давал ей заснуть

ни на одно мгновение, изнуряя хищника до крайнего предела, чтобы сломить его волю и приучить к человеческому голосу.

А через три недели, когда обучение ястреба было закончено, дед вышел в поле, прихватив с собой меня и моего брата. Мы волокли по траве длинную веревку, и когда вспугнутый перепел подымался на крыло, ястреб срывался с руки деда. Перепел в страхе падал на землю и неподвижно замирал в траве. И тут его накрывали сеткой — «хелбаде», а то и просто брали руками.

...Чтобы не мешать мальчикам, я отошел в сторону.

Все произошло в одно мгновение: тяжелый, залитый жиром перепел неохотно поднялся в воздух, стремительно налетел ястреб, и не успели мальчики опомниться, как ни того, ни другого уже не было в небе.

— Унес, разбойник, — сказал я незадачливым охотникам.

— Видно, унес, — огорченно согласился мальчик в красной майке.

— Шапку надо было бы подбросить, — сказал я. — Испугать разбойника, чтобы перепелка успела скрыться в траве.

★ ★ ★

Вечером я был в гостях у Алуды. Дом его из трех маленьких уютных комнат с балконом стоит в самом конце села. За домом сразу начинается степь.

Мы сидели в столовой под старинной висячей лампой и вели неторопливую беседу.

Кстати, об этой лампе. Когда-то она досталась Алуде вместе с небогатым приданым жены. Но повесить ее в комнате тогда не удалось — очень уж низкий был потолок. И пролежала она почти четверть века на чердаке. Только года два назад ее достали оттуда, натерли медные части кирпичом и мелом до полного блеска и торжественно повесили в новом доме.

Новый дом. И сам Алуда — новый. И об этом тоже хочется сказать несколько слов.

Алуда — один из старейших чле-

нов колхоза. Но когда-то он больше возился на своем приусадебном участке и так засеивал его пшеницей, что детям негде было даже мяч поиграть. Не дай бог, если, бывало, не дадут ему в первую очередь колхозных быков для запашки приусадебного участка.

Но как-то раз Алуда не попросил упряжку. Ему напомнили об этом.

— Некогда... На той неделе возму, — смущенно пробормотал Алуда. Но быков так и не взял.

Это было в те дни, когда в Самгори начало прибывать все больше и больше сельскохозяйственных машин.

Мощная техника звала на большие дела. Да и колхозный трудовень становился богаче! Алуде было уже не до быков...

Свое приусадебное хозяйство он оставил на попечение жены — под огород, а сам весь ушел в колхозную работу. «Душа на место стала», — говорил он.

И стоило только Алуде выйти из своего приусадебного мирка, как из не приметного человека он стал всеми уважаемым колхозником.

Работал ли он прицепщиком, обкашивал ли поле для комбайна, или скирдовал солому, дело у него так и спорилось. Со стороны казалось, что работа, которую он выполняет, легка и не утомительна.

Неслышно подкрался темный, душный самгорский вечер. На какое-то короткое время степь притихла, даже неугомонные кузнечики дали отдых своим трещоткам, только сильнее запахло остывающей землей — так всегда бывает здесь после захода солнца, когда день сменяется ночью.

Мы сидели на балконе. Я рассказал Алуде о моей встрече с молодым Надибаидзе. Хозяин молча выслушал меня, потом встал и прошелся по балкону; новые разошедшиеся половицы жалобно заскрипели под его тяжелым шагом.

— Да, вот живем на новой земле, а держимся кое в чем за старые порядочки. К примеру скажу. Работал

в моей бригаде опытный тракторист, член партии, уважаемый всеми человек. И что вы думаете: взяли его из МТС и «большим» человеком сделали, — Алуда ядовито усмехнулся, — назначили его директором лимонадного завода в районе. А всего рабочих на этом заводе двое парнишек и производят они за день несколько бутылок какой-то желтой горьковатой жидкости. Золотую профессию у человека отняли, сбили его с пути. Говорят, он письмо прислал в МТС, обратно просится. Дай бог.

В поле вышли комбайны с зажженными огнями, и вокруг сразу стало как-то празднично, радостно. Словно сказочные корабли, плыли они по темной, бескрайней степи.

Время от времени мимо домика проносились груженные автомашины, и долго потом стоял в ночном воздухе крепкий, приятный запах зерна, еще напоенного жаром степного солнца.

— Знаешь, — сказал Алуда, указывая на поле, сверкавшее огнями, — с тех пор как наши механизаторы начали работать по ночам, переселенцы вроде как с ума сошли, никто не ложится спать, стоят и смотрят — впервые ведь видят такое!

За плетнем невидимые в темноте буйволы с таким хрустом рвали сухую жесткую траву, что казалось, будто они в жизни ничего вкуснее не ели.

— Алуда! — крикнул кто-то у калитки.

— Заходи, заходи, Ваню!

Вошли двое. Одного я узнал — бригадира тракторной бригады Ваню Канчашвили — худощавого жилистого человека лет сорока, с глубоким шрамом над левой бровью. Второй был постарше, поплотнее, но новый комбинезон делал его подтянутым, стройным. Он оказался учетчиком тракторной бригады.

— Может, в другой раз зайдем? —

сказал Ваню, увидев, что в доме гость.

— Нет, нет, это дело откладывать нельзя. Мы быстро кончим.

Алуда извинился передо мной и пригласил их в комнату.

Они убрали со стола графин с водой, потом сняли скатерть, разложили перед собой бумаги, записные книжки, и все трое сели за работу.

По отдельным словам, доносившимся из комнаты, я догадался, что они составляют карту участков, с которых предстоит убирать хлеба на этой неделе.

Я посидел еще немного, затем встал и попрощался.

— Как же ты один пойдешь? Ночью степь хуже леса — собьешься с дороги, проплутаешь до свету, — забеспокоился хозяин. — погоди немного, я тебя провожу.

В засушливое лето луна в Самгори неяркая, светит она плохо. Степная дорога едва угадывалась. Несколько раз мы сбивались с нее и шагали по пашне.

Где-то совсем близко скрипели арбы, груженные соломой. Около вагончика трактористов горел огонь. Женщины готовили ужин. У водоразборной колонки кто-то шумно плескался под краном.

— Вода! — задумчиво проговорил Алуда: — Ожила земля. По сто двадцать пудов пшеницы с гектара берем. Шутка ли?

А в недалеком прошлом, во время уборочной страды, когда над степью стоял нестерпимый зной, когда земля была сожжена настолько, что даже стрекоза, коснувшись ее, поднимала пыль, здесь берегли каждую каплю воды, и, чтобы приглушить жажду, косари ели чеснок, вымоченный в крепком уксусе.

Несмотря на поздний час, степь жила полной жизнью. Временами сквозь гул машин прорывался пронзительный свист — с комбайна требовали принять зерно.

Галина Прилико

Великий Октябрь в произведениях М. Горького

В дни 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции особое внимание читателей привлекают, естественно, те страницы произведений А. М. Горького, где изображаются славные события 1917 года. Тема «Горький и Октябрьская революция» включает ряд проблем и, разумеется, не может быть исчерпана в пределах одной статьи. Но даже краткий обзор помогает раскрыть важнейшую горьковскую мысль о том, что революция прекратила тот страшный процесс разрушения человеческой личности, который был в глазах писателя самым огромным преступлением буржуазного мира, и пробудила к жизни творческую энергию человека, призванную в условиях социалистического строя изменить лицо земли.

Уже в самые первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции А. М. Горький задумал «Книгу о русских людях, какими они были». Этот замысел определил основное звучание большей части цикла — «Заметки из дневника. Воспоминания» и ряда рассказов, созданных Горьким в 1922—24 годах.

Глубже многих других писателей, изображавших в те годы «страшный мир» прошлого, понимал Горький, что «гноусная российская действительность» калечила не только жизнь, но и душу человека, гася человеческий разум, извращая человеческие чувства и мысль. Но Горький

умел видеть «русский народ исключительно талантливым, своеобразным» и сквозь эти разрушения человеческой личности. Перед читателем «Заметок» проходит целая галерея «странных людей», души которых искалечены жизнью с отвратительной и жесточайшей изощренностью, но многие мысли, поступки и представления которых не могут служить свидетельством мещанского благонаравия, олицетворяющего для Горького торжествующую бездарность. В книге «Заметки из дневника. Воспоминания» Горький, очевидно, не задавался целью изобразить определенные классы старого общества, но интересно отметить, что большинство «искалеченных душ» здесь — представители привилегированных слоев. Чудесных людей, в которых ничто не могло истребить подлинно человеческого начала, Горький находит в простом народе. Среди этих образов возвышается поистине исполинская фигура мордовки Иванихи, человека «бесстрашной жизни», советчика мужиков в делах, которые требуют сопротивления властям, помощника в мужицких бедах и удивительно придирчивого оппонента самого Христа.

Стремление показать проклятые условия прошлого, калечившие человеческую душу, и вместе с тем раскрыть исключительную талантливость народа сближает первую часть «Заметок из дневника. Воспомина-

ний» с третьей частью трилогии Горького «Мои университеты» и примыкающими к ней автобиографическими рассказами, а также, в какой-то мере, и с циклом произведений Горького о деятелях революции и писателях, лично ему знакомых.

Начиная с главы-очерка «О войне и революции», «Заметки из дневника. Воспоминания» превращаются в книгу, отразившую непосредственные впечатления писателя от назревавших, а затем развернувшихся в стране революционных событий. В этой части цикла первоначальный замысел книги обогащается новой, истинно горьковской идеей выпрямления личности в революции, так победно прозвучавшей уже в его до-октябрьском творчестве.

Смыкаясь с рядом советских писателей начала 20-х годов, Горький стремился показать выпрямление в революции самых широких народных масс. Пристально вглядывался писатель в души людей, с трудом преодолевающих свою темноту и неразвитость, людей, до которых идеи социализма доходили извилистыми путями, преломляясь в их сознании порой весьма своеобразно. Утверждая идею выпрямления личности в революции, Горький, писатель абсолютно чуждый идеализации стихийности, показывает прежде всего, как пробуждается в революции высокий политический разум широких народных масс, как рождается в представителях трудового народа способность к творчеству, к созиданию новой жизни, способность, являющаяся в новых исторических условиях основным признаком талантливости народа.

Обогащение первоначального замысла дает возможность писателю изобразить происходившие в стране революционные события и создать обаятельные образы людей, уже обладающих чертами «нового характера». Таков в главе-очерке «О войне и революции» простой сторож, в котором проснулось «чувство государственности», сознание своей ответственности за то, что происходит и что еще должно произойти в его стране. Еще более интересна и значительна в «Заметках» фигура «бородатого солдата», образ которого впоследствии вырастает до подлинно эпических размеров. В главе «Мо-

нархист», действие которой происходит в февральские дни, «бородатый солдат», вместе с «неистошимым серым потоком» других «бородатых солдат», участвует в грозном деле разрушения, ломки «тысячелетием созданной железной клетки государства». В главе «О войне и революции», передающей атмосферу нарастания социалистической революции, «бородатый солдат» выражает общее для всей народной массы недовольство Временным правительством, страстный протест против империалистической бойни, но еще не понимает, что буржуазия, пробравшаяся к власти, не может не мешать народу строить новую жизнь. В «заметке» под датой «июль, 6-ое» из главы-очерка «Садовник» мы видим «бородатого солдата» среди войск, вызванных Временным правительством, напуганным выступлениями 3—5 июля. Настроение у него здесь вовсе не боевое, ружье под мышкой и заржавлено. Он не прочь покурить, поиронизировать над собой и собратьями по оружию, проявить своеобразную заботу о простом человеке. Но привычная дисциплина еще заставляет его подчиняться приказам начальства. И, наконец, в очерке-главе «Петербургские типы» «бородатый солдат» уже стоит на страже революционных идей, ставших его твердыми убеждениями.

В образе «бородатого солдата» мы вправе видеть широкое обобщение, изображение крестьянства, прошедшего суровую школу войны и революции. Показ жизненного пути «бородатого солдата» в «Заметках» можно рассматривать как первую попытку Горького проследить в революции судьбы целого сословия. Фигура «бородатого солдата» по богатству заключенного в ней жизненного материала воплощает характерное именно для послеоктябрьского творчества Горького стремление к созданию образов, за которыми отчетливо виден целый класс в данный исторический момент его развития.

Значительный интерес представляет в «Заметках» и образ матроса, являющийся олицетворением наиболее активной боевой части революционной массы.

Воплощение разума революции Горький видел в пролетариате и его

партии. И уже в «Заметках» звучит тот гимн проявленному в Октябрьской революции разуму партии, гимн, который наполнит своим торжественным звучанием произведения Горького о советской действительности. О величии и человечности разума партии говорит Горький в главе «О войне и революции», утверждению величайшего героизма и гуманизма людей партии посвящен чудесный рассказ «Заметок» — «Митя Павлов».

Высшим воплощением разума, воли, человечности и созидательной мощи Октябрьской революции в живом человеке был для Горького В. И. Ленин. Создание образа вождя революции — одна из величайших заслуг Горького перед человечеством. Огромна роль Горького в том, что в нашу жизнь, в жизнь советских людей, с детства входит понятный и близкий, мудрый и простой, как правда, живой Ленин. Именно в В. И. Ленине, как показывает Горький, достигли чудесного развития лучшие черты талантливейшего народа. Для Горького В. И. Ленин воплощал разум истории, действовал по воле истории, всемерно способствуя тому, что должно было воплотиться в жизнь, и отмечая то, что должно умереть. Работа над очерком «В. И. Ленин», несомненно, помогла Горькому до конца осмыслить историческое значение Октября.

Дальнейшее творчество Горького советского периода, как известно, характеризуется глубочайшим историзмом. Это углубление историзма тесно связано со стремлением писателя изобразить Великую Октябрьскую социалистическую революцию как закономерный результат поступательного исторического развития России и раскрыть ее определяющее значение в судьбах целых классов. Широкий исторический план требовал своего воплощения в больших художественно-исторических полотнах, в художественных летописях, охватывающих ряд десятилетий. Пришло прозорливо назначенное В. И. Лениным время для написания истории нескольких поколений «одной купеческой семьи», и «Дело Артамоновых» естественно явилось первым большим художественным полотном, в котором Октябрьская революция изображена как важнейшее и зако-

номернейшее звено в общей цепи, называемой историей России. Год за годом, месяц за месяцем проходят перед нами в этой замечательной эпопее десятилетия, отделяющие 1863 год от 1917 года. И чем более бурно разворачиваются в стране события ее общественно-политической жизни, тем более интенсивно врываются они в повествование. Начиная с эпохи общественного подъема начала 900-х годов жизнь маленького городка с символическим названием Дрёмов стремительно мчится вперед, к неизбежному концу застоя и мещанского благополучия. Чувство тревоги и обреченности охватывает изображенных здесь представителей буржуазии, а на фабрике, среди рабочих рождается новый, революционный порядок. В доме Артамоновых уже хозяйничают люди «нового характера». Сквозь старинную распря «последнего хозяина» — Петра Артамонова с человеком, чья жизнь и психика были искалечены этими хозяевами, — Тихоном Вяловым, слышится и видится уже новый мир.

Страшная, уродующая человека сила власти наживы и ханжества показана в «Деле Артамоновых» на примере творческого оскудения, вырождения целого класса — русской буржуазии. Выпрямление личности в революции прослежено на образах представителей пролетариата и связавшего свою судьбу с судьбой штурмующего класса единственного наследника творческой энергии Артамоновых — Ильи Артамонова-младшего.

Трудно переоценить значение горьковской эпопеи в развитии советской литературы вообще и, в частности, в освоении нашей литературой огромной темы революции. Именно «Дело Артамоновых» явилось отправным моментом в появлении ряда замыслов и произведений, прослеживающих судьбы страны и судьбы целых классов в революции. Не случайно, что именно в эти годы задумывает А. С. Серафимович эпический цикл «Борьба», Д. А. Фурманов — «Эпопею гражданской войны», А. А. Фадеев — роман «Последний из удэге», разворачивает в большое эпическое повествование свое «Хождение по мукам» А. Н. Толстой, начинает

работу над «Тихим Доном» М. А. Шолохов и в 1927 году обогащает поэзию социалистического реализма стихотворной эпопеей «Хорошо!» В. В. Маяковский.

Как художественная история судеб буржуазии и народа в революции задуман обширный драматургический цикл, давший жизнь пьесам «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие». Эти пьесы предстают перед нами прежде всего как драматическое повествование о революции, драматическая хроника событий 1917 года. Характер действующих лиц, их поведение, даже каждая их реплика определяются событиями назревающей, а затем разворачивающейся в стране социалистической революции.

Действие пьесы «Егор Булычов и другие» поддается достаточно строгому хронологическому приурочению. Это — ноябрь 1916 — апрель 1917 года. Названный период, период прежде всего Февральской буржуазной революции, рисуется в историческом плане как канун Великой Октябрьской социалистической революции. Именно так нужно понимать первоначальное название пьесы — «Накануне». За событиями, характерными для буржуазной революции, Горький все время видит и заставляет видеть зрителя грозные признаки приближающейся социалистической революции.

Тревожная атмосфера надвигающейся революции ощущается в пьесе «Егор Булычов и другие» с момента поднятия занавеса. «...Революция будет», — заявляет уже в первом акте Звонцов, выражая чаяния, о которых еще молчат его осторожные хозяева. Тот же Звонцов простодушно разъясняет, какой революции ждут эти хозяева. Это должна быть революция, не похожая на 1905 год, революция — без народа. И с нею нужно поторопиться, пока рабочих и крестьян «нет дома», пока их жульнически удерживают на фронтах кровавой империалистической войны. Без народа можно не думать об его интересах. Речь будет идти лишь о том, чтобы сменить у власти лакеев самодержавия лакеями буржуазии, и естественно, что людям типа Звонцова не терпится. Но события уже разворачиваются не так, как хотелось

бы «хозяевам». Тот же Звонцов еще до приведенного разговора с Башкиным с тревогой говорит о Якове Лаптеве, который, совершенно очевидно, учит мужиков «не той революции». О том, как действуют на мужиков «противоправительственные» речи и вся атмосфера страны, буквально раздираемой противоречиями, говорит размышление Доната: «Цари народом сыты не бывают... И вот бьют нас за жадность». Эти слова свидетельствуют о пробуждении в массах политической мысли.

С разворачиванием сценического действия события стремительно нарастают. Во втором акте, после убийства Распутина (в декабре 1916 года), о неизбежности революции говорит уже не безответственный Звонцов, а осторожный Достигаев. Достигаев готовится (и «натаскивает» Звонцова) к революции «по-американски», когда у власти окажутся «сами хозяева». И вновь совершенно о другой революции говорит Лаптев, когда на вопрос Шуры, будет ли революция, отвечает: «Да она уже началась!».

Действие третьего акта пьесы происходит уже после февраля 1917 года, но революционное движение в стране все ширится. Событиями, свидетельствующими о начавшемся перерастании буржуазной революции в социалистическую, заканчивается эта пьеса.

Надвигающаяся социалистическая революция является тем пробным камнем, при помощи которого автор выявляет и классовую принадлежность, и моральные качества, и даже умственные способности всех персонажей пьесы. И только в связи с надвигающейся социалистической революцией можно понять глубокий кризис, происходящий в душе главного героя — Егора Булычова, и определяющий основной, все нарастающий конфликт пьесы. Пересмотреть свои прошлые взгляды, почувствовать, что он «не на той улице живет», «в чужие люди попал», могли заставить Булычова только те события, которые свидетельствовали о неизбежности гибели буржуазии, а не те, которые обещали этому классу торжество. Смертельная бо-

лезнь Булычова заставляет его поторопиться с выводами и делать их без осторожности и оглядки, неизбежной для человека буржуазного общества, который еще может рассчитывать на долгие годы жизни. Булычов разоблачает грязь и мерзость, ложь и бесчеловечность существующего порядка жизни, политику, мораль, религию «хозяев жизни»; с другой стороны, он напряженно размышляет о людях «нового характера», о том, какими хозяевами жизни будут они. Разоблачения Булычова тем более страстны и размышления тем более мучительны, что он чувствует невозможность для себя лично войти в новую жизнь, и не только потому, что он смертельно болен, но еще и потому, что старый мир слишком крепко держит его в своих цепких лапах. Трагедия Булычова достигает своей кульминации в финальной сцене пьесы, когда герой до конца убеждается и в неизбежности гибели своего класса, и в полной бесперспективности для себя.

Принято считать, что пьеса «Егор Булычов и другие» заканчивается в «февральские дни свержения самодержавия». Это — неточно. В пьесе говорится об отречении Николая II от престола, как о совершившемся факте и о перемене власти на местах. Буржуазная революция уже закончилась, и события, происходящие в конце пьесы, — это уже те народные выступления, которые означали дальнейшее углубление революции, переход «от первого этапа революции, давшего власть буржуазии..., ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Так, как известно, характеризовал В. И. Ленин в своих Апрельских тезисах положение в стране в апреле 1917 года. Быть может, пьеса «Егор Булычов» как раз и заканчивается этими событиями, например, событиями 18 апреля 1917 года, когда по всей стране происходили мощные демонстрации под лозунгом всеобщего мира.

Выступления народных масс 18 и 20—21 апреля обозначали кризис Временного правительства, то есть начало гибели буржуазии. Потому и

услышал Егор Булычов в пении демонстрантов панихиду, потому и поспешил «примкнуть» к демонстрации хитроумный Достигаев.

Интересно отметить, что в финале пьесы, символизирующем как бы видение новой жизни, на сцене, кроме умирающего Булычова, находятся люди, которым суждено войти в эту новую жизнь.

События, изображенные во второй пьесе цикла — «Достигаев и другие», охватывают, как известно, период времени с июля по октябрь 1917 года. В первом действии пьесы «Достигаев и другие» передана та обстановка, которая создалась в стране непосредственно после событий 3 и 4 июля, когда мирное развитие революции в России стало уже невозможным, и со всей остротой встал вопрос: «либо полная победа контр-революции либо новая революция» (В. И. Ленин).

Переходя в открытое наступление, буржуазия делает тщетные попытки мобилизовать свои силы. 12 августа 1917 года в Москве Керенский созвал государственное совещание купцов и промышленников, помещиков, банкиров, членов царской Думы и соглашательских партий. Это был генеральный смотр сил контрреволюции. Нечто подобное представляет собой и сборище, изображенное Горьким в первом действии пьесы «Достигаев и другие». Перед зрителем действительно, как на смотре, проходят купцы и промышленники всех калибров и толков, в собрании принимают участие члены царской Думы, есть даже помещик. Живым олицетворением старых порядков жизни, ради сохранения которых собралась вся эта свора, является в конце действия зловещая старуха Чугунова, фигура которой как бы вобрала в себя злобу, самодурство, дряхлость вконец искаженного судорогами страха перед революцией мира наживы, «темного царства» купцов.

Основной задачей единственной в стране партии, выражавшей интересы народа, — Коммунистической партии, после июльских событий было завоевание большинства в Советах и превращение их в органы вос-

стания. Для этой цели нужна была самая широкая агитация среди самых широких масс населения. Второе действие пьесы «Достигаев и другие» раскрывает действия большевиков, мобилизацию сил революции. Главные действующие лица второго акта — большевики Рябинин, Лаптев, Калмыкова и такие замечательные представители простого народа как Донат и Глафира. Неисчерпаемый талант Горького дал ему возможность создать новый яркий образ несгибаемого большевика — рабочего Рябинина, в котором выявлены черты, характерные для коммунистов эпохи Великого Октября. Главная мысль второго действия — мысль о том, что большевики уже победили, хотя сражение еще не закончено, хотя опасность еще не миновала. Победа коммунистов, победа революции утверждается здесь теми изменениями, которые происходят в душах представителей простого народа — правдоискателя Доната, нашедшего подлинную Правду в большевизме, и Глафиры (талантливость ее натуры одинаково ярко сказывается и в умении любить, и в умении ненавидеть, и в стремлении к знанию), которая отдает теперь уже все свои силы и чувства делу революции. Второе действие пьесы заканчивается также символической сценой: маленькая Таиска нашла, наконец, для своей мучительницы единственно подходящее слово: «волчица!» и бесстрашно бросила его грозной игуменье в лицо. Велика же сила людей партии, людей революции, если даже короткое общение с ними заставляет, казалось бы, безнадежно искалеченную монастырской жизнью служку впервые (пусть еще непрочное, неокончательно) встать на путь защиты своих человеческих прав.

Если два первых действия пьесы «Достигаев и другие» можно было назвать «мобилизацией сил», то третье — это «исход сражения». Третье действие пьесы происходит в тот исторический момент, когда во все города огромной страны приходит весть о событиях 25 октября. Известно, что победа социалистической революции в Петрограде вызвала от-

чаянное сопротивление буржуазии и соглашательских партий. Центром контрреволюции стал «Комитет спасения родины и революции» (рабочие и солдаты называли его «Комитетом спасения контрреволюции»). Обо всех этих событиях уже известно в городе, где происходит действие горьковских пьес. Именно с целью связаться с каким-то контрреволюционным «комитетом безопасности» в Москве являются к Достигаеву Нестрашный и Губин, подготовившие вооруженное нападение на Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Теперь мы видим героев пьесы в самый момент свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Революция решает их судьбы: она предъявляет счет открытым врагам народа Нестрашному и Губину, ставит в весьма незавидное положение скрытых врагов народа Достигаева и Павлина, выбрасывает из жизни никчёмных купеческих детей. В рядах штурмующего класса находят себе место лучшие дети старого мира. Грозно входит в жизнь ее новый хозяин — народ. В финале третьего действия пьесы мы вновь встречаемся с «бородатым солдатом». Винтовку, которую он держит в руках теперь, дала ему революция, и это оружие он направил против тех, кто покушается на новую жизнь, уже завоеванную миллионами.

История идейных исканий русской интеллигенции, завершающаяся в социалистической революции, прослежена А. М. Горьким в гигантской эпопее «Жизнь Клима Самгина», в конце которой также должны были найти отражение важнейшие события начала Великой Октябрьской социалистической революции. Как и в «Деле Артамоновых», в «Жизни Клима Самгина» глубоко волновавший Горького вопрос о страшном, уродующем человека мире ханжества и наживы разрешается в большом историческом плане.

Гася подлинную талантливость человека, его способность к созиданию, буржуазный мир вместе с тем создает преуспевающий в нем тип человека определенного умственного и душевного склада. Таковы Мирон

Артамонов, Варвара Звонцова и другие «нормальные» представители буржуазного общества. Наиболее полно этот умственный и душевный склад воплощен Горьким в огромной, зловещей и мрачной, как тень Победоносцева, фигуре «нормального» русского интеллигента Клима Ивановича Самгина.

Глубочайший историзм произведений Горького и прежде всего эпопеи «Жизнь Клима Самгина» заключается в том, что крушение этого типа человеческой психологии дается здесь как отражение банкротства всей капиталистической системы, а торжество черт нового человека — как величайшее свидетельство целесообразности социалистического устройства общества.

Естественно стремление Горького проследить этот процесс именно в социалистической революции. И если начало Октябрьской революции несло смерть Самгиным, то оно уже было моментом рождения человека-творца в миллионных массах народа.

Наиболее ярко рождение в Октябрьской революции народа-хозяина, народа-созидателя нарисовано Горьким в известной сцене с «бородатым солдатом», помещенной в очерках «По Союзу Советов», перед рассказом о Днепрострое.

Глубоко, как это доступно только очень большому художнику, проникая в душу народа, Горький подробно рисует здесь самый процесс раскрепощения политического сознания масс и, как его следствие, — раскрепощение великой творческой энергии народа.

Взглянув на мир новыми глазами, поняв правду пролетариата и Ком-

мунистической партии, уже проникнувшись той свободой, что несла ему революция, «бородатый солдат» ощутил себя Человеком всей огромной Земли, способным взять эту Землю в свои руки и все на ней перестроить, то есть почувствовал в себе силы для великих свершений, способность к которым его предки многие века признавали за одним только богом.

Эта сцена тесно примыкает ко второй части цикла «Заметок из дневника. Воспоминаний», дорисовывая имеющиеся здесь картины революции и логически завершая образ «бородатого солдата». Как и другие «заметки», эта сцена была записана Горьким в 1917 году. Но эта запись была особенно дорога писателю. Он думал использовать ее в конце эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Но в те же годы у Горького рождается замысел книги о новой России, о русских людях, какими они стали. Этой книгой нужно считать взятые в совокупности произведения Горького о советской действительности. Естественно, что именно сюда включил писатель лучшую свою картину 17-го года. Сцена эта, наиболее полно воплотившая мысль Горького о том, что революция прекратила преступный процесс искривления человеческой личности и освободила творческую энергию масс, служит великолепной увертюрой для дальнейшего повествования о тех сказочно-гигантских свершениях советского общества, советского рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, о которых взволнованно рассказал писатель и которые действительно изменили и изменяют лицо Земли.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ
КНИГИ

Творчество М. Джавахишвили

В литературной критике неоднократно отмечалось, что развитие грузинской художественной прозы первой половины XX столетия не только хронологически, но и по существу в значительной степени связано с творчеством Михаила Джавахишвили, явившегося продолжателем лучших реалистических традиций грузинской классической прозы.

М. Джавахишвили говорил: «Писатель обязан знать, что и для кого пишет». Иначе говоря, в своих произведениях писатель должен отображать только то, что основательно и всесторонне изучено или пережито. Глубокое знание жизни и людей — таков, по мнению этого замечательного беллетриста, единственный источник искусства.

Реалистический стиль писателя, внесшего в галерею грузинских литературных героев много новых, ярко очерченных образов, характеризуется своеобразной романтикой и экспрессией. Его произведения, наконец, отличаются стройной, четкой композицией, остротой и ясностью сюжетного построения.

М. Джавахишвили вполне заслуженно считается одним из лучших мастеров грузинской художественной прозы.

Михаил Саввич Джавахишвили родился 8 ноября 1880 года в селе Цераква, Борчалинского района.

Первые четыре года мальчик учился в лорийской русской школе, а в 1893 году родители отдали его учиться в динамдзгваркарскую сельскохозяйственную школу. Отцу очень хотелось, чтобы сын стал агрономом.

В эти годы Джавахишвили впервые встретился с великим грузинским писателем И. Чавчавадзе.

Время с 1897 по 1898 год М. Джавахишвили провел в Ялте, в школе садоводства и виноградарства. Не закончив школу, М. Джавахишвили возвратился в Грузию. В 1903 году он переселился в Тбилиси, где началась его литературная деятельность.

За одну ноябрьскую ночь, — вспоминал в дальнейшем писатель, — был написан маленький рассказ «Чанчура», который тогда же был напечатан в иллюстрированном приложении к местной грузинской газете «Цнобис пурцели». После этого М. Джавахишвили стал постоянным сотрудником газеты.

С 1904 года Михаил Джавахишвили — один из руководителей газеты «Иверия», в которой он помещал военные обзоры о русско-японской войне, составлял хронику и т. д. В тот же период, под псевдонимом Адамашвили, были напечатаны восемь его рассказов: «Саложник Габо», «Беспризорная», «Самозабвение» и др. Рассказы обратили на себя всеобщее внимание. Литературная критика с большой похвалой ото-

звалась о творчестве молодого писателя. Обозревая художественную литературу за 1904 год, один из рецензентов газеты «Цнобис пурцели» отмечал: «Единственным беллетристом, на которого стоит обратить внимание читателя, является Адамашвили (М. Джавахишвили). Этот писатель с первого своего выступления на литературном поприще доказал, что он обладает сильной фантазией и талантом. Свидетельством этого являются два новых этюда — «Беспризорная» и «Сапожник Габо». Адамашвили пока еще молодой писатель, но в его творчестве столько притягательного, что оно сразу же влечет к себе внимание читателя, впечатление которого постепенно усиливается... В основу «Беспризорной» и «Сапожника Габо», как и рассказа «Чанчура», положена мысль: не взирая на многие теневые стороны жизни, человеческое достоинство всегда и всюду должно будить в сердцах уважение, сочувствие и любовь».

В 1923 году М. Джавахишвили опубликовал рассказ «Лесной человек». Затем были напечатаны его романы: «Квачи Квачантирадзе» (1924), «Хизаны Джако» (1924), «Белый воротничок» (1926), «Арсен из Марабды» (1926—1932), «Женская ноша» (1936), а также целый ряд повестей и рассказов — «Кбача опоздал» (1925), «Невинный Абдула» (1925), «Ламбало и Гаша» (1925), «Золотой зуб» (1925), «Повесть о пятерых» (1946), «Маленькая женщина» (1926), «Заяц» (1927), «Гиви Шадури» (1927—1932), и другие.

* * *

В своих первых рассказах М. Джавахишвили рисует картины старой жизни, преимущественно ее «дно», откуда глядят на мир такие обессиленные жестокой действительностью люди, как Чанчура, Беспризорная (Нуца), Курка, Эка, Сапожник Габо. Жизнь их протекает в невыносимых социальных условиях. Их всюду преследуют вероломство, беспощадность угнетателей, человеческое достоинство их унижено. В жизни Чанчура, Курки и сапожника Габо не было никакого просвета.

В этих рассказах автор показал

выброшенных буржуазным строем за борт жизни обездоленных людей, стихийно протестующих против жестоких условий действительности и уродливой морали. Следует подчеркнуть, что в рассказах «Чанчура», «Беспризорная», «Эка» (сперва этот рассказ назывался «Самозабвение») и «Свадьба Курки» уже в значительной мере проявились демократические и гуманистические взгляды автора.

В своей повести «Лесной человек» М. Джавахишвили рассказывает историю трагической жизни лесного сторожа Павле. Потеряв жену и двоих детей, он сходит с ума. Оборванный, босой, грязный, обросший бородой Павле бродит по дворам, оврагам, виноградникам и каждого встречного спрашивает охрипшим голосом: «Не видал ли ты моего мальчика?»

В этой повести, полной трагизма, на фоне величественной природы, пред нами раскрывается весь ужас жизни честного труженика.

В «Лесном человеке» еще более рельефно выявляется гуманизм, присущий М. Джавахишвили.

Лирико-романтический характер носит рассказ «Опоздал», в котором писатель повествует о любви слепой Тины — дочери железнодорожного сторожа. Излечение от тяжкого недуга не приносит Тине радости: вместо красивого, любимого ею юноши, она видит уродливого человека. В такой глубоко драматической ситуации показана чистота и неподдельность чувств Тины, которой не коснулось уродливое влияние капиталистического мира.

«Квачи Квачантирадзе» — произведение сатирического характера. В образе главного героя романа писатель обрисовал тип пройдохи и проныры, обманывающего всех и вся ради личной выгоды.

Квачи был еще несовершеннолетним, когда его отец Силибистро Квачантирадзе уже внушал ему: «Вот, сын мой, как устроен мир: некоторые в нем старшие, некоторые младшие, одни — богаты, другие — бедны, наряду с сильными — немало беспомощных, есть князья и дворяне, но имеются и мужики, крестьяне. Такой дворянин, как ты, не ровня им, тебе с ними нельзя быть на одной

ноге. Мужик и нищий тебе ничего не дадут, наоборот, еще с тебя постараются что-нибудь взять. Дружи, угождай, становись близким и собратом каждому дворянину и богатому. Богатые и сильные всегда пригодятся: один выдвинет тебя вперед, другой подарит что-либо, третий поможет в беде. Так устроен, мой Квачико, этот мир, и ты должен всячески использовать его устройство». Наставления отца крепко засели в сознании сына.

Квачи Квачантирадзе лез из кожи вон, чтобы угодить сильным: он всегда маячил перед их глазами, старался, не жалея сил, понравиться им и извлечь из них пользу. К людям у него имелся свой особый подход: «С умным он был умен, с солидным держался солидно, с шутком фиглярничал, с печальным — печалился, с веселым — веселился, сильному — покорялся, льстил, учтиво улыбался. С грубым и задорным был скромн и гибок, со слабым — дерзок, упрям и нагл, с откровенным — вероломен, лицемерен и двуличен, с дубом — тростником, с тростником — дубом, с железом — ватой, а с ватой — железом. Там, где дорога бывала закрыта и другой возвращался назад, Квачи находил выход через ряд извилистых тропинок. Находишь Квачи в четырех стенах без окон и дверей, он и тогда обнаружит десяток ходов. В крепость за семью замками он пролезет и вылезет обратно, как иголка в перине».

Квачи прекрасно знал магическую силу красного словца. Ему были известны все способы втереться в доверие к человеку, подчинить его своей воле и обстричь, как барана. В зависимости от создавшейся обстановки, он менял и цвет, и кожу.

Перед Квачи Квачантирадзе почти все двери были открыты. Он везде становился близким человеком, дружил со всеми и всюду обнаруживал родственников.

Квачи попадает в Петербург, где расширяет поле своей деятельности. Вскоре он проникает в дворцовый круг и становится там своим человеком. С помощью хитрого «святого старца» авантюрист Квачи проворачивает много темных дел и наживает состояние. После этого мы встречаем его то в Париже, то в

Монте-Карло, то в Лондоне, то в Вилларрице, то в Вене. Он не гнушается ничем: ни ограблением банка, ни выманиванием денег у женщин.

Но особого размаха его «деятельность» достигает в период первой мировой войны.

Квачи Квачантирадзе является порождением определенных социальных слоев в известных общественно-исторических условиях. Квачи Квачантирадзе — олицетворение буржуазного авантюризма, само имя его стало нарицательным синонимом пройдохи и мошенника.

В романе «Хизаны Джако», привлекающем в свое время особое внимание читательской общественности, показан весь путь упадка и гибели последнего представителя феодальной аристократии Теймураза Хевистави, а также судьба жадного, пронырливого и безжалостного кулака Джако Дживашвили.

Когда-то знаменитая фамилия Хевистави оспаривала первенство среди грузинской знати и одновременно распоряжалась даже судьбой Картли. Хевистави вели борьбу за власть даже с царями. В двадцатом веке от всей этой фамилии остался один только Теймураз, который предстает перед нами опустошенным, ничемным человеком, у которого все в прошлом. Сорокалетний Теймураз — по существу старик. До революции он был радикалом и народником, хотя подлинной политической работы не вел. На дверях его квартиры красовалась дощечка с надписью «адвокат». Но очень редко к нему кто-либо заглядывал. Ни одно дело, за которое он вначале брался охотно, Теймураз не доводил до конца. Он то не вовремя писал прошения, пропускал срок обжалования, то вовсе забывал о принятом на себя обязательстве. Бывало, он пропускал и судебное заседание, так как ему надо было написать неотложную статью в газету или пойти на собрание. Случалось и такое: направляясь в суд и встретив на улице знакомого, он так увлекался разговором и спорами, что лишь к вечеру попадал домой.

Теймураз Хевистави бойко рассуждает о политике, финансах и экономике иностранных государств. Он берется за все, но ничего не делает.

Он жил тем, что «постепенно продавал свое обреченное хозяйство, день ото дня сжигал надежды на будущее и, с поникшей головой, с болью в сердце, спотыкаясь, медленно спускался вниз по тернистой лестнице жизни».

Одно время Теймураз попробовал служить, но из этого ничего не вышло. Он не мог приспособиться к новым капиталистическим отношениям и, равнодушно отдавшись течению опостылевшей жизни, с нетерпением ждал конца.

Дело дошло до того, что он вынужден был вместе с женой искать приюта у кулака Джако Дживашвили, являющегося теперь полновластным хозяином его бывшего имения. «С этого дня, — как говорит автор, — собственная жизнь повисла Теймуразу на шею, как зловонная падаль».

Теймураз Хевистави предстает перед читателем вконец опустошившимся существом. С развитием романа, он все более попадает в трагикомическое положение: приходит в гости к Джако, отнимающего у него жену; присутствует на венчании своей жены с Джако; нанимается приказчиком к бывшему управляющему его имением.

В лице Теймураза Хевистави М. Джавахишвили нарисовал образ мягкотелого дворянского интеллигента, вся жизнь которого — образец интеллектуально-моральной деградации старой дворянской интеллигенции. Теймураз — тип интеллигента, потерявшего цель в жизни, потерявшего уважение к «высшим идеалам», которым он, казалось, когда-то «служил».

Второй герой романа — кулак Джако Дживашвили — жулик и проныра. Им все предусмотрено, все проверено. Ему еще не было и пятнадцати лет, когда его дядя Кешела, собрав весь свой скарб, переселился в имение Автандила Хевистави — отца Теймураза. Последовав за дядей, сирота Джако стал пастухом у помещика. Он с самого начала проявил такую собачью преданность и в то же время такую ловкость и усердие, что вскоре занял место управляющего господским имением. Место управляющего для него явилось

лишь средством овладения всеми богатствами Теймураза. Джако весьма искусно пользуется своей должностью: он все время обманывает Теймураза в расчетах, ловко присваивает его фамильные драгоценности и постепенно овладевает не только имением, но и всем имуществом Хевистави.

Февральская буржуазная революция 1917 года не нарушила благосостояния разбогатевшего Джако. Для него все сошло благополучно. Большевики, захватившие власть в Грузии, ничем не угрожали Джако. Наоборот, найдя в них опору, он стал первым человеком на селе.

Но грузинский народ сверг меньшевистское господство и установил в Грузии Советскую власть. Кулак Джако старательно маскируется:

«Да благословит бог большевистское правительство, которое дало бедному Джако и дом, и сад, и виноградники, и хорошие законы, — заявляет этот алчный и пронырливый кулак. — Долой Жордания. Не нужно больше Джако правительство буржуазии». Такая «метаморфоза» Джако вполне понятна: кулак в своей борьбе против бедноты нередко пытается маскироваться в новые одежды.

Но Джако терпит поражение в борьбе с новой социалистической деревней. У него отобрали награбленное имущество — сады, виноградники и дом. И знаменательно, что в верхнем этаже его дома располагалась школа, а в нижнем был открыт кооператив.

М. Джавахишвили мастерски обрисовывал людей уходящего мира, представителей умирающих классов. Именно в обрисовке этих образов проявилась сила критического реализма писателя.

* * *

Затронув в романе «Белый воротничок» проблему взаимоотношений города и деревни, М. Джавахишвили противопоставил цивилизацию примитивно-патриархальному быту. Городскую цивилизацию в романе символизирует белый воротничок, а идиллию деревенского патриархального быта — кольчуга.

Повествование в романе ведется:

от имени первого лица — инженера Элизбара, который, устав от городской жизни, убегает в Хевсуретию, считая ее тихой обителью. Подобный шаг Элизбара понятен. Он сам говорит: «Я человек помятый судьбой. Меня жизнь выколотила, утомила, я потерял почти всех и все: отца, брата, родственников, оставленное предками добро и последнее пристанище, бодрость духа и стойкость. У меня было все, но не осталось ничего. Город выпотрошил, изъел меня и сделал внутренно пустым, как старую редьку». Носитель реакционных воззрений, «мечтатель» Элизбар завидует примитивной жизни хевсуров. Обращаясь к ним, он говорит: «Счастливы вы, что верите, как дети; счастливы вы, что сердце ваше не заросло мхом и душа ваша цельна; счастливы вы, мои побратимы, что глаза ваши незрячи, а души глухи».

В увлечении патриархальным бытом, в ненависти к городской жизни Элизбар не знает границ. Убежав из города во время ожесточенных классовых боев, он жаждет забыть обо всем. С этой целью он меняет и свое имя. Характерно, что в его сознании стерлись даже представления о времени и пространстве: «Я потерял счет дням и месяцам. Время стерлось, я забыл о пространстве. Где я? Где живу? С какой стороны от меня Тбилиси, Баку, Европа? Не знаю и знать не хочу».

Заявляя об этом, Элизбар благодарит бога за то, что он дал ему возможность выкорчевать из головы всякие «измы». Он утверждает: «Я не вижу красного цвета и белого тоже не помню, я вижу только зеленый цвет, живу во времена царя Фарсмана, пью водку Иамзе, ем хинкали Мзекала, тяну вонючую трубку, слушаю поэму Теимуразиани в передаче Джурхи и, как пьяница, упиваюсь красными губами Хатуты. Все остальное я отдал времени, а само время предал забвению».

И это Элизбар называет возвращением к зиме. Он говорит: «Тот мир, от которого оторвались я, Джурха и Тотиа со своими семьями, не смог переварить нас так же, как и мы его. Мы вновь возвратились туда, откуда начали, — к земле, природе».

Элизбар доволен, что он, говоря его же словами, отряхнулся от городской культуры, от городской пыли. Он уже оброс бородой, подарил свой гребень другому, его зубной щеткой Джурха и Цика чистят панцири.

В Хевсуретии Элизбар убил человека, даже не почувствовав угрызения совести.

Но проходит немного времени, и ему надоедает эта «экзотическая» жизнь. Потерпевший крушение индивидуалист, Элизбар торопится в город, к проклинаемому им прежде «белому воротничку».

Следует сказать, что в романе «Белый воротничок» содержатся серьезные идейно-художественные недостатки. Выдвинув сложную проблему взаимоотношения города и деревни, автор не смог решить ее на базе современных общественно-политических условий.

Кроме того, писатель обнаружил поверхностное знание быта хевсуров. Той Хевсуретии, какую Джавахишвили описал в своем романе «Белый воротничок», к тому времени уже не существовало.

М. Джавахишвили неоднократно высказывал мнение, что художественные произведения не должны содержать каких-либо авторских выводов, авторских оценок. И, естественно, что, находясь в плену этих во многом ошибочных суждений, М. Джавахишвили, по существу, ничего не смог противопоставить реакционным взглядам персонажа своего романа.

* * *

Художественная литература исторического жанра имеет в Грузии большие традиции.

Известно, что писатель не обращается к прошлому без разбора. Вместе с тем, писатель может отобразить далекое прошлое и все-таки создать глубоко современное произведение. Решает угол зрения, с которым он подходит к освещению исторических событий.

Исторический роман должен показать то, что было в действительности. Его назначение — воссоздать прошлое и широко осветить жизнь народных масс, ибо исторический

роман не может быть оторван от социальных условий отображаемого времени.

Роман «Арсен из Марабды» охватывает широкий отрезок времени — первую половину XIX столетия, когда в Грузии, в результате присоединения к России, происходили глубокие социально-политические изменения. В романе выведен целый ряд исторических лиц, воссоздано много исторических эпизодов. Писатель широко затронул вопросы политической ориентации общественных слоев тогдашней Грузии и колониальной политики царского самодержавия.

Заслуга автора в том, что он расширил круг «частных» интересов действующих лиц своего романа и тесно связал их судьбу с историческими явлениями эпохи.

Большинство героев романа являются реальными историческими лицами. Рассказывая о том, как создавался «Арсен из Марабды», М. Джавахишвили писал: «В свой роман я включил некоторые исторические лица, а некоторые вымышлены мной. К историческим принадлежат: сам Арсен, Маринэ, Симон, Ростом, Севастий, Гамбашидзе, Заал и его сын Давид, их зять Джарашвили, все Орбелиани, Ал. Чавчавадзе, вообще заговорщики, Сумбаташвили, Кучатнели, (Сепискверадзе), высшие чиновники, князья и дворяне. Вымышлены: Хвтисавар, Ираклий, Магдана, Зура, Карпыч, Барнавели, Пикриа, Сулхан, Гигола, Орлов. Исторически верны: бои в Ахалцихе, заговор, социальный фон, истребление князей Сумбаташвили, конец участников убийства, крестьянское восстание 1829 года, похождения Арсена, рассказанные о нем в народной песне, и много мелочей»¹.

В «Арсене из Марабды» противопоставлены друг другу Грузия дворянская, феодальная и Грузия крепостного крестьянства, народа.

Арсен жил и боролся в то время, когда были потрясены основы крепостного права, когда положение крестьян стало особенно тяжелым и

невыносимым ввиду все усиливавшейся эксплуатации народных масс разлагавшимся классом князей и дворян, к которому присоединилось и царское чиновничество.

Среди крестьян постепенно росло недовольство, стремление освободиться от оков феодализма. Доведенные до отчаяния крестьяне поднимали восстания, которые, конечно, не могли перерасти в революцию, поскольку в городах еще не было рабочего класса, способного организовать и повести за собой недовольное крестьянство. Без такого руководства восстания крестьян приобретали разрозненный, стихийный характер, направленный только против своего непосредственного угнетателя — помещика, а не против всей системы феодальной эксплуатации.

Обездоленные и бесправные, угнетаемые и притесняемые крестьянские массы выдвинули вожаком и защитником своих интересов Арсена Одзелашвили.

Арсен — яркий представитель обездоленных масс крепостного крестьянства, отважно поднимающий голос против условий жизни своего времени. Обладая исключительной нравственной силой, душевным благородством и мужеством, Арсен завоевывает среди народа общую любовь и доверие.

В разработке характера главного героя романа автор безусловно использовал прием гиперболизации, широко раздвинув арену действия Арсена, борьба которого в произведении тесно увязана со значительными явлениями той эпохи. Арсен в романе — человек знающий, широко осведомленный. Он свободно рассуждает о Пугачеве, о Французской революции, Наполеоне; часто в своих высказываниях он прибегает к афоризмам Густавели.

Арсен Одзелашвили глубоко социальный тип, действующий в определенной среде и хорошо понимающий характер своей эпохи. Он знает, что на одной стороне находится господствующее сословие князей и дворян, опирающееся на самодержавный режим русского царя, а на другой — бесправное, поработанное крестьянство, эксплуатируемое и угнетаемое помещиками и царем с

¹ Михаил Джавахишвили. «Как создавался «Арсен из Марабды», журнал «Дроша», 1932 г., № 9.

его многочисленными чиновниками. Арсен говорит: «С кем царь не воюет, а мы каждый раз своей шкурой расплачиваемся. Да еще и корми всех — помещиков, чиновников, солдат».

Причину всех бед Арсен видит в существующих феодальных отношениях. Поэтому он требует отмены крепостного права и уничтожения дикого разгула царского бюрократического аппарата. «Теперь, — заявляет он, — снова настали для нас тяжелые времена, и мы должны решить, что нам делать: остаться ли рабами, покориться ли судьбе или драться с насильниками? Я думаю, что лучше нам отважиться на борьбу, что, может быть, лучше принять смерть, чем жить так, как мы живем». И далее: «Вот теперь и русский царь и наши помещики вместе на нас наседают, а мы что ж, молчать будем? Нет, марабдинцы, довольно мы терпели, пора нам найти нашу правду».

У Арсена — весьма широкая программа, подразумевающая по существу целый революционный переворот, и он уверен, что эту программу осуществит.

Кроме Арсена Одзелашвили, автор романа создал целый ряд других интересных образов. Особо привлекательны Севастиан Лацабидзе и русский крестьянин Карпыч. Характерная черта их — непреклонная воля и стойкость духа. Там, где Арсен проявляет малейшее колебание или нерешительность, — начинают действовать они. Конец жизни этих борцов за человеческие права такой же героический, как все их поступки.

Весьма колоритен образ отца Арсена — «одноглазого знаменосца» Хвтисавара. Каждое его слово, каждое действие проникнуто глубоким жизненным опытом.

В романе немало и отрицательных образов. Законченным типом пройдохи и злодея является Георгий Кучатнели, представляющий собой диаметрально противоположность Арсену. Физически сильный Георгий тщеславен, завистлив, вероломен.

«Однажды в Мцхета, — повествует автор романа, — правда, случайно,

его поборол какой-то крестьянин. Спустя некоторое время, встретив этого крестьянина в Тионети, Кучатнели натравил на него пастухов, и те избили его до смерти. Точно так же пытался расправиться Кучатнели с одним тушинцем, который когда-то посмел подшутить над ним. Подкупленные Кучатнели милиционеры убили бы беднягу, не выручи его случайно Парсадан — кум Арсена».

Конечно, не все действующие лица романа изображены с одинаковой силой, не все характеры широко раскрыты. И все же каждый, даже эпизодический персонаж имеет свою неповторимую индивидуальность. Среди десятков действующих лиц нет ни одного, кто был бы выведен только для иллюстрации какой-либо отвлеченной идеи.

Одной из главных тем «Арсена из Марабды» является тема братства, интернациональной солидарности народов. Автор любовно рисует образ русского крестьянина Карпыча, борющегося за свободу плечом к плечу со своими грузинскими братьями. В отряде Арсена действует украинец Остап, а также сыновья армянского и азербайджанского народов. Идея братства и дружбы трудящихся разных национальностей красной нитью проходит по всему произведению и это является одним из его важнейших достоинств.

* * *

«В одно время, — писал о себе М. Джавахишвили, — наблюдение для меня было своеобразным культом. Оно весьма помогало мне в моем творчестве. Наблюдения для прозаика — те же крылья. Без них не полетишь. Возможно, писатель, не обладающий этими крыльями, напишет какую-нибудь чисто психологическую вещь, но он не создаст живого образа, не нарисует пейзажа, не покажет взаимосвязи одушевленных и неодушевленных предметов. А ведь назначение писателя — отображать природу, жизнь. Мысля образами, он должен показывать, а не рассуждать. У кого нет запаса наблюдений, тот ничего не покажет. Пережитое, виденное собственными

глазами так же не похоже на вымышленное, как одушевленный предмет на неодушевленный».¹

Развивая эту мысль, М. Джавахишвили справедливо замечает, что писатель, в особенности прозаик, должен много путешествовать. Это необходимо для того, чтобы все увидеть, пережить, узнать, выслушать и впитать в себя. Иначе говоря, писатель всегда должен находиться в гуще жизни. Кто не получил многого, тот многого и не даст. «Я взял себе за правило, которому не изменю никогда, — писал он, — каждый день что-нибудь записывать — слово, образ, поговорку, незначительное и важное событие, услышанное, увиденное, а то и вымышленное. Весь этот материал перерабатывается в творческой лаборатории и, наконец, выходит таким, что иногда сам автор с трудом его узнает».²

Многие рассказы Джавахишвили, как отмечает он сам, были созданы на основе фактов и случаев, рассказанных ему друзьями и знакомыми. Так, например, сюжет «Самозабвения» рассказал ему С. Кипиани, «Лесного человека» — Паоло Яшвили, «Двух приговоров» — Шота Дадиани, «Невинного Абдула» — Сандро Шаншиашвили, «Белого зайца» — профессор Михаил Асатиани.

Отражая в своих рассказах и романах жизнь, М. Джавахишвили всегда исходил из конкретного факта, но он никогда не забывал, что из фактических материалов и впечатлений писатель должен создать типическое, характерное.

Нужно отметить, что М. Джавахишвили, как правило, заранее составлял сюжетный и композиционный план произведения, делал на-

броски типажей. Но эти наброски в процессе творчества претерпевали немалые изменения.

Писатель хорошо понимал, что художественный образ — это не только копия прототипа. Поэтому жизненный материал, обогащенный опытом самого писателя, вырастал в художественный образ.

М. Джавахишвили блестящий мастер композиционного построения произведения. Характерно, что в его произведениях настолько слиты содержание и средства его изображения, что даже не чувствуются художественно-стилистические приемы автора.

Каждое задуманное произведение долго созревало в сознании писателя. Но писал он с поразительной быстротой и легкостью. Большое внимание уделял он построению диалогов. Они отличаются в его произведениях лаконичностью и ясностью. С неменьшим мастерством писатель рисовал портреты своих героев. Портретная деталь у него приобретала символический характер, раскрывала внутреннюю сущность героя. Почти во всех произведениях М. Джавахишвили рельефно обрисованы внешность, жесты, мимика действующего лица. В этом отношении характерен, например, портрет кулака Джако Дживашвили, нарисованный писателем с большой изобразительной силой.

Мастерство М. Джавахишвили, как портретиста, состоит прежде всего в том, что по внешним признакам его героев легко представить себе их индивидуальные особенности, существенные черты характеров.

Литературное наследство М. Джавахишвили по праву занимает почетное место в истории грузинской художественной прозы XX века.

¹ Мих. Джавахишвили «Как я работаю», журнал «Мнатоби», 1933 г., № 10.

² Там же.

ЧИТАТЕЛЬ И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На Втором съезде советских писателей многие из делегатов указывали на необходимость улучшения работы по созданию произведений приключенческого жанра, произведений, воспитывающих в характере нашей молодежи героизм, отвагу, настойчивость, твердость воли, осуждающих трусость, ротозейство, беспечность.

Прошло некоторое время, и вот на III пленуме Правления Союза писателей СССР, никто уже не сетовал на недостаток произведений приключенческого жанра. Но сейчас уже многие участники пленума сочли необходимым предостеречь от опасности проникновения в нашу литературу низкопробных произведений, выдаваемых иными авторами за приключенческие повести и рассказы.

Многие считают (и на наш взгляд, не без основания) одной из причин проникновения халтуры в литературу приключенческого характера то обстоятельство, что книги этого жанра почти не рецензируются. Создается впечатление, что наши критики не принимают приключенческую литературу всерьез, не считают ее достойной своего внимания.

Может быть поэтому почти основной темой приключенческой литературы, получившей в последнее время в Грузии — да и не только в Грузии — такое большое распространение, являются повести и рассказы о раскрытых преступлениях, в которых, кстати сказать, меньше всего приключенческого. При этом один и тот же сюжет во всех возможных и невозможных вариантах расписывается разными авторами, а порой и одним автором в разных произведениях. И нигде — ни в одном рассказе или повести! — дело не обходится без убийства если не двух-трех человек, то уж во всяком случае одного человека в обязательном порядке. Причем, описанию характера преступника авторы уделяют, как правило, свое основное внимание в ущерб образу положительного героя.

Все это заставляет с досадой констатировать, что приключенческая литература развивается у нас в республике однобоко, почти исключительно в этом узком направлении.

Считаем важным оговориться: мы не против того, чтобы очень нужная народу и государству деятельность органов милиции, госбезопасности,

прокуратуры, смелые действия их работников нашли широкое отражение в творчестве наших писателей. Известны примеры, когда книги такого рода, написанные умно и убедительно, с глубоким знанием, с тонким проникновением в психологию человека, заняли достойное место в советской литературе. Назовем хотя бы «Записки следователя» Л. Шейнина, в которых о самых сложных вещах рассказано очень просто, без нарочитости, выдумки и фальши.

За два-три года в Грузии опубликован ряд повестей и рассказов приключенческого жанра. Особенно ими увлекались молодежные газеты «Ахалгазда комунисти» и «Молодой сталинец». Что же, для молодежной прессы это обращение к жанру приключенческой повести представляется вполне понятным и закономерным.

И «Ахалгазда комунисти», и «Молодой сталинец» опубликовали ряд интересных, нужных и полезных произведений. Газета «Ахалгазда комунисти», например, напечатала документальный рассказ подполковника Нагаева «По тропе обреченных», ранее печатавшийся в «Комсомольской правде». Рассказ этот раскрывает методы враждебной деятельности американских империалистов против Советского Союза, зовет к усилению бдительности.

В «Молодом сталинце» также не раз появлялись произведения, за которые даже самый требовательный читатель будет благодарить газету. Это, прежде всего, эпизод из жизни прославленного следопыта, героя-пограничника Карацупы, задержавшего 467 нарушителей границы, а также очерк Федосеева «Их тайная война».

Не вызывают возражений напечатанные газетой «Молодой сталинец» повести И. Рядченко «Кто он?» (декабрь 1955 г. — февраль 1956 г.) и В. Черносвитова «Голубая стрела» (перепечатана из газеты «Красная звезда»). Обе повести содержат важную идею: они правдиво рассказывают о преданности советских людей своей социалистической Родине, об их героизме и отваге.

Что касается повести А. Кузьмичева «По свежему следу», напеча-

танной газетами «Ленинское знамя» и «Молодой сталинец» в 1955 году, а затем вышедшей в издательстве «Заря Востока» отдельной книжкой, то в ней, несмотря на ясность и живость изложения, хороший язык, читатель замечает сюжетные ходы, уже неоднократно использованные в других произведениях. Это несомненно снижает достоинства повести А. Кузьмичева.

В январе — феврале 1957 года газета «Молодой сталинец» напечатала повесть немецкого писателя Гейнца Фийвега «Огонь в лаборатории № 1», повесть во многом поучительную.

Итак, молодежные газеты Грузии часто обращаются к приключенческому жанру. Памятуя, что этот жанр живо интересуется молодежь, газета «Молодой сталинец» совершенно правильно поступила, опубликовав статью, в которой подвергла критике детский журнал «Пионеры». В этой статье, озаглавленной «Больше романтики, задора, целеустремленности», газета, в частности, указывала, что «...в рассказе Э. Мазанашвили «Волки» чрезвычайно легко показан захват диверсанта. Ребята заметили у пещеры пустые консервные банки, бритву и сообщили, между прочим, об этом пограничникам, которые, по сигналу, задержали нарушителей границы. Тема рассказа благодарная, интересная. Однако того, что интересуется детей, чего они ждут с нетерпением — приключений, романтики, опасностей и их преодоления, сообразительности школьников, их находчивости и смелости — здесь как раз нет». И тем обиднее, что наряду с удачными произведениями газета напечатала произведения, мягко говоря, не блестящие ни глубиной мысли, ни новизной художественных приемов.

В этом отношении особенно показательны повести С. Прага «Дело о четверти миллиона» (напечатана в октябре — ноябре 1956 г.), «СОП» (опубликована в феврале — марте 1957 г.) и «Филигранная работа» (август — октябрь 1957 г.).

С. Прага свои повести называет «Записками следователя». Очевидно автор делает это не только ради подражания Л. Шейнину — оно, кста-

ти, отчетливо чувствуется в его произведениях, — но и для того, чтобы придать достоверность повествованию. К сожалению, этой цели автор не достигает.

В повести «Дело о четверти миллиона» сюжет несложен: инкассатор Поротько, получив в банке 250 тысяч рублей, неожиданно исчезает. Потом оказывается, что его ограбили и убили. Расследование дела приводит к разоблачению целой группы преступников — рецидивистов.

Сюжет повести «СОП», что в расшифровке означает «Сын ответственного папаша», сводится к тому, что студент Волгин вместе со своим другом, лицом без определенных занятий Юхонаевым, убивает члена профкома института Тенгиза Гварлиани.

Расследование дела, так же как в первом случае, приводит к разоблачению убийц.

Бедность языка, скучные диалоги, неуместно разбросанные юридические термины, содержание которых часто остается неясным читателю, худосочный сюжет, несмотря на нарочитое и потому искусственное осложнение ситуаций, — таковы некоторые черты этих повестей.

Автор заставляет свою героиню разговаривать сухим, протокольным языком. Капитан Глебова изъясняется только в таком роде: «Распутывая клубок, мы лишь больше запутали, усложнили дело. Но это первое, поверхностное впечатление»; «Сегодня развязывайте узел с гаражом». («Дело о четверти миллиона»). «По поводу показания Зыбкиной продолжает политику закирательства»; «Следствие располагает неопровержимыми научно-подтвержденными данными вашего участия в преднамеренном, заранее обдуманном убийстве из низменных побуждений...» («СОП») и др.

В повестях С. Прага немало предположений, умозаключений, попросту идущих вразрез с логикой. В «СОП»е, например, по отпечаткам пальцев, найденным на месте преступления, не смогли в начале повествования обнаружить преступников, так как, уверяет автор, отпечатки принадлежали тем, кто ранее не совершал преступлений. Немного

позднее мы, однако, узнаем из той же повести, что Волгин и Юхонаев до этого четыре раза привлекались к ответственности за тяжкие преступления. Видимо, все дело в том, что если бы отпечатки пальцев «сыграли» в начале повести, автор вынужден был бы закончить ее уже на следующей странице.

Допрашивая Волгина, который всячески отрицает свою вину, следователь задает ему множество вопросов, даже предлагает назвать соучастников, но один вопрос — обычный и совершенно обязательный — задать «забывает»: где Волгин находился, чем занимался в день убийства? Вместо этого следователь, оставшись наедине, высказывает по этому поводу различные «глубокомысленные» предположения.

Следователь во время обыска находит у Волгина пятна крови на грязной сорочке, брюках, ботинках. Разве стал бы такой опытный преступник, как Волгин, сохранять все эти улики до прихода следователя? Нет, конечно! Но автор не посчитался с логикой: ему важно было помочь Глебовой найти доказательства высказанных ею предположений.

А чего стоит эпизод, когда следователь объясняется с матерью Волгина! Мать возмущена тем, что у ее сына взяли на исследование кровь и отпечатки зубов и пальцев. Следователь отвечает: «Он абсолютно добровольно дал один кубик своей крови, это безвредно для организма... Позволил заслуженному доктору-стоматологу снять на воск прикус, что далеко от кляпа, а во время заполнения дактилоскопической карты пальцы не ломают».

Мало того, что следователь говорит сухим, казенным языком, оказывается он не знает, что для исследования крови во время следствия ни у кого согласия не спрашивают, независимо от того, кто этим занимается.

Чтобы больше не останавливаться на «СОП»е, приведем еще один эпизод, особо характерный, к сожалению, для всей повести своей надуманностью и фальшью.

Для задержания Юхонаева разрабатывается сложный план. Изучается, в какие часы он бывает в парке культуры и отдыха, с кем танцует

и т. д. На танцплощадку является девушка — работник милиции Варя, которую Юхонаев должен обязательно пригласить танцевать; Варе предписано «завлечь» его и привести к дереву, где другие работники милиции должны «на почве ревности» затеять с Юхонаевым ссору, во время которой предполагается его арестовать.

Для чего все это нужно? К чему было создавать такие дешёвые инсценировки? А если Юхонаев к Варе не подойдет, если он пригласит на танец другую девушку? Нет, Юхонаевых арестовывают, не разыгрывая ненужных комедий. Это не работникам милиции, а автору понадобилось устроить спектакль.

«Дело о четверти миллиона» расследует та же капитан Глебова, которая, оказывается, «не просто следователь. Она художник». В повести бывший участник «Шайки Чарльстон» по кличке «Жук» вместе с группой рецидивистов совершает похищение государственных денег, пользуясь при этом «трагичным портретным сходством» Белесова и Поротько. Убивая одного из них, грабители инсценируют убийство второго и тем самым стараются запутать следы преступления.

Участники шайки обладают особой проницательностью: они до мельчайших подробностей предусмотрели все обстоятельства, которые могли возникнуть у следственных органов после совершения преступления. Но капитан Глебова не ударила в грязь лицом — с помощью автора повести она обнаружила, что кровь (вновь следы крови!), замеченная у вахтера Абазова на одежде и на локтях, принадлежала Армавировой. При этом автора не смутил тот факт, что современная судебная медицина имеет возможность выяснить только группу крови, но никак не принадлежность ее определенному человеку.

В третьей повести С. Прага — «Филигранная работа» снова — убийство и, конечно, оставленные следы крови, по которым капитан Глебова раскрыла преступление...

Несколько месяцев назад журнал «Дроша» напечатал повесть О. Маисурадзе «Роковой шаг». Нужно

прямо сказать, что «Роковой шаг» — неправдивая повесть.

Шайка расхитителей социального имущества старается подкупить прокурора района Реваза Джапаридзе, а когда это не удается, — убивает его. По подозрению в убийстве Джапаридзе арестовывается его близкий друг Ладо. Незадолго до убийства у Ладо сложились с Джапаридзе неприязненные отношения. Вражду между друзьями по поручению преступников посеяла Ламара Лорткипанидзе, одна из соучастниц убийства. В конце повести преступление раскрывается, Ладо из под стражи освобождают, а подлинных преступников предают суду.

Автор не нарушает установленного стандарта: он подробно описывает весь ход осмотра места происшествия, обнаружения обильных следов преступления, охотно рассуждает по поводу каждого из них.

Любопытная деталь: в повести, фактически посвященной прокуратуре, прокуратура... отсутствует. Даже дело об убийстве районного прокурора расследуется следователем милиции. Возможно ли в жизни такое безучастное отношение прокуратуры к убийству одного из своих сотрудников?

Все в повести построено на случайностях. Случайно приходит в прокуратуру кондуктор трамвая: она хочет навестить Джапаридзе, сделавшего ей когда-то доброе дело, и как бы между прочим рассказывает о том, что в ночь убийства видела Джапаридзе с женщиной, на которой были туфли с широкими каблуками. Этой женщиной оказывается одна из соучастниц убийства и впоследствии кондуктор ее опознает. Случайно рецидивист Одишария, забравшись в квартиру Лорткипанидзе с целью грабежа, оставляет на столе отпечатки пальцев и уносит ее предсмертное письмо, в котором подробно описываются убийство Джапаридзе и другие преступления шайки.

Хочется особо остановиться на книге повестей и рассказов О. Дгебуадзе «Незнакомый друг». В ней четыре произведения: «Незнакомый друг», «Четыре жизни», «Повесть об одной женщине», «Вторичное рождение». По мотивам повести

«Вторичное рождение» О. Дгебуадзе, в содружестве с киносценаристом и режиссером Л. Хотивари, создал киносценарий фильма «Я скажу правду».

Кроме этого, журнал «Дроша» в №№ 5, 6 и 7 за 1957 год напечатал еще одну повесть О. Дгебуадзе — «Похищение Богородицы».

Творчество О. Дгебуадзе пользуется у многих читателей успехом. Автор умеет хорошо рассказывать, умеет рисовать человеческие портреты. Но, порой, ему изменяет такт писателя, и в угоду ложно понимаемой увлекательности он ставит своих героев в искусственное, далекое от жизненной правды положение.

В повести «Похищение Богородицы», напечатанной в журнале «Дроша», события разворачиваются в 1934 году. Из Сионского собора похищена икона святой Богородицы — историческая реликвия, в приобретении которой был заинтересован какой-то иностранец. На след преступников наводит трамвайный билет, уроненный одним из грабителей при совершении преступления.

Преступникам необходимо переправить икону из Тбилиси в Харьков. Это поручается участнице шайки Елене Миндиашвили, которую в поезде «сопровождают» работники милиции — автор со своим помощником. Они представляются Елене, а один из них называет себя ее близким родственником. Так оперативные работники добиваются расположения Е. Миндиашвили.

После этого созревает «оперативный план», по которому «родственник» и его помощник решают тайно от Миндиашвили обыскать ее чемодан, чтобы выяснить: действительно ли она везет икону или шайка, почуяв преследование, наводит милицию на ложный след? Реализуя этот план, «родственник» приглашает Миндиашвили в вагон-ресторан, а его помощник остается в купе и вскрывает ее чемодан. Иконы в чемодане не оказалось. Но оперативный работник догадывается, что она запрятана между дном и подкладкой чемодана. В Харькове, в гостинице, созревает другой «оперативный план»: выкрасть чемодан у Миндиашвили. Автор не утомляет себя раздумьями о том, как это сделать. Второй «опе-

ративный план» отличается от первого только тем, что «родственник» приглашает Миндиашвили не в вагон-ресторан, а в кино, в остальном же все остается без изменений: пока Миндиашвили смотрит кинокартину со своим «родственником», его помощник успевает выкрасть чемодан из номера гостиницы.

Нечего говорить о том, что лица, допустившие тайные обыски вещей или совершившие кражу предметов, которые могут служить вещественными доказательствами, строго караются как нарушители социалистической законности. Зачем же понадобилось автору выдавать подобные действия за положительное явление в работе милиции? Ясно, для ложно понимаемой «читабельности».

В «Повести об одной женщине» наивно выглядит «операция», проведенная для получения от матерого преступника Рустамова письменного документа о том, что он убил Картвелишвили. (Милиция поручает Ляне пригласить Рустамова на ужин и при многочисленных гостях передать ему записку. В записке должно быть написано, что она, Ляна, согласна стать его женой, если только будет знать, что убийцей является Рустамов. И оказывается, Рустамов — профессиональный убийца, хитрый, жестокий человек — попадает на эту удочку).

Нетрудно заметить, что наряду с интересными произведениями приключенческого жанра, опубликованными в последние годы в нашей республике, появилось много неполноценных произведений, а порой и откровенной халтуры. Под маркой «приключенческой повести», «приключенческого романа» отдельные авторы преподносят читателю стандартные истории убийств, грабежей, совершенно забывая, что на этом низкопробном материале нельзя воспитывать советскую молодежь.

Пора серьезно подумать о дальнейшем развитии приключенческого жанра в нашей литературе. Жизнь советских людей полна увлекательной романтики. Именно они — советские моряки, пограничники, летчики, альпинисты, геологи, работники милиции, юристы — советские труженики, строящие коммунизм, — должны стать подлинными героями новых произведений.

Павле Гудушаури

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

К восьмидесятилетию со дня рождения А. Упита

О, счастлив тот, кто в жизни удостоен,
Великой чести биться за народ...
Илья Чавчавадзе.

Андрей Упит — крупнейший латышский писатель. В его творчестве отразился весь строй народной жизни, задушевные мысли и чувства народа, даже в самые тяжелые периоды истории твердо верившего в свое грядущее торжество.

Для правильного понимания истоков художественного творчества А. Упита, прошедшего большой и славный творческий путь, необходимо учитывать ту историческую обстановку, которая сложилась в Латвии еще в первой половине XIX века.

В эти годы в Латвии происходит разложение феодально-крепостнического хозяйства, следует отмена крепостного права, быстрыми темпами развивается капитализм. Создаются условия для формирования национальной культуры латышского народа. Но ведущее значение в ней имела не буржуазия, а демократические революционные силы, культура которых развивалась под влиянием русских революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, великих русских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др. Их

влияние проявилось в творчестве латышского революционного поэта Э. Вейденбаума, в творчестве великого латышского народного поэта Я. Райниса, в демократической революционной литературе, публицистике и в искусстве. Латышская демократическая культура развивалась в борьбе с латышской буржуазной культурой и культурой реакционного прибалтийского дворянства. И эту борьбу, вместе с другими передовыми деятелями латышской литературы, продолжил выдающийся латышский писатель Андрей Упит.

Многогранностью своего творчества А. Упит напоминает Илью Чавчавадзе. Он так же, как и великий грузинский писатель, создал множество замечательных художественных произведений, написал ряд критических статей и историко-литературных исследований, занимался и занимается широкой публицистической и общественной деятельностью.

Андрей Мартынович Упит родился 5 декабря 1877 года в Видземе Скриверской волости в семье безземельного крестьянина-испольщика.

Будущему писателю пришлось рано испытать на себе все тяготы непосильного труда и несправедливой, полуголодной жизни у помещиков и кулаков.

После окончания волостной школы А. Упит самостоятельно подготовился к экзаменам и получил звание учителя. Свыше десяти лет Упит учительствовал в Риге и ее окрестностях, а потом целиком отдался литературно-общественной работе.

Реалистическое направление в латышской литературе, возникшее во второй половине XIX в., отражало противоречия развивающегося капитализма, процесс проникновения капитализма в деревню. Однако, нужно заметить, что критика капиталистической действительности подчас все еще соединялась с идеализацией патриархальных отношений. Важным шагом вперед явилось появление группы «Новое течение», радикально настроенная часть которой стала поддерживать непосредственную связь с первыми нелегальными рабочими кружками и в своем органе, газете — «Диенас лапа» («Дневной листок») начала пропагандировать революционные демократические идеи.

Но резко положение меняется лишь с ростом рабочего движения в стране. В латышской литературе возникают революционные традиции. Писатель Вейденбаум уже открыто призывает к решительной борьбе с самодержавным произволом.

В 1904 году создается латышская социал-демократическая рабочая партия, вставшая рядом со своим учителем — русской революционной социал-демократией на общий путь борьбы. Это и определяет весь последующий ход развития латышской литературы.

С начала девятисотых годов появляются первые значительные рассказы А. Упита — «Угри», «Охота», «В бурю» и другие. В дальнейшем на формирование мировоззрения Упита решающее влияние оказывает революция 1905 года, а также знакомство с произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова. А. Упит продолжает углубленное изучение трудов Белинского и Добролюбова, особенно интере-

суется книгами и статьями Горького. Впоследствии Упит писал: «...Русская демократическая культура обладает ценностями, без которых латышская демократия не может быть сильной и самостоятельной». А. Упит подчеркивает, что ни один из русских классиков и современных писателей не оказал такого сильного влияния на развитие латышской революционной мысли и литературы, как Горький.

В годы столыпинской реакции Упит, твердо стоя на позициях литературы критического реализма, ведет решительную борьбу с декадентством. Писатель создает одну книгу за другой. В эти же годы в периодических изданиях публикуется более ста его новелл, фельетонов, сатирических стихотворений, публицистических статей.

Многообразна и обширна тематика этих произведений. Острые сатиры Упита направлены против «теории» буржуазных националистов о «едином народе», об «общих для всего народа интересах». Писатель показывает, как жестокая капиталистическая эксплуатация и конкуренция разоряют мелкое крестьянство и как его сознательные представители освобождаются от собственнических иллюзий, уходят в город и вливаются в ряды борющегося рабочего класса. Другие же, опутанные «шелковой паутиной» мещанских идеалов, погрязают в буржуазном омуте. Писатель беспощадно разоблачает отщепенцев и предателей революционного движения, городскую буржуазию и мещанство.

В своих литературоведческих работах этого периода А. Упит разрабатывает принципы реалистического метода латышской литературы. Он делает первую попытку систематического изложения истории латышской литературы с точки зрения марксизма.

Наряду с литературной деятельностью, А. Упит в годы столыпинской реакции и в период подъема рабочего движения в канун первой мировой войны много сил и энергии отдает организации всех прогрессивных литературных сил и воспитанию молодых писателей. Он руководит периодическими

изданиями, вокруг которых объединялись демократические писатели.

В начале первой мировой войны Упит выступает против поощряемых царизмом и буржуазией шовинистических настроений. Война прерывает его литературную деятельность. Он выезжает в Баку, затем в Петербург, откуда едет в Ревель, а осенью 1916 года возвращается в Латвию. События военных лет и нарастающее возмущение народных масс Упит позже запечатлел в романе «Перед грозой» и в ряде рассказов.

После Февральской революции 1917 года А. Упит был избран в Совет рабочих депутатов Риги и в исполком Совета. Вместе со всем трудовым народом, руководимым большевистской партией, А. Упит борется за претворение в жизнь ленинской программы перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Кипучую общественную деятельность писателя прерывает оккупация Риги войсками кайзеровской Германии. А. Упита заключают в тюрьму. Но и здесь писатель не прекращает работы. В тюрьме пишет он книгу рассказов «Оттепель», посвященную Февральской революции. В этой книге показана растерянность буржуазии и мещанства, вызванная нарастающим революционным движением.

После утверждения Советской власти в Латвии А. Упит руководит организацией советских культурных учреждений. Он продолжает кипучую литературную деятельность, пишет рассказы, стихи, публицистические и критические статьи. Вместе с талантливыми революционными писателями Леоном Паэгле и Арайс — Берце он становится зачинателем латышской советской литературы.

Весною 1920 года буржуазное правительство вторично заключает Упита в тюрьму. В тюрьме он пишет книгу рассказов «Бой ветров» и, в основном, третью часть трилогии «Робежниеки» — «Северный ветер».

По требованию трудящихся и передовой интеллигенции буржуазные власти оказываются вынужденными выпустить Упита из тюрьмы. Но спустя некоторое время его снова аре-

стовывают. Только в августе 1920 года писатель обретает свободу.

А. Упит разворачивает энергичную общественно-литературную деятельность. Вокруг журнала «Домас» он объединяет передовых писателей. Под его руководством вырастает немало крупнейших современных советских латышских писателей. В качестве примера следует отметить, что А. Упит первым разглядел большой талант В. Лациса и способствовал его расцвету.

В двадцатые и тридцатые годы Упит пишет ряд значительных прозаических, драматических и поэтических произведений. Среди них, кроме уже упомянутых, следует отметить «Щепки в омуте» (1921), «За воротами рая» (1922), «Метаморфозы» (1923), «Голая жизнь» (1926), «Рассказы о пасторах» (1930). В драматургии А. Упита этого периода особого внимания заслуживают пьесы «Мирабо» (1926) и «Жанна д'Арк» (1930). Этими пьесами начинается задуманная писателем трилогия исторических трагедий, из которых третья пьеса — «Спартак» написана Упитом уже в годы Отечественной войны. Здесь же заметим, что во всех исторических произведениях А. Упита эхо далеких битв различных народов за свое освобождение перекликается с современными писателю событиями.

Из целого ряда написанных А. Упитом комедий наиболее примечательными являются «Купающаяся Сусанна» (1922), «Причины и следствия» (1927), «Победа Ешки Зингиса» (1933).

В этот же период выходит книга стихотворений А. Упита «Басни без морали». А. Упитом публикуются многочисленные литературоведческие работы, в том числе монументальный труд «История мировой литературы», написанный им совместно с Руд. Эгле.

1920—1940 гг. для А. Упита были наиболее тяжелыми. Буржуазные правители Латвии лишают его возможности участвовать в общественно-литературной борьбе, запрещают издавать его произведения и даже упоминать в печати его имя. Упит вынужден выпускать свои произведения на личные средства и ча-

сто под псевдонимом. Таким образом выходят его романы «Улыбающийся лист» (1937) и «Тайна сестры Гертруды» (1939).

Необходимо особо упомянуть об обширной исторической трилогии «На грани веков» (1937—1940). Действие ее начинается в конце XVIII века и охватывает период Северной войны, окончившейся изгнанием шведов из Прибалтики и победой русских войск. Ярко показано соединение судьбы латышского народа с судьбой России.

В 1940 году, когда латышский народ восстановил советский строй, начался новый период литературно-общественной деятельности А. Упита.

В июне 1940 года Упит был избран депутатом Верховного Совета Латвийской ССР и заместителем председателя Верховного Совета Латвии. В качестве делегата от Латвии он в августе 1940 года участвует в историческом заседании Верховного Совета СССР, где Латвия, наряду с другими прибалтийскими республиками, была принята в Союз Советских Социалистических Республик.

Под руководством А. Упита создавался Союз писателей Латвии, председателем которого он был до 1954 года. Ныне А. Упит является его почетным председателем.

В годы Великой Отечественной войны А. Упит все свои силы отдавал делу победы над врагом. Наряду с сатирическими новеллами, повестями, пьесами, стихами, публицистическими статьями и воззваниями, Упит создал в эти годы одно из своих крупнейших произведений — роман «Земля зеленая». В нем А. Упит выступает подлинным представителем социалистического реализма, который правду прошлого умеет разглядеть и отобразить в ее революционном развитии.

В годы войны Упит активно сотрудничал в литературном приложении к центральному органу Коммунистической партии Латвии — газете «Циня», выходившей в Кирове.

После разгрома фашистской Гер-

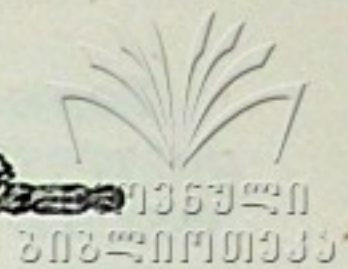
мании Упит вернулся на родину. Все свои силы он отдает строительству латышской советской литературы. По его инициативе при Латвийском университете создано отделение латышского языка и литературы. Несколько лет он читал лекции по латышской и зарубежной литературе, заведовал кафедрой латышской литературы. Выдающийся ученый, А. Упит избран членом Академии наук ЛССР.

В послевоенные годы А. Упит завершил обширное исследование по истории и теории литературы — создал трехтомную «Историю романа», опубликовал многочисленные статьи о русских дореволюционных и советских писателях, о теории и эстетике социалистического реализма. А. Упит в эти годы создал и свое крупнейшее произведение — роман-эпопею «Просвет в тучах». В нем с большой художественной силой показано развитие латышского рабочего движения — от проблесков классового самосознания у передовых рабочих до первого массового выступления трудящихся. Весьма ярко раскрыта роль русского рабочего движения и русской революционной интеллигенции в политическом развитии и революционном подъеме латышского пролетариата.

Романы «Земля зеленая» и «Просвет в тучах» являются вершиной художественного творчества А. Упита и по праву стоят в одном ряду с самыми выдающимися произведениями многонациональной советской литературы.

В творчестве А. Упита воплотилось все лучшее, что на протяжении ряда поколений подготовлялось и созревало в духовной жизни латышского народа. Не случайно поэтому писатели Латвии называют А. Упита своим учителем, латышским Горьким. А. Упит удостоен высокого звания народного писателя Латвии.

Творчество Андрея Упита близко и дорого всем народам нашей страны, в том числе грузинскому народу, как творчество замечательного писателя, большого художника-гуманиста.

Гюльнара Джапаридзе

ТАМАРА АБАКЕЛИЯ

(1905—1953 гг.)

Скульптура и живопись, графика и театральные декорации, полные обаяния и мастерства произведения, в которых отразились и историческое прошлое грузинского народа, и прекрасный сегодняшний день социалистической Родины, — составляют большое и интересное наследие замечательной грузинской художницы, заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР Тамары Григорьевны Абакелия.

Т. Абакелия родилась в городе Хони (ныне город Цулукидзе) в 1905 году. С детских лет она пристрастилась к рисованию. Неуверенная рука девочки старательно выводила на бумаге ползучую тыкву, черные гроздья винограда, треснувший алый гранат с сочными зернами.

В 1920 году семья Т. Абакелия переехала в Батуми. Здесь, в студии своего первого учителя — художника Валериана Федоровича Илюшина Т. Абакелия получила начальные навыки рисунка.

В 1923 году Т. Абакелия окончила Батумский гуманитарный техникум и получила аттестат, дававший ей право поступить в высшее учебное заведение. С этой целью она выеха-

ла в Тбилиси. Столица Советской Грузии переживала свою вторую молодость. Новые чувства и новые понятия смело входили в жизнь.

В мае 1922 года в Тбилиси была открыта Академия художеств, к преподаванию в которой были привлечены известные художники и скульпторы Г. И. Габашвили, Я. И. Николадзе, Е. Е. Лансере, М. И. Тоидзе, И. А. Шарлемань и другие. Мечтая стать художником-живописцем, Тамара Абакелия в 1923 году поступила в академию.

Трудолюбие девушки, её талант, серьезное и вдумчивое отношение к работе обратили на себя внимание скульптора Я. И. Николадзе, верный глаз которого сразу подметил ее смелые, уверенные рисунки со скульптурно выявленными формами. И Т. Абакелия, поверив советам учителя, вскоре перешла к нему в класс скульптуры, оставив живопись.

Уроки Я. Николадзе, страстного поборника реалистического искусства, полного содержания, облеченного в строгие, прекрасные формы, благоприятно сказались на формирующемся творчестве его учеников, в том числе и Т. Абакелия.

приблизительно одинаковые, композиционно близкие эпизоды, но в каждом из них различно подошла к раскрытию того или иного образа поэмы.

Но выполненные художницей иллюстрации к поэме Шота Руставели еще не полностью и не до конца раскрывают образы поэмы, внутренний мир героев. Красиво составленные композиции не лишены нарочитой декоративности.

«В иллюстрациях «Вепхвис ткаосани» я еще не смогла сказать свое последнее слово, — пишет Т. Абакелия, — к Руставели пока что ни один из художников не смог подойти близко... Но я в общем все же довольна: все же это хотя бы подготовительная работа к тому, к чему я в будущем должна буду вернуться». Несмотря на это заявление художника, иллюстрации имели определенный успех, а переводчик поэмы Микола Бажан писал Т. Абакелия: «Я сам в восторге. Они (т. е. иллюстрации — Г. Д.) умны, пронизательны, насыщены руставелевским духом мужественности, гармонично соединяют в себе Запад и Восток, Византию и даже Китай, оставаясь в то же время глубоко грузинскими. Я думаю, что это лучшие рисунки к Руставели, и глубоко счастлив, что мой перевод будет украшен ими».

Т. Абакелия умеет чувствовать эпоху, передавать национальный колорит различных народов, их быт. Об этом свидетельствуют иллюстрации к армянскому народному эпосу «Давид Сасунский» (1939 г.).

Для точного восприятия духа эпохи и своеобразия армянского эпоса художница ездила в Армению, знакомилась с памятниками древнеармянского искусства и материальной культуры, тщательно изучала все существующие материалы по интересующей ее теме.

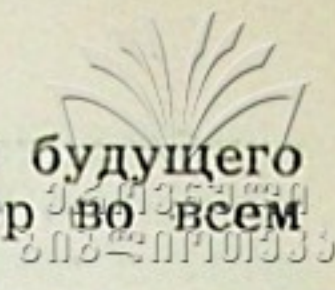
Начиная с эскизов к кинофильму «Арсен», Т. Абакелия все больше и больше переходит к живописному восприятию предметов и, хотя основной колорит ее картин остается очень сдержанным, она глубже воспринимает цвет, свет и их сочетание. Чистая акварель в ее творчестве не находит большого применения, в то время, как гуашь становится ее любимым материалом, увлекшим

ее своими интенсивно глубокими благородными тонами.

Своеобразная техника, намеченная художницей еще в ее ранних произведениях, с годами проявляется все отчетливее и выступает как индивидуально выработанный прием, напоминающий сложное гравировальное искусство.

Заключается он в следующем. Художник берет плотную бумагу высшего сорта, грунтует ее, делает наметку рисунка, кладет основные краски и, употребляя вместо кисти лезвие бритвы, прорабатывает им отдельные места и детали, стараясь выявить формы, фактуру материала и нужную светотень, идя от темного к светлому тону. Нужно думать, что эта техника была ей по душе потому, что она и в графику приносила элементы скульптурного мастерства, действуя острием бритвы, как стеклом, для выявления художественных форм.

В годы первых пятилеток началась всеобщая реконструкция городов и сел страны. Неузнаваемо менялся и облик столицы Грузии — Тбилиси. На месте узких улиц и закоулков старого города появлялись проспекты и площади, застраивавшиеся новыми зданиями. Воздвигалось монументальное и величественное здание филиала Института марксизма-ленинизма (архитектор А. В. Щусев), внутреннее и внешнее оформление которого было поручено грузинским художникам и скульпторам — У. Джапаридзе, Я. Николадзе и Т. Абакелия. Фасад здания был оформлен в лучших традициях национального зодчества. Барельефы, установленные над средней частью главного фасада здания, выполнены Т. Абакелия в виде фриза, разделенного на пять композиций. Они завершают и как бы смягчают строгие формы здания, составляя с ним гармоничное целое. Последовательно расположены на здании барельефы, изображающие Батумскую демонстрацию 1902 года, Октябрь в Грузии, развитие индустрии, подъем сельского хозяйства и счастливую, радостную жизнь социалистической Грузии. Начиная с первого барельефа, отображающего революционное выступление в Батуми в 1902 году, все композиции закономерно и по-

следовательно вливаются в последнюю — «Счастливая и радостная жизнь страны». Невольно вспоминаются слова из дневника Т. Абакелия: «На перекрестках вновь построенных нами городов мы должны встречать монументы наших героев, должны видеть изображения пройденных нами боев».

Барельефы скульптурного фриза на здании филиала Института марксизма-ленинизма — это национальные, реалистические произведения, основанные на красивых, полных ритма движениях, в которых поражает разнообразие и типичность воспроизведенных образов, — в них наряду с физической красотой чувствуется богатый духовный мир советского человека. Здесь проявилась замечательная способность Т. Абакелия создавать сложные, многофигурные, но предельно ясные и подчиненные одной основной идее композиции.

В годы Великой Отечественной войны, когда в центре внимания мастеров литературы и искусства были героические подвиги советских людей, на выставках неоднократно обращали на себя внимание и работы Т. Абакелия. Выделялась небольшая по размеру скульптура «Раненый воин» (1942 г.), в которой с большой правдой раскрыт сложный психологический момент: верно переданы тяжелое состояние раненого и богатство души простого скромного советского человека.

Тема защиты Родины, борьбы за жизнь и счастье человека находится в центре внимания Т. Абакелия. «Отомстим не словами, а делом», — говорила она, и творчество художницы было ответом на собственные мысли. В 1944 году Т. Абакелия создает полную гнева и жажды мщения фигуру матери с мертвым ребенком на руках — скульптуру «Мы отомстим!»

Говоря словами самого художника, в этой скульптуре отображена «не плачущая мать, а мстящая советская женщина, которая страшна для врага...» Несокрушимая воля чувствуется в каждом мускуле полного горя лица матери. Вся фигура ее, исполненная глубокой скорби и нежности, говорит в то же время о ее величии, готовности пойти на самопожерт-

зование во имя счастья и будущего всего человечества, за мир во всем мире.

Нередко в годы Великой Отечественной войны советские художники обращались к героической истории своего народа, к образам любимых героев, воспитывающих в советских людях любовь к Родине, вдохновляющих на подвиги. Т. Абакелия увлек благородный и мужественный образ народного героя — Георгия Саакадзе. Она создает несколько блестящих рисунков, посвященных жизни и деятельности Георгия Саакадзе, а также интересный, монументальный и психологически верный его портрет.

Художник использует свои индивидуальные приемы и манеру письма, в которых удачно сочетается рука и глаз графика, живописца и скульптора. Поэтому в портрете обращают на себя внимание живописный, но сдержанный колорит, обобщенный, скульптурно выявляющий формы рисунок и мельчайшая проработка деталей.

Над образом Георгия Саакадзе Т. Абакелия работала и при оформлении кинофильма «Георгий Саакадзе» (режиссер М. Чиаурели), который появился на экранах Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

Незаурядный талант и вкус художницы проявился и в оформлении выпущенного в 1946 году Тбилисской киностудией фильма «Давид Гурамишвили» (в постановке И. Туманишвили и Н. Санишвили), который демонстрировался с большим успехом на экранах всего Советского Союза. Эскизы к костюмам героев, созданные Т. Абакелия, оставляют большое впечатление. Тщательно проработанные, в некоторых случаях напоминающие чудесные старинные миниатюры, они воспринимаются, как самостоятельные художественные произведения.

В годы войны Т. Абакелия снова обращается к театральному искусству. Ей принадлежит оформление пьес Г. Габуния «Меч Орджоникидзе» (Тбилисский грузинский театр юного зрителя, 1942 г.), С. Клдиашвили «Ирмис Хеви» (театр им. Руставели, 1944 г.) и

С. Шаншиашвили «Хевисбери Гоча» (театр им. Руставели, 1945 г.).

Годы войны были отражены и в живописно-графических работах — «Эпизод из обороны Кавказа» (1942 г.), «Радостные вести с фронта» (1943 г.), «После взрыва» (1943 г.), «Песнь герою» (1945 г.) и др., рассказывающих о борьбе и жизни советских людей на фронте и в тылу.

Художницу не покидает вера в завтрашний день: «Хочу жить, хочу, чтобы прекратилась война и чтоб вновь настали для нас мир, радость и счастье», — пишет она в своем дневнике.

Радость труда, героизм, дружба и любовь — вот главные темы произведений Т. Абакелия на всем протяжении ее творческого пути.

Жизнь советской семьи, основанной на взаимной дружбе, спаянности, не раз находила отражение в творчестве Т. Абакелия. Еще в 1939 году для Грузинского павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве она выполнила эскиз скульптурной группы «Семья колхозника». В 1949 году Тамарой Абакелия была создана новая «Семья колхозника» — многофигурная композиция. Неотягченные излишней драпировкой фигуры в свободных и красивых движениях передают образы здоровых и счастливых людей нового поколения.

В графическом творчестве Т. Абакелия самыми яркими являются иллюстрации к поэмам Важа Пшавела (Огиз, 1947 г.). Это обусловлено, главным образом, близостью характера ее творчества к эпически величавой поэзии великого грузинского поэта, сочетающей в себе патристическую героинку и лиризм. Красочные, сделанные в очень своеобразной манере иллюстрации, реалистически раскрывают замысел писателя. В то же время это глубоко прочувство-

ванный и продуманный материал, помогающий глубже понять жизнь горцев в прошлом столетии, их быт, обычаи и переживания.

Завязавшаяся еще в 30-х годах дружба Т. Абакелия со многими деятелями литературы и искусства народов Советского Союза сыграла большую роль в творчестве художницы. Иллюстрируя переводы произведений грузинских писателей, Т. Абакелия способствовала развитию и укреплению культурных связей между народами братских республик, знакомила их с исторической и современной жизнью своей родной страны.

В 1949—1950 гг. Т. Абакелия выполнила иллюстрации к сборнику произведений Д. Гурамишвили «Давитиани». Эти иллюстрации предназначались для перевода, сделанного известным украинским поэтом Миколой Бажаном.

В августе 1952 года в городе Сурамии состоялось торжественное открытие памятника славной дочери украинского народа Лесе Украинке. Памятник, воздвигнутый на грузинской земле, где провела последние годы своей жизни украинская поэтесса, был одним из лучших созданий талантливого грузинского скульптора Т. Абакелия.

«И образ Леси Украинки,
Что стал легендой живой,
Руками любящей грузинки
Воссоздан в бронзе вековой», —

писал в поэме «Рождение легенды» поэт Платон Воронко.

Жизнь Т. Абакелия оборвалась в 1953 году, в расцвете ее творческих сил, когда каждый день приносил новые замыслы образы, планы.

Но бодрость и оптимизм до последней минуты не покидали художницу. Она верила в будущее своего искусства. И жизнь доказала ее правоту.

Аветик Исаакян о грузинском переводе „Абу-лала-Маари“

«...Много десятилетий звучал его вдохновенный голос, много песен сложил он в честь родного народа, в честь большого человека нашей земли, творца мирной и честной жизни. Объединяя народы чувством искренней дружбы, говорил он в своих стихах о свободной, разумной жизни, о ее всевластной красоте...» Так отозвался Николай Тихонов о своем армянском друге, народном поэте Армении Аветике Сааквиче Исаакяне.

В народе Аветика Исаакяна называли — «варпет». Он действительно был варпетом — мастером, чей поэтический дар украсил советскую поэзию, принес великому певцу широкое признание не только в Советской стране, но и за ее рубежами.

Горячий патриот родной Армении, Аветик Исаакян воспевал в своем творчестве дружбу и братство всех народов, населяющих нашу страну, был большим другом Грузии.

Читатели нашей республики знакомы с творчеством замечательного мастера армянской литературы по переводам.

Для книги «Абу-лала-Маари», вышедшей на грузинском языке в 1936 году в переводе Т. Табидзе, Аветик Исаакян написал две статьи: «Два слова о моей жизни» и «По поводу издания моей поэмы «Абу-лала-Маари» на грузинском языке». Эти статьи армянский поэт переслал своему грузинскому другу Тициану Табидзе, который перевел их на грузинский язык. Подлинники этих статей, хранившиеся в архиве Тициана Табидзе, передала редакции «Литературной Грузии» вдова поэта — Н. А. Табидзе.

Два слова о моей жизни

Самая неприятная для меня вещь — это писать свою автобиографию. Вот несколько черт.

Родился в 1875 году 31 октября в городе Ленинакане в старинной патриархальной состоятельной семье. Детство мое прошло в городе и в деревне (Казарапат), в нашем имении. Затем воспитание мое шло не так, как бы мне хотелось. Учился в Ленинакане, в Эчмиадзинской Академии, в Германии и в Швейцарии.

С внешней стороны жизнь моя была очень богатой и разнообразной — тюрьма, ссылка, вновь тюрьма, бегство, долголетняя эмиграция, но по существу, по внутреннему содержанию — вечное недовольство, вечная неудовлетворенность, вечная тоска — безответная любовь, болезни, тяжелые потери близких, общественные и национальные бедствия.

Начал писать очень рано, с 12 лет. Моей любимой литературой был фольклор всех народов, старый эпос, начиная с библейских времен...

Единственное великое утешение в моей жизни — это то, что я видел своими глазами образование армянского государства; об осуществлении этого я болезненно грезил, начиная с первого дня сознательной жизни...

А. ИСААКИАН.

19-ХІ-1929

Эривань.

По поводу издания моей поэмы „Абу-лала-Маари“ на грузинском языке

Душевная дружба трех крупных народов Закавказья — грузин, тюрков¹ и армян всегда была моей заветной мечтой. Взаимную ненависть и вражду этих вековых братьев я считал всегда историческим абсурдом. Помимо экономических и политических факторов, объединяющих народы, существует и еще один необходимый фактор — искусство вообще и в частности литература.

Я полюбил далекого испанца с тех пор, как прочитал «Дон-Кихота». Сервантес властно заставил меня полюбить свою родину, землю и людей своего отечества.

Благодаря «Элгудже» Казбека и ашугу Нахапету Кучаку я полюбил грузина и благодаря им Грузия и грузины стали мне столь родственными.

Ибо своеобразный стиль, одежда и формы различных народов скрывают человеческое сердце и это сердце — человеческое — объято одинаковыми чувствами, горестями и радостями.

Наше личное сердце является неотъемлемой частицей этого всемирного, общечеловеческого сердца.

Денационализировавший и ассимилировавший народы царский деспотизм ставил тысячи преград перед идеей братства народов. Молот Великой Октябрьской революции разрушил это зло — царский деспотизм — и открыл широкий путь к взаимному пониманию, взаимному сочувствию и любви, к объединению народов.

Художественное слово — лучшее оружие для этой цели. Прекраснейшей симфонией родных языков мы воспоем всечеловеческое отечество, в котором ни один народ не будет больше притеснять другой, где человек больше не будет эксплуатироваться себе подобными, где единым самодержцем будет справедливость.

Я чувствую себя счастливым, видя «Абу-лала-Маари» на бессмертном языке великого Шота Руставели. Я в особенности рад, что мне представляется случай сообщить, что мой старший брат Бараташвили вдохновлял меня. Его прекраснейший Мерани увлек меня. Караван Абу-лала следует по следам коня Бараташвили...

Аветик ИСААКИАН.

19-ХІ-1929

Эривань.

¹ А. Исаакян имеет в виду азербайджанцев. (Прим. ред.).

Из писем К. Бальмонта о переводе „Витязя в тигровой шкуре“

Перевод на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сделанный поэтом К. Бальмонтом, несмотря на многие недостатки, отмечавшиеся критикой, был первой попыткой полностью познакомить русского читателя с произведением Руставели. И в этом его большое положительное значение.

До революции были изданы девять песен бальмонтовского перевода. Полный текст его увидел свет только в 1937 году.

В фондах Государственного литературного музея Грузии хранятся не опубликованные до сих пор автографы писем К. Бальмонта к грузинским литераторам и автографы двух его стихотворений — «Княжне Тамаре» (1914) и «На смерть Тамары Канчели» (1917). В своих письмах Бальмонт рассказывает о работе над переводом поэмы Руставели, о выступлениях с лекциями о «Витязе в тигровой шкуре».

В семейном архиве дочери К. Бальмонта — Н. К. Бруни нам также удалось найти письма поэта, относящиеся ко времени его работы над переводом поэмы Руставели, и автографы перевода.

С поэмой Руставели Бальмонт впервые познакомился по прозаическому переводу на английский язык Марджори Уордроп. Вдохновленный творением Руставели, Бальмонт с 1914 г. по 1917 г. несколько раз приезжает в Грузию, встречается здесь с писателями, общественными деятелями, выступает с лекциями о поэме Руставели и чтением своего перевода.

В одном из писем поэт сообщает Нине Меунаргия: «...буду писать, вернувшись к себе, две вещи: «Любовь и смерть в мировой поэзии» и «Крестоносец Любви Шота Руставели, певец Тамар». С ними я проеду всю Россию». И действительно, Бальмонт вскоре совершает большое путешествие по всей России, читая лекции о Руставели даже в городах Сибири и Дальнего Востока.

Сохранился любопытный документ, ярко характеризующий отношение Бальмонта к поэме Руставели: на автографе перевода, написанного поэтом в 1915 году в Лесном Городке, имеется заголовок — «**Священные Листочки Лесного Городка. 1915 г. Август**».

После издания первых песен своего перевода Бальмонт продолжает работу с еще большим увлечением. Он принимается за изучение грузинского языка, пользуясь уроками проживавшей тогда в Москве учительницы Дондуа. Бальмонт, как видно из письма к Е. Андреевой от 1920 г., напряженно работает над киносценарием «Вепхис ткаосани».

Полностью архив К. Бальмонта пока не найден. Но и та часть его автографов, переписки, воспоминаний о нем, фотоматериалов и др., которую нам удалось ныне собрать (выдержки из некоторых его писем публикуются в журнале), дает возможность проследить за ходом работы К. Бальмонта над первым полным переводом бессмертной поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

п. КОТЕТИШВИЛИ.

Из письма к Т. Р. и А. И. Канчели

Таруса, Калужск. г., им. Ладыжино.
1915 г. 3 авг.

Дорогие друзья, Тамара Росэбовна, Александр Иванович¹, я счастлив был получить от Вас быстрый отклик, и в этом ответе услышал настоящий голос сердца, как то и подобает Грузинам.

Я ежедневно работаю над Руставели. Трудно было начать, но, раз начало было сделано, теперь исполнение этой заветной работы — лишь вопрос времени. У меня готовы 3 песни. К концу сентября я твердо надеюсь перевести 10 песен, и написать краткий очерк о «Витязь в Барсовой шкуре». Этого будет довольно, чтоб выступить по два раза в главнейших городах Грузии, — Вы мне укажете, где именно это возможно. Я хотел бы выступить не только в городах, но и в нескольких горных деревнях, если это возможно. Было бы так красиво, чтоб и представители Грузинского простонародья, — Грузины все благородны, — послушали пышные песни своего бессмертного песнопевца в передаче Русского стиха.

Я приеду не позднее 20-х чисел сентября, и хотел бы пробыть в Грузии месяца полтора, во всяком случае не меньше месяца. Я думаю, можно поселиться в Тифлисе где-нибудь недалеко от Вас, в скромной гостинице или в комнатах?..

Я радуюсь несказанно свиданию. Из всего моего прошлогоднего пребывания в России Грузия осталась незабываемым солнечным праздником цветов, понимания, любви, и приветов...

Верю, что Русский стих не будет недостоин Грузинского певца, так

влюбленного в любовь.

Привет сердца Вам, и память сердца.

Ваш К. БАЛЬМОНТ.

Из письма к Н. Меунаргия.

Пермь 1915. XI. 14.

Нина¹, красивая дочь Мингрелии, ни вихри впечатлений, которые мчат через всю Россию, и вот домчали до великой Биармии, что зовется ныне Пермью, ни снежные мятели, ни многие-многие красивые лики, или казавшиеся мне красивыми, лики девушек и женщин — не затенили в душе моей Ваш образ, милая, помните меня!

Как ты помнишь отца или мать,
Как ты помнишь родимый свой дом,
Помнишь двери и лестницу в нем,
Днем-ли, ночью-ли помни меня.

Я благодарю Вашего отца за ценный труд, который он мне доверил. Он мне будет полезен в декабре, январе, феврале, когда я каждый день буду работать над лучезарной «Вепкхис Ткаосани». На эти месяца мой адрес: Петроград, Вас. остр. 22 линия, д. 5, — а также, Москва, Брюсовский переул. д. 19. Письма дойдут одинаково.

Я приеду в Тифлис весной, но может быть и раньше я буду писать, вернувшись к себе, две вещи: «Любовь и смерть в Мировой Поэзии» и «Крестonosец Любви, Шота Руставели, певец Тамар». С ними я проеду всю Россию, и привезу в Грузию, с новым сиянием, Грузинские цветы и царственные жемчуга...

Р. С. Я уезжаю в Тюмень, оттуда в Омск, где пробуду до 22-го. Потом вернусь в Петербург, с заездом по пути в Екатеринбург (числа 26-го) и Вологду (28). Пошлите мне слово

¹ Александр Иванович — А. И. Канчели, писатель и переводчик, Тамара Росэбовна — его жена.

¹ Нина — дочь литератора Ионы Меунаргия.

письмом или телеграммой. До востребования.

Из писем к Е. А. Андреевой

Лесной Городок

1915. VIII. 24.

Вчера кончил 4-ю большую песню Руставели, совсем победоносно. Теперь я перевел 5-ю часть всей поэмы, и изменю характер работы, — буду выбирать отдельные наилучшие места, чтобы позднее слить все связующим очерком.

1915. IX. 29. 2 ч. д. Вагон.

Близ Дербента.

Катя милая моя, я уже в Закавказьи, и все здесь другое... От первой повозки, в которую были запряжены быки, я почувствовал себя в далекой экзотике... Солнце греет, и все время окно открыто, даже ночью. На краю дороги, по степным пустырям еще радуют глаз синие колокольчики и мелкие белые и лиловые цветочки. Все утро поезд едет вдоль синей полосы моря...

Сегодня к вечеру я в Баку, а завтра верно уж буду завтракать с своими грузинскими друзьями в Тифлисе. Но у меня еще нет ощущения, что я еду туда. Читаю Винклера, «Духовная культура Вавилона» (подарок Нюши¹), и, хоть это элементарно, мысль уходит далеко...

Тифлис.

1915. IX. 30, 6-й час вечера.

Я отправился к Канчели, которые встречали меня на вокзале, и к ним я пошел обедать...

Я читал отрывки из «Носящего барсову шкуру», и то как они слушали, и откликались, и произносили торжественные грузинские строки, мне показало, что я верно угадал свою работу.

Все они в восторге от моего перевода.

Я буду выступать 3-го октября в Тифлисе, 5-го в Кутаисе, и еще где-то, и опять в Тифлисе.

¹ Нюша — Анна Николаевна, Иванова, племянница Е. Андреевой.

1915. X. 2. Тифлис.

12 час. ночи.

...Сегодня весь день работал — выбирал отрывки из «Носящего барсову шкуру», которые буду читать завтра, сверял их с грузинским текстом... Грузины от моего перевода в восторге. Выступаю завтра. Предвидится большой успех.

...Послезавтра еду в Кутаис, где уже все устроено для меня.

Тифлис. 1915. X. 3.

8 час вечера.

Катя родная, пишу тебе для счастливой приметы, и в жажде твоего привета, — через $\frac{1}{2}$ часа я иду читать «Носящего барсову шкуру». Шлю тебе привет всем сердцем. Билеты все проданы. Меня ждут. Я знаю, что это будет праздник сердца. Хорошо.

Обнимаю тебя. Приветы. Твой К.

1915. X. 4. Полночь.

Тифлис.

Катя милая, мой труд был не напрасен. Большая зала, в которой я читал Руставели, и о нем, была битком набита, одних стоявших было 300 человек, да сидевших было свыше 400. И несмотря на то, что и Канчели и я не захотели повышать цены, мои добрые друзья, устроившие этот вечер, вручили мне сегодня 600 рублей. Слушатели слушали не только внимательно, но поглощенно и восторженно. Среди публики много было молодежи, было все грузинское дворянство, было и просто-народье, вплоть до слуг моей гостиницы. Старики, знающие Руставели наизусть, восторгаются звучностью перевода, близостью к тексту, и меткостью при передаче тех мест, которые вошли в жизнь, как поговорки.

...Завтра едем целой дружиной в Кутаис. Буду выступать там. Готовится величественная встреча.

Кутаис.

1915. X. 6. 9-й час веч.

Катя милая, через минуту я еду в театр и буду читать Руставели. Я не успеваю написать о впечатлениях. Я взят в плен. Однако, уж билеты на 11-е, Тифлис — Москва, заказал. Вчера меня встретили на ст. Рион

(1/2 часа до Кутаиса) и в Кутаисе — кликами и рукоплесканиями. И сейчас будет триумф, знаю. Но как-то не хватает на все это впечатлительности.

Солнце. Древний город. Развалины храма царя Баграта. Цветы. Простые люди меня приветствуют. Мое имя вписано в историю Грузии. И это — лишь начало.

Шлю вырезку из газеты.

1915. X. 7.

10-й час ночи, Кутаис.

...Вчерашнее мое выступление было сплошным триумфом. Театр был переполнен.

Осматривал древние развалины. Завтра возвращаюсь в Тифлис. Там буду выступать на торжественном вечере Общества Грузинской культуры. Обнимаю тебя. Через неделю свидимся. Твой К.

1916. 25 января 8-й час. веч.

В. о., 22 линия, д. 5, кв. 20.

...Вчерашнее выступление с поэмой Руставели, точнее с своим расширенным словом о ней (параллель — Руставели, Данте, Петрарка, Микель-Анджело) было блестящим. Слушатели были воспламенены...

Вас. Остр., 22 л., д. 5:

1916. VI. 6. Вечер.

Катя милая, получил твое письмо от 1-го. Обнимаю тебя, и радостно жду скорой встречи. Я приеду в Москву в воскресенье. Пишу тебе в Брюсовский¹, ибо ты верно будешь там на днях. Пожалуйста, попроси М. Саб² набрать к моему приезду Руставели, если это еще не сделано. Благодарю его за Калидасу. — Только что написал небольшой очерк моих Японских впечатлений. Целую тебя. Напишу еще. Твой К.

Спб. 1916. X. 25.

8-й час. веч.

Катя милая, все эти дни думал о тебе, и хотел писать, но я совсем за-

¹ Брюсовский — переулок, где находился дом семьи К. Бальмонта.

² М. Саб — М. В. Сабашников, издатель.

работался, хотя без особого утомления. Я написал Нюше, и верно она передавала тебе мои маленькие новости. Я еще, кажется, никогда не жил в столице Русской так домоседно. Ни к кому не хожу, и ко мне никто не ходит. Лишь по субботам вечером бывает кое-кто. Весь день работаю над Руставели, и радуюсь, что к числу к 20-му ноября вся поэма будет кончена...

Спб., 1916. 29 октября. Вечер.

Катя милая, Нюшенька мне писала, что ты все хвораешь. Как мне это жаль. Не говорю тебе «Не утомляйся», ибо это бесполезный совет. Ты должна и будешь утомляться, как конь должен дышать огненно, а птица не может не летать. Но все же, ведь и конь спит по ночам, хотя видит при этом быстрые сны, а из птиц даже альбатрос на ночь летит к гнезду, где отдыхает.

Я тоже устаю, ибо задался целью исполинской — кончить к половине ноября поэму Руставели. Сейчас дописал еще песню. Мне осталось их доперевести 17 песен, а переведено — 30, и вступление. В Грузии предвидится ликование великое...

1916. XI. 8. 2 часа дня.

Спб.

Катя родная моя, спасибо тебе за письмо. Я ведь тоже тебе совсем мало писал, но я все-все время в волне работы. Теперь, уж мне нужно лишь десять дней для окончания поэмы Руставели. Но моя судьба именно должна быть такова, что мне трудно будет найти эти 10 дней. Однако, уповаю, что к твоему дню окончу все. А сейчас — на отлете. Завтра в 2 ч. 40 м. дня еду в Москву, где буду в 7—8 ч. у. 10-го.

Радуюсь свиданию и четырехдневному отдыху очень.

1916. XI. 17. 12-й час утра.

Вас. Остр. 22 линия, 5.

Катя милая, я доехал благополучно и нашел все в порядке, на линии de'me'nagement¹, как ты знаешь, лучше чем кто-либо, сия линия весьма

¹ переездов (франц).

колючая и зубастая. Однако, думаю, что мое переселение произойдет без осложнений. — Я отдохнул на неделю в Москве, мне было там очень хорошо. Приехал добрый, и вчера перевел целую песню Руставели, более длинную, чем песенки Фатьмы.

Спб. 1916. XI. 22.

Утро.

Катя родная моя, шлю тебе два слова, в воздухе отъезда. Через три дня чаю тебя увидеть.

Несмотря на суматошные обстоятельства, я неразлучен с Руставели, и мне осталось доперевести лишь 3 песни. Кончать буду все же в Москве.

Из письма к М. В. Сабашникову.
1916.

16 сент. Ладыжино.

Дорогой Миша, вчерашнее твое письмо было для меня истинною радостью. Не только кстати пришло

тотчас же по приезде в Москву. Я возвращаюсь ровно через десять дней.

Другая мысль была вот в чем. В прошлом году, когда я принялся за перевод поэмы Руставели, я через некоторое время вошел в волну увлечения, и мог бы, если бы не состоялся перерыв работы, кончить еще в прошлом году к Святкам всю работу. Но мне нужно было заботиться о разных вещах, которые меня отвлекли и разбили настроение. Всю зиму я напрасно пытался, время от времени вернуться к этой работе. Теперь я опять в волне увлечения ею. К концу сентября смогу передать тебе перевод еще 10-и песен, и если я не буду заниматься ничем, кроме Руставели, в течение трех ближайших месяцев к концу Святков я доставлю тебе весь перевод полностью. Если ты не найдешь для себя обременительным каждый раз,

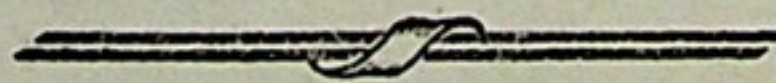
*Витязь в тигровой шкуре, царь от Бога, царь моголий
Сердцем щедрой, не надменно, царь сивого-кака гучи,
Горьवानе благословенный, зоркий, все увидит-ся кружи,
Самый, как вошь, несравненный, и рожиса, как китовъ железия
Тотъ властитель тотъ бездотелъ, лишь одну шитил отъ дотъ,
Свѣтъ сивогий велемной, очи-солнце, брови-ночь.
Кто не вриаетъ, чья пошисея, сердце бзго, разумъ протъ.
Как хвалитъ ее задуманъ, мудрой духъ сперва зиротъ.
П'шнат'ить прекрасной шид. Да навѣкъ пребудетъ славитамъ!*

Фотокопия с автографа Бальмонта — первая работа над переводом «Витязь в тигровой шкуре»

оно, но и явилось ответом на две мои мысли, которые были со мною все эти последние недели.

Над моим письменным столом здесь висит прекрасный портрет, вдохновлявшей Руставели, царицы Тамар, работы тонкой, лицо — как один из красивейших ликов итальянской живописи. В ящике же письменного стола в Москве лежит портрет Руставели. Каждый день, принимаясь за работу, я смотрел на Тамар, и мне хотелось, чтобы ее лицо и лицо Руставели украшали мою маленькую книжку, посвященную «Носящему барсову шкуру». Но я не знал, где ты, и потому не писал тебе об этом. Оба портрета я передам тебе для воспроизведения

при доставлении в издательство 10- и — 12- и песен, — совершенно готовых к печати, и не нуждающихся ни в какой переработке, — уплачивать мне договоренные монеты, я могу тогда эти ближайшие три месяца всецело посвятить себя этой работе, не заботясь ни о чем и не разбивая ничем своего настроения, которое, если вторично упущу, еще труднее будет создать в третий раз. Я думаю, что твой вопрос об «обозримом», времени окончания перевода — этим моим письмом получает полный ответ. Хочу думать, что твой ответ укрепит меня вполне в моем решении не исходить из этой волны работы вплоть до ее полного окончания...

На литературных вечерах Маяковского

Тот, кто видел живого, полного неиссякаемой энергии, мужественного Маяковского, выступавшего в Москве и Ленинграде, в столицах союзных республик, во многих городах необъятной Советской страны и за рубежом, Маяковского, полемизировавшего со своими идейно-политическими противниками, отбивавшего наскоки деятелей отживавших свой век литературных групп и группочек, кто хоть раз слышал его звучный, басистый голос, тот никогда не забудет обаятельного образа титана советской поэзии.

Маяковский жил боевой, кипучей жизнью, был в тесном контакте с читательскими массами. Маяковский — поэт-трибун, «агитатор, горлан, главарь» — навсегда остался в памяти тех, кому посчастливилось слышать его боевые выступления.

В 1928—1930 годах мне довелось несколько раз посетить литературные вечера-выступления Владимира Маяковского.

8 октября 1929 года. В тот день я второй раз слушал выступление Маяковского в Большой аудитории Московского Политехнического музея на вечере, который назывался «Открывается Реф». События, происшедшие на этом вечере и связанные с общей борьбой Маяковского с безыдейной, аполитичной поэзией, описаны в книге Льва Кассиля

«Маяковский — сам». Однако в главе «На капитанском мостике» некоторые подробности все-таки оказались не отмеченными.

Сторонники безыдейной, аполитичной поэзии озлобленно боролись против Маяковского. Эта борьба находила свое выражение и на литературных вечерах. Поклонники декадентского направления в литературе всячески старались помешать поэту. И в тот вечер, лишь только Маяковский начал говорить, во втором ряду сразу вскочил с места один из защитников декадентской поэзии и крикнул:

— Ничего у вас не выйдет, вы только открываете и закрываете свою литературную группу!

Маяковский грозно посмотрел на него и быстро отрезал:

— Садитесь! У вас плохой вид, вам вредно разговаривать!

Поэт говорил, что необходимо объявить борьбу безыдейности, что искусство должно стать агитатором и пропагандистом социалистического строительства. Примером участия писателя в революционной борьбе Маяковский привел известную полемику 40-х годов XIX столетия между поэтами Фрейлигратом и Гервегом. Поэт напомнил слушателям, как выступал Гервег против аполитичности Фрейлиграта:

Стих, как меч, врагу наносит рану,
Разите ж им, вступив в великий бой!

В это время с галерки кто-то крикнул:

— А вы знали Гервега и Фрейлиграта?

Маяковский шутя ответил:

— Знать-то знал, но брюк вместе не гладили.

В зале раздался смех.

На этом литературном вечере Маяковский прочел также перевод одного из стихотворений Фердинанда Фрейлиграта.

Представители мещанского искусства не давали ему покоя:

— Этот перевод не годится, вы его прочитали, как артист! Вы просто артист!

Маяковский спокойно ответил своим басом:

— Я поэт, но, если нужно, я и артист и даже юрист.

Затем Маяковский говорил о задачах поэта: «Мы должны в своей литературной работе прежде всего ясно представлять себе общую цель и конкретно стоящие перед нами боевые задачи строительства социализма». Маяковский призывал работников фронта литературы и искусства «стать в ногу с социалистическим строительством».

22 февраля 1930 года. Маяковский пришел в клуб писателей на закрытие выставки «20 лет работы». Поэт был не в настроении, сердито ходил из комнаты в комнату, хмурился. Выставка его не вполне удовлетворяла.

И вот Маяковский уже на сцене. Сцена маленькая. Кажется, что он занимает все ее пространство. Собравшиеся в зале заметили, что у Маяковского в руках папироса, хотя в одном из стихотворений он писал, что бросил курить.

— Вы же заявили в своем стихотворении, что бросили курить? — крикнули из зала.

Маяковский, повидимому, имея в виду неудовлетворившую его выставку, ответил:

— Здесь все так устроено, что

даже слон запоет колыбельные песни...

Потом поэта попросили прочесть «Облако в штанах». Маяковский ответил:

— Я прочту вам первое вступление к своей новой поэме, которое называется «Во весь голос». Сегодня я хочу побеседовать со своими потомками, я сам желаю рассказать им о себе.

Маяковский достал маленькую записную книжку, голос его загремел, особенно сильно прозвучал финал:

...Явившись
в Це Ка Ка
идуших
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Здесь же, на выставке, несколько раз сфотографировали Маяковского.

25 марта 1930 года. Я в четвертый раз слушал Маяковского. Он выступал с речью в Доме комсомола Красной Пресни на вечере, посвященном двадцатилетию литературной деятельности поэта. Эта речь была застенографирована и вошла в его собрание сочинений.

Настали апрельские дни 1930 года. С болью в сердце я в последний раз смотрел на Маяковского — уже не живого. Гроб с его телом стоял в зале Клуба писателей.

Теперь со сцены, где поэт еще недавно читал свои стихи, раздавались траурные мелодии... Но мне почему-то казалось, что вот сейчас Маяковский вновь поднимется на сцену, раскроет свою записную книжку, и мощно загремит его голос — голос поэта, стихи которого сегодня звучат во всем мире.

В. ЛАПЕРАШВИЛИ.

ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции издательство «Заря Востока» выпустило сборник произведений писателей Грузии на русском языке.

Необходимо особо отметить оперативную работу издательства, сумевшего в короткие сроки осуществить издание хорошо, со вкусом оформленной книги (художник И. Гурро).

Сборник «Великому Октябрю» объединяет около трехсот стихотворных и прозаических произведений, в нем представлено творчество более ста писателей.

Произведения, вошедшие в сборник, отображают многогранную жизнь народа: борьбу трудящихся Грузии в дореволюционные годы, победу Великой Октябрьской рево-

люции, установление Советской власти в Грузии, трудовой пафос первых пятилеток, грозные годы Великой Отечественной войны, самоотверженный героизм советских людей на фронте и в тылу, мирный созидательный труд послевоенных лет. В своих произведениях поэты и прозаики Грузии взволнованно говорят о нерушимой дружбе народов Советского Союза, о чудесных городах и селах солнечной Грузии, о ее замечательных людях — рабочих, колхозниках, интеллигенции.

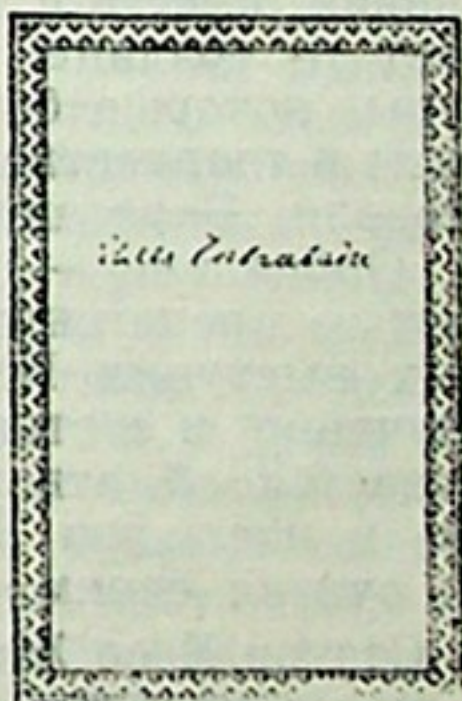
Наряду с произведениями представителей старшего поколения поэтов и прозаиков в сборник вошли рассказы и стихи молодых талантливых писателей Грузии.

Многие произведения, составившие сборник, публикуются на русском языке впервые.

Кроме переводов на русский язык произведений грузинских поэтов и прозаиков в сборник вошли произведения русских, армянских, курдских писателей, работающих в нашей республике, а также переводы с абхазского и осетинского языков.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. ЧАВЧАВАДЗЕ

В дни празднования 120-летия со дня рождения Ильи Чавчавадзе на прилавках книжных магазинов Тбилиси появилось несколько книг, посвященных жизни и творчеству великого грузинского писателя-гражданина, а также сборники его произведений. Среди этих книг внимание читателей привлекло хорошо оформленное собрание сочинений Ильи Чавчавадзе, выпущенное в пере-

Илья Чавчавадзе. Собрание сочинений. Редактор Д. Шенгелая. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г. На русском языке, перевод с грузинского.

воде на русский язык издательством «Заря Востока».

Новое двухтомное издание открывается большой статьей Бесо Жгенти, знакомящей читателей с основными этапами творчества Ильи Чавчавадзе, важнейшими темами и мотивами его поэзии и прозы. Автор вступительной статьи не ограничивается простым разбором замечательного литературного наследия писателя, он стремится — и это очень важное качество его статьи — вскрыть истоки, питавшие творчество писателя. «В своей мужественной борьбе против реакционных, антинародных сил, в своем беззаветном служении возвышенным идеям патриотизма и гуманизма, национального освобождения и социальной справедливости Илья Чавчавадзе выступал выразителем интересов и устремлений трудового народа, глашатаем его надежд и чаяний». Такова почва, — подчеркивает автор статьи, — на которой вырос могучий талант Ильи Чавчавадзе.

Бесо Жгенти подробно говорит о роли и значении для формирования мировоззрения Ильи Чавчавадзе литературной деятельности русских революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Особо выделяя слова Ильи Чавчавадзе о том, что «вновь пробужденная Россия, увидев, что истоком всех ее болей является сам общественный строй, когда-то установленный и утвержденный без обновления, опровергла этот строй, опровергла все то, что способствовало этому строю... Неоценимой деятельностью это смелое отрицающее направление пустило глубокие корни в России и заняло передовое место на общественном поприще. Возглавлял это новое направление «Современник», автор предисловия, вместе с тем, очень четко намечает те традиции грузинской литературы, которые были подхвачены и развиты в творчестве Ильи Чавчавадзе. Руставели, Бараташвили, Ал. Чавчавадзе, Г. Орбелиани — вот писатели, неутомимым пропагандистом творчества которых выступил Илья Чавчавадзе. И не случайно в статье так подробно рассказывается об отношении Ильи Чавчавадзе к наследию Бараташвили, которого он считал своим предшественником.

Статья Бесо Жгенти по своему характеру не претендует на исчерпывающую полноту и всесторонность в исследовании отдельных проблем творчества и мировоззрения Ильи Чавчавадзе; это очерк жизни и творчества писателя, очерк, который призван помочь русским читателям глубже понять все многообразие литературных интересов Ильи Чавчавадзе и, одновременно, все единство и цельность его творческих устремлений.

В первом томе нового собрания сочинений собраны все важнейшие и характернейшие для поэзии Ильи Чавчавадзе произведения. Читатель найдет здесь такие шедевры чавчавадзевской лирики, как стихотворения «Поэт», «Пахарь», «Горам Кварели», «Муша», «Слышу звук цепей спадающих», «День падения Коммуны» и другие. В первом томе напечатаны также поэмы Ильи Чавчавадзе — «Видение», «Мать и сын», «Несколько картин, или случай из жизни разбойника», «Дмитрий Самопожертвователь», «Отшельник».

Характерно, что в юбилейном собрании сочинений все поэтические произведения Ильи Чавчавадзе даны в уже печатавшихся прежде переводах (Н. Заболоцкого, А. Кочеткова, А. Тарковского, В. Звягинцевой, Б. Серебрякова и др.). Это говорит о несомненных успехах русских поэтов-переводчиков, уже создавших превосходные переводы произведений великого грузинского писателя. Но значит ли это, что дальнейшая работа по переводу произведений Ильи Чавчавадзе может быть свернута или даже прекращена? Отнюдь, нет. Во-первых, переводы, включенные в книгу, далеко не равнозначны по своей художественной силе, а, во-вторых, за ее пределами остался целый ряд произведений, перевод которых, несомненно, помог бы русскому читателю еще яснее понять широту поэтических горизонтов Ильи Чавчавадзе. Мы говорим, прежде всего, о многих не переведенных донныне лирических стихотворениях поэта, а также о таком интересном образце гражданской поэзии, как «Загадки» Ильи Чавчавадзе, распространявшиеся в рукописи и сыгравшие большую роль в борьбе между реакционно-консервативными и прогрессивно-демократическими лагерями грузинской интеллигенции.

Думается, что опыт, накопленный нашими переводчиками и редакторами (об этом убедительно говорит новое собрание сочинений), позволяет уже сегодня поставить вопрос об издании на русском языке полного собрания художественных произведений Ильи Чавчавадзе. Эта задача в значительной мере облегчается тем, что проза Ильи Чавчавадзе уже сейчас полностью переведена на русский язык (во второй том собрания сочинений включены переводы Ел. Гогоберидзе).

Культура редакционной подготовки двухтомника достаточно высока. И это тем отрадней, что еще недавно можно было в одном из сборников поэзии Ильи Чавчавадзе обнаружить разные переводы одного и того же стихотворения, хладнокровно помещенные в книгу под двумя различными названиями.

Культура нового издания сказывается, кроме того, во внимании к читателю, не знакомому детально с творчеством Ильи Чавчавадзе. Второй том, на-

пример, включает статья Серго Чилая «Повести Ильи Чавчавадзе», содержащая анализ крупнейших прозаических произведений писателя. Полезен также словарь встречающихся в тексте грузинских слов.

Издание на русском языке двух томов художественных произведений Ильи Чавчавадзе — хороший подарок к юбилею писателя. Хочется только пожелать, чтобы издательство «Заря Востока» столь же быстро и успешно осуществило перевод и издание на русском языке сборника публицистики Ильи Чавчавадзе, составляющей большую и важную часть литературного наследия писателя. Потребность в таком сборнике велика и очевидна.

М. ЗАВЕРИН.

ПОЭЗИЯ АБХАЗСКОГО НАРОДА

Перед нами однотомник «Антологии абхазской поэзии», изданный недавно Госиздатом Грузии. Декада абхазского искусства и литературы в Тбилиси

совпала с исторической датой — сорокалетием Октябрьской революции, которую недавно торжественно отпраздновал советский народ. Это совпадение весьма знаменательно: взращенные великим Октябрем абхазская литература и искусство в дни славного юбилея отчитываются о своих достижениях перед партией и народом.

Поэзия абхазского народа сравнительно молода. Ее истоки восходят к десятым годам нынешнего столетия, когда, впервые в истории абхазской литературы, в Тбилиси в 1912 году появился сборник стихотворений выдающегося деятеля абхазской культуры Д. И. Гулиа.

Зарождению национальной поэзии абхазцев предшествовало богатое устное народное творчество, которое складывалось и развивалось на протяжении многих веков.

Составители антологии, исходя из исторических предпосылок развития абхазской поэзии, представили в книге два основных раздела — «Народная поэзия» и «Советские поэты».

В абхазском эпосе нашли отражение лучшие традиции и чаяния абхазского

народа, передающиеся из поколения в поколение. Сказание о скованном герое Абрскиле, который является двойником грузинского Амирани, предания о богатырях — нартах, сказки, мифологические рассказы об охоте, обрядовые и героические песни свидетельствуют о свободолюбивом духе, трудолюбии и высоких моральных качествах абхазского народа, история которого уходит в глубь веков.

В антологии героический эпос представлен «Историей о храбром Манача сыне Пшкиача и прекрасной Мадине», а также «Песню о Киахбе Хаджарате».

Шуточные песни и героические «шаиреби» (частушки), которые относятся к разным историческим периодам, пересыпаны искрящимся народным юмором.

В антологии нашла отражение современная народная поэзия Абхазии. Здесь стихи о партии и ее вожде В. И. Ленине, о передовом бригадире и сборщице чая, о реке Гумиста, дающей электроэнергию городу Сухуми, о плодородии целинной земли и другие, в которых абхазский народ славит новую жизнь, новое поколение строителей коммунизма.

В стихотворениях «Две жизни», «Говорит земля Дурипша», «Пою новую жизнь» проводится параллель между дореволюционной Абхазией, в которой беспросветная нужда заставляла трудящегося человека влачить жалкое существование, и Абхазией социалистической, обеспечивающей все условия для культурной и зажиточной жизни советских людей.

Большой интерес вызывает второй раздел антологии, в котором с соблюдением хронологии в развитии абхазской поэзии представлены наиболее популярные в народе писатели.

Раздел открывают произведения основоположника абхазской национальной поэзии народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа. Достаточно беглого знакомства с заглавиями стихотворений, чтобы постигнуть круг тем и жизненных вопросов, волнующих писателя. Безграничной любовью к Родине, советскому народу, завоеваниям Октября проникнуты стихотворения о партии, «Думы о Ленине» и цикл стихов об Октябрьской революции. Имя Ленина, мудрого основателя нашего государства, поэт отождествляет с понятием выпестованной им партии, которая смело «смотрит в будущее глазами вождя».

Великому Октябрю, «вдребезги разбившему мучительное ярмо», поэт посвящает цикл стихотворений — «Аврора», «Ван Ю — с берега Желтой реки», «Баллада о спасении пастуха». Эти произведения не связаны между собой единой сюжетной канвой, но их объединяет идейная целенаправленность поэтического замысла.

«Антология абхазской поэзии». Редактор И. Абашидзе. Издательство «Сахелгами», Тбилиси, 1957 г. На грузинском языке, перевод с абхазского.

Д. Гулиа одновременно и радуется и поражает своей тонкой поэтической наблюдательностью, умением оттенить и свежо подать свои лирические ощущения. Подобно художнику-маринисту, изображающему на холсте мельчайшие подробности морской стихии, Гулиа в стихотворениях, посвященных морской тематике, с пленительной непосредственностью передает читателю одухотворенную красоту моря. В стихотворениях «Море», «Пришел корабль», «Горы и море» покоряет первозданная чистота, романтика моря и живописное сочетание горного и морского пейзажа солнечной Абхазии.

Двумя произведениями — «Колхозной песней» и балладой «Дочь гор» представлено в антологии поэтическое творчество классика абхазской литературы Самсона Чанба.

Первое стихотворение, созданное, надо полагать, в начальный период колхозного движения в Абхазии, передает пафос вдохновенного коллективного труда. В стихотворении содержится призыв к объединению в колхозы, ибо только «коллективный труд является источником изобилия».

Баллада «Дочь гор» — произведение, в котором поэтическими средствами изображается историческое прошлое абхазского народа и новая жизнь, пришедшая в Абхазию после победы Октября. Глубоко поэтичны те места баллады, в которых автор передает переживания Дочери гор — символа многострадальной Абхазии, — с горных вершин наблюдающей страдания родного народа. Но вот настал 1917 год. Могучее дыхание Октября, коснувшееся горных вершин Абхазии, рассеяло тьму. И радостная улыбка вновь озарила светлый лик прекрасной девы гор: ее родной народ обрел новую, до этого невиданную, счастливую жизнь.

К старшему поколению абхазских поэтов принадлежит Иуа Когониа, поэзию которого отличают ярко выраженный национальный колорит и самобытность художественного почерка. Не случайно большинство его произведений основано на абхазском фольклорном материале. Они привлекают композиционной стройностью, реальностью сюжета, волнуют читателя продуманностью поэтических ситуаций.

Лирические стихи И. Когониа «Ночь», «Охотник» и другие, опубликованные в антологии, говорят о тонком поэтическом вкусе и глубине мысли их автора.

Поэта Леварсана Квициния смело можно назвать певцом абхазской природы. Но подобное определение его поэтического дарования было бы не полным. В творчестве Л. Квициния сильно звучат и гражданские мотивы. Это видно, прежде всего, из стихотворения

«Моя апхиарца¹», где автор говорит о назначении поэта. Квициния подчеркивает здесь общественный характер поэзии, указывает на необходимость служения поэта интересам народа.

В стихотворениях «Товарищ», «Четвертое марта» и других автор говорит о беспредельной любви к Родине, родному краю, для которого, если понадобится, он готов умереть. Поэт сдержал слово: он пал смертью храбрых в Великой Отечественной войне.

Как уже говорилось выше, поэтической стихией Л. Квициния является природа Абхазии. Стихотворения «Весна», «Апсны», «Горы», «Озеро Рица», «Гагра», «Водопад» и другие исполнены глубокого чувства любви к бесконечно дорогим уголкам Родины.

Представитель среднего поколения абхазских поэтов Кязим Агумаа — писатель чуткий и отзывчивый. Зримость поэтических идеалов — одна из привлекательных особенностей его творчества. К. Агумаа не чужд и фантазии, но каждый раз, когда он обращается, например, к мотивам абхазского фольклора или романтизму Н. Бараташвили, как к источникам вдохновения, поэту не изменяет чувство реального.

Нежной сыновней любовью к Родине проникнуты его стихотворения «Москва» и «Звезды Кремля». Поэт твердо уверен, что народы не сойдутся с великого пути, озаряемого кремлевским созвездием. В стихотворении «Гимн жизни» поэт воспевает родной край, который у него ассоциируется с цветущим садом.

В современной абхазской поэзии видное место занимают произведения талантливого поэта Баграта Шинкуба. Для большинства его стихотворений характерны ясность и прозрачность поэтической форма, глубина мысли и мужественная интонация, идущие от лучших традиций советской поэзии.

Стихи Шинкуба, вошедшие в антологию, весьма разнообразны по жанру и особенно по тематике. Здесь и откровенный разговор с друзьями, и интимная беседа с любимой женщиной, размышления поэта и картины природы.

Как отрадное явление в абхазской литературе был воспринят выход в свет романа в стихах Б. Шинкуба «Мои соотечественники», пространные фрагменты из которого приведены в антологии. Это широкое полотно, рисующее абхазское село со всеми будничными заботами, столкновением противоположных характеров и мнений, недостатками и положительными чертами его обитателей, словом, со всем тем, что в совокуп-

¹ Апхиарца — абхазский музыкальный инструмент.

ности можно назвать повседневной жизнью колхозного села.

В романе — целая галерея колоритных, запоминающихся образов. Такими представляются, в частности, образы передовых сельских интеллигентов Арсана и Дамея, его возлюбленной Астанды, профессора Дзнеладзе и других. В романе показаны, и в этом одно из главных его достоинств, сознательность, высокие моральные качества рядовых тружеников колхоза. Обобщающий характер подлинно жизненного конфликта, намеченного автором в романе, его правильное разрешение, несомненно, определили успех этого произведения.

Публицистическая заостренность и мужественность в лирике Ивана Тарба неотделимы от целеустремленного гражданского романтизма. В своих произведениях поэт затрагивает самые разнообразные стороны нашей действительности.

В «Поэме без заглавия» автор на примере собственного жизненного пути, а также своих сверстников, стремится раскрыть великие закономерности советской эпохи — расцвет талантов, рост людей, и не каких-либо особых, избранных, а всех, кто честно выполняет свой долг. В то же время поэт клеймит позором носителей пережитков прошлого.

Иная тема лежит в основе другой поэмы И. Тарба — «Десять лет спустя», вошедшей в антологию. Здесь автор выступает страстным поборником мира, борцом против ужасов войны.

Стихи И. Тарба «Песня жизни и весны», «Старший брат», «Садовник» и другие проникнуты любовью к советским народам и социалистической Родине.

Поэзия Алексея Ласуриа, представленная в антологии, на первый взгляд, оставляет впечатление лирического дневника, в котором поэт запечатлел значительные события своей жизни, снабдив их поэтическим комментарием. Но стоит глубже и внимательнее вчитаться в произведения этого автора, как наспех сделанное заключение уступит место более справедливому: А. Ласуриа в своем творчестве отнюдь не ограничивается рамками сугубо личного.

«Две картины» — глубоко впечатляющий психологический рассказ. Это стихотворная повесть о тяжелых душевных переживаниях автора, вызванных одновременно нагрянувшими на его семью радостью и горем... Сообщение о гибели на фронте Отечественной войны брата поэта поступает в тот момент, когда у погибшего рождается сын. Рождение и смерть человека! В этом совпадении глубокий смысл, который хочет подчеркнуть автор: отец сложил голову во имя счастливого будущего сына.

В антологии нашло отражение творчество и других представителей старшего и среднего поколения абхазских писате-

лей, таких, как М. Хашба, Ш. Цвижба, О. Джемерж Ипа, Л. Лабахуа, А. Джонуа, Ч. Джонуа, С. Сангулия. К сожалению, в данной статье нет возможности остановиться на творчестве каждого из них в отдельности. Но общее впечатление, вынесенное в результате знакомства с произведениями названных поэтов, безусловно отрадное.

Довольно полно представлено в антологии и творчество младшего поколения абхазских поэтов. Большинство их радует разнообразием тематики, поэтической зоркостью и умением просто, доходчиво передать оттенки своих лирических ощущений. К числу таких поэтов относятся Георгий Гублия, Константин Ломия, Нелли Тарба, Алексей Гогуа и другие.

Некоторые из произведений молодых абхазских поэтов еще неглубоки по мысли, спорны по замыслу, грешат композиционными недостатками, но все они подкупают своей непосредственностью, живым и горячим чувством.

Составителей антологии следует упрекнуть в одном: в сборнике отсутствуют даты, указывающие время создания произведений, что мешает читателю ориентироваться в антологии.

Содержание «Антологии абхазской поэзии» в целом, его идейная и тематическая направленность, разнообразие творческих приемов помогают увидеть, как растет и мужает абхазская поэзия, голос которой все убедительнее звучит в многонациональном хоре советской литературы.

Д. ВАТЕИШВИЛИ.

СБОРНИК РАССКАЗОВ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательство «Саблитгами» выпустило в свет сборник рассказов для детей классиков русской литературы. Помимо того, что эти рассказы имеют большое воспитательное значение, они несомненно помогут формированию у детей подлинного эстетического вкуса.

Прежде чем коснуться перевода вошедших в сборник произведений, осуществленного ныне покойным грузинским писателем Ильей Зурабишвили, хочется отметить удачный подбор рас-

«Рассказы русских писателей». Редактор Р. Маргиани. Издательство «Саблитгами», Тбилиси, 1956 г. На грузинском языке, перевод с русского.

сказов, знакомящих маленьких читателей с творчеством Толстого, Тургенева, Чехова, Куприна, Короленко, Гаршина, Горького и других.

Трогательная дружба маленькой татарской девочки Дины с пленным русским солдатом Жилиным, описанная в рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», учит детей чуткости, сердечности. А сколько человечности, возвышенного гуманизма в тургеневском «Перепеле»! В старую, проклятую жизнь на время перенесет юного читателя рассказ Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик». Это обличительный документ против ненавистного капиталистического строя, он зажжет сердца наших детей огнем ненависти к тем людям, к тем порядкам, которые привели к гибели их умного, талантливого сверстника. Тем же гуманистическим целям служат и рассказы Д. Н. Мамина-Сибиряка «Колесо» и Л. Н. Андреева «Петька на даче».

В сборник вошли также такие шедевры литературы для детей, как «Максимка» К. М. Станюковича, «Сигнал» В. М. Гаршина, «Мороз» В. Г. Короленко, «Мальчишки» А. П. Чехова, «Грачи» А. И. Куприна, «Встреча» А. М. Горького и другие.

К сожалению, у нас нет возможности подробно остановиться на качестве переводов, проиллюстрировать отдельные положения примерами, но постараемся все же оттенить то основное, что является характерным для переводов Ильи Зурабишвили.

Прежде всего, следует отметить, что в большинстве переводов сохранены богатство языка и стиль авторов, простота и ясность повествования, строгая задушевность, без всякого сюсюканья и ложного подделывания под «детский стиль». Хочется выделить перевод рассказа Короленко «Мороз». И. Зурабишвили хорошо почувствовал и передал сам ритм этого поистине поэтического произведения. Вспомните, например, конец рассказа, где переводчику, несомненно, удалось сохранить всю тонкую поэзию оригинала.

Большие трудности представлял перевод рассказа Станюковича «Максимка», насыщенный матросским жаргоном. И надо сказать, в переводе не поблекли сочные, колоритные образы Лучкина и других матросов. Соблюдая верность оригиналу, переводчик почти всегда удачно находит соответствующие идиомы в недрах грузинского языка.

Слабее других переведен рассказ Чехова «Мальчишки». В переводе почти исчезла грустная чеховская ирония по отношению к своим героям, к описываемым событиям. Отметим также, что отдельные русские слова переводчик по-

чему-то прямо ввел в грузинский текст («гримаса» и т. д.).

Но все это — детали, которые никак не могут омрачить общего ^{отрадного} впечатления, которое оставляют переводы И. Зурабишвили.

Следует, на наш взгляд, предъявить претензии к оформлению сборника. Неудовлетворительно качество печати в целом интересных иллюстраций художников Н. Симоновской, Е. Комарова, Б. Шахова, В. Орлова, Г. Коржева, Б. Коржевского, Г. Никольского, Т. Шишмаревой, А. Алейникова, А. Короткина, А. Кондратьева и А. Китаева. Фамилии авторов обозначены почему-то в конце рассказов, да и то мелким шрифтом. Не обошлось в сборнике и без досадного ляпсуса. Если верить обложке сборника, то он появился в 1955 году. Однако титульный лист опровергает эту дату рождения сборника — на нем указано, что книга вышла в 1956 году. Где истина — это, конечно, лучше всего известно работникам «Саблитгами».

В заключение хочется еще раз отметить, что издание рассказов русских писателей для детей на грузинском языке — хорошее и чрезвычайно полезное дело.

Д. СТУРУА.

ВСЕЙ ЗЕМЛЕ БЫТЬ В ЦВЕТУ

Мне шестьдесят.
Весь путь большой
стоит пред взором...
Свой путь, насыщенный
борьбой,
я шагом скорым
Прошел сквозь гул-
кие года,
сквозь горечь, горе.
Мне плечи горбила
беда,

но с нею в споре
Я к сердцу боль не подпускал
и злые муки
Всей грудью, стоя, принимал,
сжав крепко руки.

(«Шестьдесят лет»,
перевод Е. Лейтина).

В этих строках Сандро Эули, поэта-большевика, хорошо передан облик того поколения грузинских поэтов, которые часто сменяли перо на оружие, одинаково остро разя ими врага, и отдавали всего себя без остатка великому делу победы коммунизма.

Вспомним стихотворение Сандро Гурели — это был один из псевдонимов поэта — «Борьба», напечатанное 10 ноя-

Сандро Эули. «Всей земле быть в цвету». Редактор Н. Сидоренко. Издательство «Советский писатель», Москва, 1956 г. На русском языке, перевод с грузинского.

бря 1917 г. в газете «Брдзола» («Борьба»), редактируемой М. Цхакая и Ф. Махарадзе; стихотворения «Зовет набат, зовет», напечатанное там же 29 декабря 1917 года, «Песнь рабочего», помещенное в этой же газете 17 января 1918 года. Не случайно эти стихи Сандро Эули появились именно в «Брдзола» — в газете, продолжавшей славные традиции старой ленинско-искровской «Брдзола», которая выходила в Закавказье в начале века.

Нельзя понять первый период творчества Сандро Эули, кстати, совсем не представленный в рецензируемом сборнике стихов, вне учета сложной общественной жизни в Грузии в первые годы революции. Известно, что некоторые поэты, в их числе были и поэты даровитые, подпав под влияние социальной демагогии, отдали в те годы дань буржуазно-демократическим иллюзиям и не сразу поняли новые большие задачи, которые встали перед страной. Сандро Эули в своих стихах того периода, обращенных к самым широким массам трудящихся (иногда по форме излишне упрощенных), отстаивал политические, эстетические позиции партии и народа, боролся с их идейными противниками.

В стихах С. Эули часто слышен голос рабочего, старого токаря, кузнеца, голос людей, стоящих у станков и тисков; слышен гул моторов мастерских, фабрик и заводов.

Ну-ка, братцы, песню грянем!
Мы на то и мастера!

Запоешь — и легче станет.
Эй! К станкам, друзья пора!
(«У станков и тисков»,
перевод Б. Серебрякова).

Интернационализм, глубокая, идущая от всего сердца любовь и уважение к культуре, истории, к прогрессивным традициям, к людям всех народов нашей великой Родины звучат в стихах поэта. Читатель легко в этом убедится, если перечтет хотя бы те стихотворения, которые представлены в сборнике — «Думы и мечты юноши» (стихотворение, посвященное М. Горькому, перевод Б. Серебрякова); «Пушкину» (перевод С. Олендера); «Лермонтову» (перевод С. Шервинского); «Тарас Шевченко» (перевод Р. Ивнева); «Иван Франко» (перевод С. Шервинского); «Узбекским поэтам» (перевод С. Олендера).

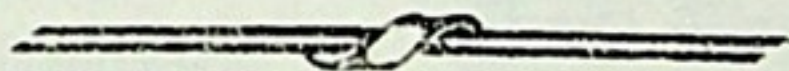
В сборнике представлены и эпические произведения С. Эули — «Чаладиди», «Орлиное гнездо», в которых поэт, обозревая пройденный страной путь, рисует героев сегодняшнего дня, борцов за свободу.

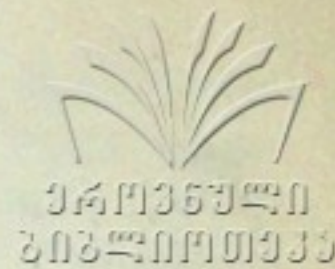
И не случайно, сегодня, на седьмом десятке жизни, С. Эули, по-юношески влюбленный в свой народ, в свою родную партию, вновь и вновь вспоминает незабываемые дни Октября, принесшего народу свободу и счастье:

Но Октябрь мне счастья, света, роста
За волной шлет новую волну,
Вновь пою и жить хочу я до ста,
Посылая к черту седину.

(«С весны до весны»,
перевод Б. Лейтина).

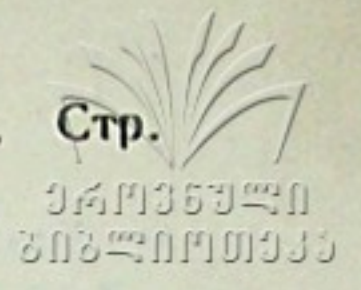
Вл. МАЧАВАРИАНИ.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1957 год

	Журн.	Стр.		Журн.	Стр.
О нашем журнале	I	3	Э. Фейгин. Земляки. Из по- ходной тетради.	III	57
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Ко- митета Коммунистической партии Советского Союза	IV	3	И. Чавчавадзе. У виселицы. Рассказ.	III	27
Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искус- ства с жизнью народа	IV	4	С Т И Х И		
М. Д. Чубинидзе. Под солн- цем Октября	V	3	И. Абашидзе. У Дарьялгеса. Вдохновение. На XX съезде.	I II IV	31 40 73
М. Церетели. Нестор Калан- даршвили — «Дед» сибир- ских партизан	V	9	Январь на берегу Ганга	VI	6
В. Эсаиашвили. В. И. Ленин и большевики Грузии	I	81	Ш. Амисулашвили. Баллада о тушинской шапке.	IV	83
			Х. Берулава. Ленину. На Великой китайской стене	I V	4 24
РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ			Т. Броев. Журавли. Гафез. Иней.	I I	71 65
Н. Абашидзе. Шелковый пла- ток. Рассказ	V	48	А. Гомиашвили. Мать моей обители. Соленые озера.	III VI	119 18
М. Асланян. Подрубленный столб. Рассказ	III	121	Д. Джигоев. Тебе, партия.	V	47
С. Бабаевский. Олег и Лен- ка. Рассказ	IV	94	Е. Евтушенко. Воспоминание.	V	45
А. Белиашвили. Неожидан- ная находка. Рассказ.	VI	7	К. Каладзе. Мечта.	III	111
К. Гамсахурдиа. Две ночи. Главы из романа «Давид- Строитель».	VI	25	М. Квливидзе. Снежное.	VI	54
Л. Готуа. Рассказ о пушке.	IV	86	М. Лебанидзе. Отец. Зеленая песня.	I IV	62 81
Ш. Дадиани. Семья Гвиргви- лиани. Роман.	I—5; II—5; III—90; IV—42; V—26		Г. Леонидзе. Николаю Тихонову. Привет тебе, моя Отчизна.	II V	38 20
Р. Джапаридзе. Старый двор. Рассказ.	VI	55	Л. Магистрова. Дорога.	II	89
Р. Канделаки. Бродил ху- дожник по городу. Повесть о Пиросмани.	II	44	М. Максимов. Орлы.	III	14
М. Лакербай. Маленькие рас- сказы.	I	66	Мариджан. Книга жизни.	II	43
А. Ломидзе. Козуля. Рас- сказ.	II	86	А. Мирцхулава. Лук и лира. «Нет друзья...»	I III	45 56
М. Лохвицкий. В летний день. Рассказ.	I	75	М. Мревлишвили. На восходе солнца. Книжка стихов.	I	72
М. Мревлишвили. Старый та- рантас. Рассказ.	V	61	В. Николаевская. По дорогам Грузии.	VI	20
И. Мухадзе. Товарищ Ной. Повесть о бесстрашном ре- волюционере.	V	71	О. Новицкий. Грабовский пе- реводит Чавчавадзе.	VI	65
Г. Натрошвили. Вновь весна на Иори. Рассказ.	I	46	И. Нонешвили. Октябрьское знамя.	V	5
М. Папаскири. Старый Гед- лач. Рассказ.	III	114	Важа Пшавела. Жалоба ме- ча. Ожидание.	I	43
Н. Тихонов. Цхнетские ве- чера. Рассказ.	I	34	Б. Пастернак. Новые стихи. Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Глава из поэмы в новом переводе Н. Заболоцкого.	IV I	77 36 30
			С. Рустам. Новая песня моя.	I	30
			Г. Салуквадзе. На кукуруз- ном поле.	I	70
			А. Соколовский. Человек про- водит дни на пляже.	II	43
			В. Смирнов. Ручей.	IV	85
			С. Стаценко. Вечер на Роди- не. Новый дом.	I	74
			А. Сулакаури. Майский дождь.	II	83

Журн. Стр.

Журн. Стр.

Г. Табидзе. Ленинграду.	II	3
Т. Табидзе. Орпирский комсомалец в Кремле	I	32
Ф. Халваши. Приглашаю.	V	70
И. Чавчавадзе. Поэт.	III	26
К. Чачхалиа. Гагра	VI	52
Е. Чаренц. Борис Дзnelадзе.	V	17
О. Челидзе. Тайна Хвамли.	VI	50
С. Чиковани. Майский дождь в Кракове.	IV	76
	V	22
К. Чичинадзе. Народное торжество.	II	85
А. Шенгелиа. Белая мельница.	VI	53
Б. Шинкуба. В дороге.	V	59
Ф. Яннокопуло. Песня о Грузии.	II	81
П. Яшвили. Самому себе.	III	88
Труд поэта. Поэзия.	VI	23
Народ воспевает Великий Октябрь. Из грузинского, абхазского и осетинского фольклора.	V	6

О Ч Е Р К И

Завод-ветеран. Рассказ старого рабочего Георгия Антадзе.	V	13
И. Дубинский. Город, люди, конфликты.	I	94
К. Лордкипанидзе. Они спустились с гор.	VI	74
И. Месхи. Наш восточный брат — Сумгаит.	IV	24
Н. Новицкий. Рустави—город металлургов.	II	91
...Плюс электрификация	V	109

ГРУЗИЯ НА СТРОЙКЕ

М. Нефедов. Газификация Тбилиси.	I	122
Г. Онаниян. Сегодня и завтра Тбилисского телецентра.	II	121

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. Асатиани. Илья Чавчавадзе и русская литература	III	47
П. Гудушаури. Народный писатель. К 80-летию со дня рождения А. Упита.	VI	101
Г. Джапаридзе. Тамара Абакеллия.	VI	105
В. Жвания. Читатель и приключенческая литература.	VI	96
М. Заверин. Заметки о переводах А. Межирова.	II	106
С. Кавтарадзе. Луи Арагон о грузинской литературе.	I	102
Г. Ломидзе. Вопросы национального своеобразия литературы	I	108
Г. Маргвелашвили. Подлинное богатство поэзии.	II—100; IV—107; V—118	
Г. Прилипко. Великий Октябрь в произведениях М. Горького.	VI	81
Ш. Радиани. Творчество М. Джавахишвили	VI	88

П. Ратиани. Великий писатель-гражданин. (К 120-летию со дня рождения И. Чавчавадзе.)	III	16
--	-----	----

ПУБЛИЦИСТИКА

М. Гараканидзе. Грузинское деревянное зодчество.	IV	118
М. Джanelидзе. С чем молодежь Грузии пришла ко Всемирному фестивалю.	II	125
М. Живов. Польские певцы Кавказа.	VI	67
К вам наше слово, писатели, деятели культуры!	VI	3
М. Стурua. Преступления без наказания.	II	110
И. Чавчавадзе. Девятнадцатый век. По поводу «Сакартвелос моамбе». Сто лет назад. Статьи.	III	37
Н. Шалуташвили. Выдающийся деятель русской сцены.	IV	129

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Аветик Исаакян о грузинском переводе «Абу-лала-Маари».	VI	110
Беседа А. М. Горького с рабочими, селькорами и военкорами в Тбилиси 27 июля 1928 г.	I	114
В. Лаперашвили. На литературных вечерах Маяковского.	VI	117
С. Тодрия. Воспоминания рядового подпольщика.	IV	32
Ф. Шавишвили. Последний день Шлиссельбургской крепости	III	8
В. Шаутидзе. Вместе с родным заводом.	III	3

СРЕДИ КНИГ

М. Андреев, Т. Хоштария. Историко-экономический очерк Грузии	I	128
Л. Бранловская. Герои бессмертны.	I	127
И. Вакели. Стихи Ноэ Зомлетели.	II	140
Д. Ватеишвили. Поэзия абхазского народа.	VI	121
Е. Вирсаладзе. Пословицы русского народа.	II	137
С. Гвелесиани. Дорогами жизни.	I	132
Г. Гиголов. Литературовед и его труд.	II	134

	Журн.	Стр.		Журн.	Стр.
Ф. Гокисли. Книга о жизни и творчестве великого польского поэта.	IV	134	Я. Хуцишвили. Книга о героической борьбе за победу Советской власти.	II	133
В. Гоциридзе. На суд товарищей.	I	128	НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ		
Э. Елигулашвили. Поэзия научного исследования	IV	136	Г. Бебутов. К истории одного знакомства.	I	133
М. Заверин. Так пелось мне... Собрание сочинений Ильи Чавчавадзе	I	129	Ш. Гозалишвили. Страничка прошлого.	I	134
В. Лаперашвили. На заре нашей эпохи.	VI	119	Г. Демирханова. Первая печатная грузинская книга	I	135
В. Мачавариани. Воспоминания и статьи Геронтия Кикодзе.	IV	133	Л. Джулабашвили. Первый перевод романа Ивана Вазова «Под иглом» на грузинский язык.	IV	140
Книга стихов Григола Абашидзе.	I	126	И Ениколопов. Неизвестное письмо Габриэла Сундукянца.	IV	139
Всей земле быть в цвету.	II	138	А. Ростиашвили. Подарок Стефана Цвейга.	IV	142
И. Мегрелидзе. Памятники древнегрузинской литературы.	VI	124	НАШИ ИНТЕРВЬЮ		
А. Мирцхулава. Шествие весны.	IV	135	Дружба сокращает расстояния	II	128
Г. Натрошвили. Статьи о литературных традициях.	II	132	Зарубежные гости о Советской Грузии.	V	142
Очерки истории Коммунистической партии Грузии.	IV	137	Х Р О Н И К А		
Ш. Радиани. «Избранное» Георгия Церетели.	II	138	Перед декадой.	I	136
Л. Ростовцев. По родным дорогам.	II	141	ЗА РУБЕЖОМ		
Д. Стуруа. Новые встречи, новые впечатления.	II	141	К. Ломтатидзе. По дорогам Сирии.	V	139
Сборник рассказов русских писателей на грузинском языке	I	130	С. Чилая. 17 дней в Болгарии.	V	131
И. Урушадзе. Монография о Беке Опизари.	VI	123			
	II	136			

Технический редактор К. Коринтели.

Подписано к печати 27/II-57 г.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 8 печ. натур. л. + 3 вкл.

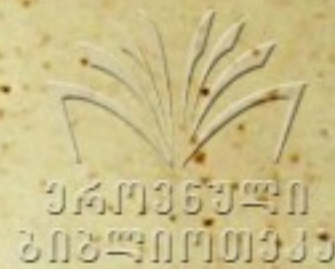
Заказ № 1335

Тираж 5.000

790214

Цена 5 руб.

5 руб.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1958 год

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

(Орган Союза писателей Грузии)

В журнале публикуются новые произведения грузинских писателей в переводе на русский язык, а также произведения русских писателей, работающих в республике.

В журнале принимают участие выдающиеся деятели русской культуры и братских литератур Союза ССР.

Подписная цена:

на год — 30 руб.

на 6 мес. — 15 руб.

Цена отд. номера — 5 руб.

Подписка принимается в отделах „Союзпечати“, во всех конторах и отделениях связи.